

Управление культуры и искусства Администрации Липецкой области
Липецкий областной краеведческий музей

Георгий Валентинович
Плеханов

к 150-летию
философа, мыслителя
и общественного деятеля

г. Липецк, 2006г.

ГЕОРГИЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ПЛЕХАНОВ

К 150-ЛЕТИЮ
ФИЛОСОФА, МЫСЛИТЕЛЯ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Георгий Валентинович
Плеханов
1856 – 1918

Семья Георгия Валентиновича Плеханова

«...как и в отдельном человеке и через него живет весь род преемственных поколений, так и в совокупности этих рядов и через них действует единый народ, так и в полноте народов живет и совершает свою историю единое человечество».

В. Соловьев

Философский смысл приведенных слов известного русского мыслителя как нельзя лучше раскрывается в судьбе нескольких поколений семьи Плехановых, по крайней мере, тех ее представителей, о которых будет рассказано ниже. Если глава семьи, Валентин Петрович Плеханов, верный царю и отечеству, в возрасте чуть более двадцати лет участвовал в подавлении польского восстания 1831 года, то его сыновья, служа Отечеству, идеям братства, добра и справедливости, в составе русских войск освобождали Балканские страны от Османского ига, боролись против самодержавного гнета, представляли российскую социальную демократию во II Интернационале; его внуки восстанавливали в нашей стране жизнь после Первой мировой и гражданской войн, участвовали в создании системы здравоохранения СССР; внуки и правнуки в рядах Французского Сопротивления боролись против фашистской оккупации и идей фашизма; по окончании самой кровопролитной в истории человечества войны 1939 – 1945 годов его правнук вместе с другими посланцами мирового сообщества налаживал мирную жизнь человечества, представляя Французскую республику в Организации объединенных наций... Вполне резонным может показаться возражение, что далеко не все в этой семье имели такую яркую судьбу и оставили столь заметный след в истории своей страны и человечества, однако ответом на подобное замечание, если оно прозвучит, могут стать слова Георгия Валентиновича, заключающие его очерк «К вопросу о роли личности в истории»:

«...не для одних только «начинателей», не для одних только «великих» людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие *великий* есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя»¹. Выбор пути и способа жизни всегда остается за человеком...

Собственных воспоминаний о детстве, родных и близких Георгий Валентинович не оставил, но хотя одна из его работ и носит автобиографический характер², относится она к более позднему периоду: годам его юности и началу революционной деятельности в качестве бунтаря-бакуниста³.

Первые биографические наброски и опыты политической и научной биографии Георгия Валентиновича, попытки проследить становление его личности, оценить вклад в общественную жизнь России и Западной Европы прослеживаются еще в прижизненных публикациях. На некоторые из них откликнулся сам Плеханов. После смерти Георгия Валентиновича биографическая хроника воссоздавалась по воспоминаниям соратников по революционному движению, членов семьи и людей, в разные годы имевших, как отмечали они сами, счастье близкого с ним общения; писали свои рассказы однокашники Плеханова по Воронежской военной гимназии, жители села Гудаловка – друзья детских игр, появлялись публицистические очерки и этюды, издавались первые архивные публикации, сопровождавшиеся соответс-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. – Т. 2. – М., 1956 – С. 334, курсив Плеханова.

² Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении / Публ. И. Н. Курбатовой и В. И. Уланова. – Л., 1989.

³ Михаил Александрович Бакунин (1814 – 1876) – видный общественный и революционный деятель России и Западной Европы, член I Интернационала, идеолог анархизма, чьи теоретические воззрения легли в основу одного из направлений революционного движения народнической интеллигенции и студенчества в России XIX в. – бакунизма. Центральной идеей доктрины М. А. Бакунина являлось положение о необходимости разрушения государства – источника насилия – и замене его союзом свободных общин, организованных на принципах равенства и братства. Сторонники этого направления полагали, что революционные потенции заложены в народе, и требуется лишь сигнал со стороны революционно мыслящей интеллигенции для того, чтобы стихийно возникающие разрозненные крестьянские восстания и бунты слились в политическую революцию, целью которой станет социалистическое переустройство общества.

твующими редакторскими вступлениями, последующими рецензиями и отзывами на них. Обширный пласт такого рода источников образовался в 1920 – 1930 годы⁴.

Поскольку мемуарная литература несвободна от неточностей, противоречий и несоответствий, определенные аспекты биографии Плеханова, в том числе и его родословная, оказались в определенной мере мифологизированными, а иные эпизоды, особенно относящиеся к отдаленным предкам Плеханова со стороны матери, родственникам по линии первого брака отца, оставались практически не изученными. Интересные исследования последних десяти лет, проведенные отечественными специалистами в области русской истории и генеалогии, введение ими в научный оборот ранее неизвестных архивных источников, позволили внести необходимые коррективы и существенно пополнить уже имеющиеся сведения о жизни и творчестве самого Георгия Валентиновича, его ближайших родственников – родителей, братьев и сестер. Наряду с этими материалами появились документы о семье Плехановых. За последние годы в нескольких солидных справочных изданиях и статьях появилась краткая биография Р. М. Плехановой⁵; опубликованы воспоминания о деятельности; увидели свет записки самой Розалии Марковны и единственного внука Г. В. Плеханова и Р. М. Плехановой – Клода Бато-Плеханова⁶.

Матерью Георгия Валентиновича была Мария Федоровна Плеханова, урожденная Бельнская (19.06.1832 – 04.12.1881). Долгое время в отечественной и зарубежной историографии было распространено ранее не оспаривавшееся положение о том, что между нею и В. Г. Белинским (по отцу – Бельнским), существовали родственные связи. Упоминания о различных степенях родства содержатся как в мемуарной, так и в научной литературе⁷.

⁴ Филимонова Т. И., Аркушенко Т. А. Актуальные проблемы изучения литературного наследия и деятельности Г. В. Плеханова // Плехановские чтения. 30. 05 – 31. 05. 1988.-Л., 1988,-С. 25 – 26.

⁵ Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографич. словарь. – СПб., 1999. – С. 500 – 505; Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. – М., 2000.

⁶ Плеханова Р. М. «Я глубоко страдаю за русский народ»: Дневниковые записи Р.М. Плехановой, 1939 – 1941 гг. // Исторический архив. – 1998. – № 2. -С. 179 – 206; Бато-Плеханов К. Воспоминания о французской ветви семьи Плехановых//К 75-летию Дома Плеханова. -СПб., 2003. -С. 101 – 111.

⁷ Дневничкий П. Н. Из жизни Г. В. Плеханова // Памяти Г В. Плеханова. Однодневная газета. – 1918. – 9 июня. – С.3.; Вольфсон С. Я. Великий социалист. -Минск, 1922.-С. 9; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. – М., 1973; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. – М., 1977; Максяшев П. Ф. Наш Белинский. – Саратов, 1986. – С. 72; Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов. Человек и политик. – Пермь, 1992; Бэрн С. Х. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма. – СПб., 1998 и др.

Интересны результаты генеалогических исследований семей М. Ф. Бельнской-Плехановой и В. Г. Белинского, проведенных в 1993 – 2004 годах В. П. Жучковым и А. С. Бережанским⁸. Оба автора приводят убедительные аргументы, опровергающие версию о наличии родственных связей между этими семьями.

В. П. Жучков выстраивает свою систему доказательств, поднимая вопрос о степени достоверности источника информации о родственных связях Г. В. Плеханова и В. Г. Белинского. Как оказалось, формальных письменных свидетельств об общих корнях двух семей не существует. Одновременно наличествует и тиражируется из одного историографического источника в другой версия о том, что такое родство существовало. По воспоминаниям, приблизительно в 1850 году старший брат Марии Федоровны, Иван Федорович Бельнский (1827 – 1874), сообщил ей, что с ним одно время вел переписку известный критик Виссарион Григорьевич Белинский. Узнав, что в Воронежской губернии проживают Белинские, Белинский лично разыскал адрес Ивана Федоровича и с ним списался. В ходе обмена письмами выяснилось их общее родство и происхождение обеих семей из польских шляхтичей. Однако сведениями о содержании корреспонденции и ее возможном местонахождении никто не располагал и не располагает⁹.

⁸ За последнее десятилетие именно исследования А. С. Бережанского в этой области следует признать наиболее плодотворными. В целом же, с середины 1960-х гг. по данной тематике исследователем опубликовано около двадцати статей и монография, в которой вопросу истории семьи Плеханова отведена соответствующая глава. (Часть приведенных здесь сведений о предках и сводных братьях Георгия Валентиновича заимствованы автором из работ Александра Самуиловича).

⁹ Еще в 1928 г. по возвращении на родину Р. М. Плеханова пыталась выяснить вопрос о возможном родстве М. Ф. Плехановой и В. Г. Белинского и установить достоверность легенды о письме критика И. Ф. Бельнскому. Однако, как можно заключить из писем к ней сестры Георгия Валентиновича К. В. Кастнер-Плехановой и ее собственных записей в тетрадях, усилия последней были направлены на поиски дополнительных свидетельств о том, что такая корреспонденция, хотя и утраченная, все же существовала. Сам *факт обращения* Виссариона Григорьевича к Бельнским, пусть документально нигде не засвидетельствованный, никогда не ставился под сомнение и априори воспринимался как подтверждение родства двух семей. Так, в феврале 1929 года К. В. Кастнер-Плеханова пишет: «На днях ко мне пришла – по записке Л. Г. Дейча – дама, которую я никогда не видела. Она назвалась Софьей Ардальоновной Федоровой, внучкой того Ивана Федоровича Бельнского, ... которому, по словам мамы, писал Виссарион Белинский, называя племянником, и выразил удовольствие, что восстанавливается родство. Ив[ан] Фед[орович] отвечал ему ... О своем родстве с Вис[сарионом] Белинским Софья Ардальоновна знает. Но ничего не знает о письме Виссариона Григ[орьевича] (1929 г.) к Ив[ану] Фед[оровичу]. Я надеялась, что это письмо хранится в их семье, и потому просила разыскать его. Но она сказала, что во время разрухи погибло все, что осталось из бумаг Ивана Федоров[ича]. Погибли бумаги, но живы еще люди, которые *знают* об этом письме. Кроме Ник[олая]

Первое серьезное возражение против версии о подобном родстве вызывает у В. П. Жучкова этимология фамилий «Белынский» и «Белинский». Семья Марии Федоровны, как и семья критика, носила фамилию Бельнских. Ссылаясь на проведенные в середине XIX века изыскания, В. П. Жучков пишет, что Виссарион Григорьевич, будучи студентом Московского университета, изменил свою фамилию на «Белинский». По этой причине, заключает автор, разыскивать «Белинских» с тем, чтобы наладить родственные связи, Виссарион Григорьевич не мог¹⁰. Что же касается второй фамилии – «Белынские», – то, как полагает исследователь, общность происхождения объясняется тем, что предки Марии Федоровны были уроженцами села Белыни Пензенской губернии, в то время как прадед Виссариона Григорьевича и его многочисленные родственники служили в этой же деревне.

Сопоставив генеалогические схемы обеих семей, В. П. Жучков установил, что семьи Марии Федоровны и Виссариона Григорьевича не имеют и шляхетской крови. Дед Марии Федоровны – Дмитрий Павлович Бельнский (род. ок. 1757 г.) – происходил из «обер-офицерских» детей, служил, хотя и непродолжительное время, сам, вышел в отставку по болезни. Все члены семьи Д. П. Бельнского, начиная с его отца, Павла Бельнского (прадеда Марии Федоровны), были православного вероисповедования¹¹.

Ник[олаевича] Познякова и меня, жив еще один человек, который, может быть, не забыл еще об этом письме, и я запрошу его, если Вы хотите». Две недели спустя Клавдия Валентиновна вновь обращается к тому же сюжету: «Получила письмо из Ялты от внучки Ивана Фед[оровича] Бельнск[ого]. – Она пишет: «Что касается письма Вис[сариона] Б[елинско]го, то я спрашивала о нем у мамы. Она говорит, что в детстве часто слышала разговоры в семье о родстве с Вис[сарионом] Бел[инским]; были ли разговоры о письме – не помнит. Во всяком случае, если письмо хранилось у Ив[ана] Фед[оровича], маминого отца, то едва ли оно уцелело (разве только он передал его кому-либо своевременно), т.к. все имущество мамы погибло в пожаре. Очень жалею, что не могла сообщить Вам ничего положительного по интересующему Вас вопросу». А далее следует заключение К. В. Кастнер-Плехановой: «Вот Вам еще одно подтверждение родства М[арии] Ф[едоровны] с В[иссарионом] Гр[игорьевичем] Б[елинским]» (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 59. Л. 1 об.; Там же. Ед. хр. 290. Лл. 33 – 33 об., 35 – 35 об.; Там же. Ед. хр. 342. Лл. 12 – 12 об.; выд. -Т. Ф.). Как видно из представленных фрагментов документов, собственно *факт родства* никогда под сомнение не ставился ни членами семьи Плехановых, ни теми, кто на их мнение впоследствии ссылался.

¹⁰ Жучков В. П. Были ли родственниками Мария Федоровна Плеханова и Виссарион Григорьевич Белинский // IV Плехановские чтения. Исторические проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий: вторая половина XIX – XX века.: Современное видение истории. – 30-31 мая 1996 г. – СПб., 1996. – С. 101.

¹¹ Там же. С. 100 – 101.

Лишена оснований, как полагает В. П. Жучков, и версия о польском происхождении предков великого критика. Прадед В. Г. Белинского – Трифон Бельнский и его сыновья, один из которых приходится дедом Виссариону Григорьевичу, были священнослужителями в Пензенской губернии. Учился в семинарии и отец Виссариона Григорьевича. Дочери трех поколений семьи Бельнских и Кантовых (эту фамилию при поступлении в семинарию получили двоюродные братья В. Г. Белинского) при замужестве уходили в семьи клириков.

Сам В. Г. Белинский в 1843 году венчался с М. В. Орловой – дочерью подмосковного православного священника¹².

Не выдержало критики и предположение ряда биографов Плеханова о том, что Мария Федоровна приходилась внучатой племянницей Виссариону Григорьевичу со стороны Кузьмы Никифоровича Бельнского – родного брата отца критика¹³. Полученные архивные данные о предках М. Ф. Плехановой, как и сведения, приводимые биографами В. Г. Белинского, опровергли и эту гипотезу. В. П. Жучков сумел, воссоздав генеалогическое древо семьи Бельнских, доказать, что общих родственников в семьях Бельнских – Белинских и Плехановых не существовало.

Дополнительные доводы в поддержку приведенных выше соображений приводит и А. С. Бережанский. Записи в метрических книгах позволили ему установить, что год рождения Кузьмы Никифоровича Бельнского – 1780 год. Год рождения Мария Федоровны Бельнской (Плехановой) – 1832 год. Таким образом, заключает исследователь, за пятьдесят два года в семье потомков Кузьмы Никифоровича должно было появиться три поколения! И это при том, что достоверных сведений о детях и внуках К. Н. Бельнского пока получить не удалось. Даже если предположить, считает А. С. Бережанский, что старший сын Кузьмы Никифоровича, Дмитрий, и внук Федор (старший сын Дмитрия), женились в 16 лет, то и тогда Мария Федоровна – третий ребенок в семье Федора Дмитриевича – едва ли могла появиться на свет в 1832 году: ее старшие брат и сестра – Иван и Агния – родились, соответственно, в 1827 и 1830 годах¹⁴.

Следует, по-видимому, признать основательность высказанных аргументов и считать версию о родстве Георгия Валентиновича

¹² Там же. С. 102.

¹³ Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973. – С. 8; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. – М., 1977. – С. 112; Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов. – Пермь, 1992. – С. 8.

¹⁴ Жучков В. П. Указ, соч., С. 102; Бережанский А. С. Не по крови близки, а по духу // Липецкая газета. – 2004. – 24 янв. – С. 4.

Плеханова и Виссариона Григорьевича Белинского несостоятельной. Вместе с тем, нельзя не согласиться с замечанием одного из названных авторов, А. С. Бережанского, написавшего, что родственниками Плеханов и Белинский все же были: если и не по крови, то уж по духу точно.

Георгий Валентинович родился 29 ноября (11 декабря н. с.) 1856 года в селе Гудаловка Тамбовской губернии (впоследствии Гудаловка слилась с деревней Семеновкой, в которой Плеханова крестили, и оба селения стали носить единое название). В годы Советской власти Гудаловка была переименована в Плеханово.

Отец Плеханова – отставной штабс-капитан Валентин Петрович Плеханов (1810 – 1873) принадлежал к одной из древнейших в Тамбовской губернии дворянских семей.

Вслед за отцом, Петром Семеновичем Плехановым (1777 – кон. 1813- нач. 1815 г.), Валентин Петрович избрал военную карьеру, семнадцатилетним юношей поступив 15 ноября 1827 года на службу в Драгунский его Королевского высочества герцога Александра Вюртембергского полк; спустя три года был произведен в прапорщики. В 1831 году участвовал в подавлении Польского восстания. За отличия в военных действиях был повышен в звании до поручика и удостоен Георгиевского креста. 14 февраля 1834 года по Высочайшему приказу Валентин Петрович был «уволен от службы по домашним обстоятельствам с присвоением чина штабс-капитана».

В течение 1838 – 1849 годов продолжалась гражданская служба В. П. Плеханова. В формулярном списке старшего дворянского заседателя В. П. Плеханова значится: «По указу Тамбовского губернского правления определен в Липецкий уезд в 1 стан становым приставом 13 апреля 1836 г. По прошению определен помощником Острогожского окружного начальника Воронежской губернии 18 сентября 1841 г. По распоряжению начальства перемещен в таковой же должности в Новохоперский округ. По воле начальства исправлял должность окружного начальника с 14 мая 1842 г. по 12 января 1843 г. К продолжению статской службы способен и достоин».¹⁶ Последним местом работы Валентина Петровича явился Липецкий уездный суд, куда он был избран местным дворянством и утвержден приказом Тамбовского гражданского губернатора на должность старшего заседателя от дворян.¹⁷

¹⁶ Поляков В. Б. Материалы о Г. В. Плеханове в Фонде Государственного архива Липецкой области // Георгий Валентинович Плеханов. К 145-летию со дня рождения. – Липецк, 2003. . – С. 12 – 13.

¹⁷ Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов // Вопросы истории. – 1993. – № 4. – С. 155 – 159.

Как писал впоследствии, ссылаясь на воспоминания матери, его внук Н. А. Семашко, частая перемена мест службы лишь в определенной мере была вызвана хроническим чувством неудовлетворенности деда своей жизнью¹⁸. Некоторые черты характера, как предполагают медики, стали следствием недуга, которым страдали многие члены семьи Плехановых – туберкулеза. Эта же болезнь послужила причиной смерти Валентина Петровича в 1873 году.

Биографы Г. В. Плеханова отмечают солидную образованность его отца, обширные познания в области военного искусства и сельского хозяйства, склонность к чтению. Однако эти качества мало влияли на состояние его духа, и Плеханов-старший оставался человеком деспотичным, имел крутой нрав и репутацию человека неуравновешенного и склонного к конфликтам.

Валентин Петрович принадлежал к типу родителей, постоянно стремящихся и создающих, в случае отсутствия, условия к тому, чтобы вырастить детей мужественными и смелыми, уверенными в себе, независимыми и активными в жизни. Отличаясь огромным трудолюбием, он не выносил праздного отношения к жизни у детей, учил их самостоятельности, требовал не просить слуг о том, что они могли выполнить сами, и Плехановы-младшие часто слышали отцовскую поговорку: «Когда умрем – отдохнем». Эти ценностные установки отца были восприняты сыновьями и стали, как будет показано ниже, частью их натуры; они во многом определили их характер, помогли достойно прожить жизнь, не изменяя самим себе и не уступая жизненным обстоятельствам... Не стал исключением и Георгий Валентинович. Мужество и способность сохранять хладнокровие в минуты опасности не раз проявлялись в юношеский период революционного «бунтарства»; самообладание, способность твердо стоять на ногах и, когда оставляли недавние единомышленники, выстоять, как того требовали интересы дела, которому он служил; духовная зрелость, гражданская и философская смелость в защите истины, высших идеалов и справедливости, проявлявшаяся в попытках «принудить к пониманию» сомневающихся и тех, кто находился в оппозиции, заслуженно закрепили за Плехановым имя революционера и негибаемого борца, преданного товарища и учителя...

¹⁸ Семашко Н. А. О детских годах Г. В. Плеханова // Каторга и ссылка. – 1923. – С.33 – 36.

¹⁹ В начале 1880 г. Георгий Валентинович из-за преследований полиции (в России имя Плеханова вплоть до Февральской революции 1917 г. значилось в списке персон

По воспоминаниям родственников Георгия Валентиновича¹⁹, большую роль в его воспитании сыграла мать — М. Ф. Плеханова. Воспитанница Тамбовского Александринского института, Мария Федоровна была прекрасно образована и в отношениях с людьми являла собой полную противоположность супругу: мягкая и доброжелательная, она пользовалась любовью как членов своей семьи, так и крестьян. В столкновениях Валентина Петровича с крепостными, которые боялись и не любили его, Мария Федоровна старалась, чем могла, помочь им. Она воспитывала в детях чувство справедливости, уважения к чувствам других людей и сострадание к обездоленным. Не будет поэтому преувеличением сказать, что «любовь к страдающей русской массе» были привиты Плеханову с детства²⁰. Мягкость и чуткость матери соединялись в нем с силой характера и требовательностью к себе и другим, унаследованными от отца.

Брак Валентина Петровича с Марией Федоровной Бельнской в 1855 году стал для него вторым. Его первой женой была Вера Ивановна Познякова, родившая семерых детей: Александра, Любовь, Софью, Марию, Митрофана, Николая и Григория. В 45 лет В. П. Плеханов овдовел. Не все дети к этому времени

«нон грата») был вынужден покинуть родину и поселиться в западной Европе. Эмиграция длилась более 37 лет, и все это время его переписка с родными не прерывалась, хотя велась не всегда регулярно и не со всеми. Уже после смерти мужа эти связи продолжила жена Георгия Валентиновича — Розалия Марковна Плеханова. Сохранившаяся часть корреспонденции и документов членов семьи Плехановых размещены в архиве Дома Плеханова — секторе Российской национальной библиотеки.

²⁰ К. В. Каствнер-Плеханова по просьбе Розалии Марковны в нескольких письмах поделилась воспоминаниями о семейном укладе и отношениях в семье Плехановых; припомнила некоторые эпизоды из жизни Плехановых в Гудаловке и Липецке, включая и то, как Г. В. Плеханов объяснял матери мотивы ухода в революционную борьбу — «отдать жизнь за други своя», — и реакцию Марии Федоровны на планы сына (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 289. Лл. 4 об.-5).

В годы Первой мировой войны Плеханов, всегда избегавший высокопарности и славолюбия, в одном из писем к другу и единомышленнику А. И. Любимову в нескольких скудных строчках изложил свое кредо человека, политика, русского гражданина: «Если уж пошло на выражение чувств, то я скажу Вам, что знаю «одной лишь думы власть»: интересы нашего рабочего движения. К этому приурочивается и то, что теперь кажется некоторым товарищам моим «национализмом». Весь мой «национализм» вызывается сознанием того, что *русский пролетариат* поставлен судьбою историческою в особенно неблагоприятные условия, я готов сделать все, что угодно для того, чтобы помешать кому бы то ни было поставить его в условия еще более неблагоприятные. Другими словами, я вижу, я знаю, что русский рабочий класс есть *пасынок истории*, и я глубоко возмущаюсь, когда более его счастливые *дети* истории третируют его с незаслуженным презрением» («Необходимо противопоставить революционной фразеологии — революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914 — 1918 Публ. Т. И. Филимоновой. Исторический архив. 1998. № 3. С. 133; курсив оригинала Г. В. Плеханова.

успели вырасти, младшему из них едва исполнилось полтора года. После женитьбы отца они воспитывались в его новой семье Марией Федоровной. Из сводных братьев и сестер Георгий близко знал лишь троих: Митрофана, Николая и Григория.

Ко времени второй женитьбы В. П. Плеханова его старшая дочь – Любовь Валентиновна (по мужу Гранникова) – уже была замужем и жила в новой семье. Старший сын Александр еще до рождения Георгия был определен в Воронежский кадетский корпус, находившийся в Тамбове, и по его окончании в 1863 году был зачислен на военную службу – стал юнкером Михайловского артиллерийского училища в Петербурге.

Дочерей Софью и Марию в возрасте девяти и десяти лет определили в Тамбовский Александринский институт, который ранее закончила Мария Федоровна. Софья Валентиновна воспитывалась в нем с 1855 по 1861 годы. В 1863 году она вышла замуж за Михаила Павловича Вечеслова – подпоручика Белевского полка, расквартированного в Тамбове. Как вспоминали младшие сестры, за красоту и влияние, которым Софья Валентиновна пользовалась в тамбовском обществе, они называли ее «светской дамой». Бывая проездом в Тамбове, Георгий Валентинович непременно навещал старшую сестру. В качестве сестры «бунтовщика» Софья подозревалась в «неблагонадежности», и квартира семьи Вечесловых находилась под наблюдением полиции.

По мнению ряда исследователей, определенное влияние на формирование взглядов Георгия Валентиновича оказал брат Митрофан²¹. Он родился в 1848 году в Липецке, до тринадцати лет воспитывался в семье. По окончании Воронежской военной гимназии в 1866 году его в числе других воспитанников, закончивших учебу по первому разряду, определили в Константиновское военное артиллерийское училище в Петербурге. Через два года в звании подпоручика Митрофан был распределен для прохождения службы в лейб-гвардии гренадерский полк. В неполных 24 года Митрофана направили на учебу в Николаевскую академию Генерального штаба, доступ в которую был весьма ограничен.

В 1873 году, когда Георгий поступил во Второе Константиновское военное артиллерийское училище в Петербурге, братья осо-

²¹ Бережанский А. С. Годы на родине; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1998; Бэрн С. Х., Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма; Бережанский А. С. Офицер, погибший при загадочных обстоятельствах. Митрофан, любимый брат Георгия Плеханова // Независимая газета. – 2000. – 01. 09. – С. 16 и др. публикации.

бенно сблизилась, вместе проводили свободное время и, несмотря на большую разницу в возрасте, младший брат был введен в круг товарищей Митрофана по Академии Генерального штаба. Характеру Георгия не могли не импонировать принципиальность, твердость характера старшего брата. Митрофан, хотя и не одобрявший революционных взглядов Георгия, снисходительно и любовно наблюдал, как младший пытался втянуть его друзей в политические дискуссии.

Блестящей карьере офицера, которую прочили Митрофану²², сложиться было не суждено: в середине лета 1876 года семья получила уведомление о его внезапной кончине в Киеве. Среди возможных версий причины гибели (Митрофан был найден мертвым с простреленным виском у подножия памятника князю Владимиру) наиболее вероятным выглядит предположение о тайной дуэли, жертвой которой он стал. Смерть любимого брата явилась тяжелым ударом для Георгия Валентиновича; в кругу родных он часто вспоминал Митрофана, неизменно подчеркивая его нравственные качества и интеллектуальные способности.

Интересный рассказ о судьбе Николая Валентиновича (1852 – 1928), был опубликован в «Липецкой газете» А. С. Бережанским²³.

В апреле 1878 года началась четвертая с начала XIX в. русско-турецкая война, вызванная подъемом национально-освободительного движения против господства Османской империи на Балканах и Ближнем Востоке. Восстание 1875 года в Боснии и Герцеговине, развитое на следующий год в Болгарии, вызвало широкий общественный резонанс и поддержку в российском обществе. Помимо финансовой и медицинской помощи, поступавшей в виде пожертвований, на стороне сербов и болгар воевало несколько тысяч русских добровольцев. В марте 1877 года в Константинополе состоялась международная конференция, в ходе которой турецкое правительство отклонило проект о предоставлении Боснии, Герцеговине и Болгарии автономии, и месяц спустя Россия объявила войну Турции.

²² После окончания Академии в 1875 г. Митрофан продолжил службу в штабе Киевского военного округа. В составе офицеров штаба летом того же года М. В. Плеханов инспектировал расположенные в западных частях округа воинские части; участвовал в «Высочайших смотрах войск», за что был пожалован орденом Станислава третьей степени, а в конце года его произвели в штабс-капитаны. В марте 1876 г. Митрофана назначают адъютантом штаба 33 пехотной дивизии // См. указ. соч. Бережанского.

²³ Амажолова Д. А. Из семейной хроники Плехановых. 1924 – 1935 гг. // Исторический архив - 1998. – № 2. – С. 170; Бережанский А. С. Он сражался за Плевну // Липецкая газета. – 2003. – 3 дек.

На заключительном этапе в боях за Плевну в составе Фанагорийского гренадерского полка воевал старший брат Георгия Валентиновича – Николай Валентинович Плеханов.

В соответствии с планом осады Плевны, руководителем которой был назначен герой Крымской войны 1853 – 1856 годов генерал Э. И. Тотлебен, к 21 октября завершилось полное окружение крепости, что принудило турецкий гарнизон, чьи продовольственные и военные запасы подошли к концу, 28 ноября предпринять попытку прорвать кольцо блокады. Возглавил прорыв и атаку русских укреплений Осман-паша.

В ночь на 28 ноября, покинув с войсками крепость, он переправился на левый берег реки Вит и штурмовал оборонительные линии русских войск, заставив их отступить.

В контратаку русскую армию вывел командир Гренадерского корпуса, в состав которого входил Фанагорийский полк, генерал-лейтенант И. С. Ганецкий. Натиск гренадеров развивался столь стремительно, что наступление турков захлебнулось, а затем они вынуждены были вновь отступить к недавно пройденным переправам. Осман-паша, сам получивший ранение и сознавая обреченность положения своих солдат, приказал сложить оружие и выбросить белый флаг. В ходе кровопролитного боя турецкие войска потеряли 6,5 тысяч убитыми, 43000 солдат были взяты в плен, и 70 орудий стали трофеями противника. Потери русских в этом последнем бою за Плевну составили 1700 человек.

«За оказанные отличия при взятии Плевны» в сражении 28 ноября 1877 года штабс-капитан Николай Валентинович Плеханов был удостоен Высочайшей грамоты и ордена Святой Анны третьей степени с мечами и бантом. Союзная румынская армия отметила воинскую доблесть Плеханова, наградив железным крестом с лентой. Уже после окончания войны к этим двум наградам добавилась еще одна – орден Святого Станислава второй степени.

В 1893 году Н. В. Плеханов продолжил службу в 117-ом Ярославском пехотном полку, квартировавшем близ г. Чембар Пензенской губернии. Из-за родства с Георгием Валентиновичем военная карьера Плеханова-старшего не была безоблачной. Так, в автобиографии Николай Валентинович указывал: «Когда брату пришлось эмигрировать, то переписка наша была очень редкая, случайно кто-нибудь привозил письмо, да и то надо было сейчас же сжечь, ввиду обысков, так как все время был под присмотром полиции как брат «политического».

В 1898 году вышел [в должности командира батальона, в звании подполковника – Д. А. Аманжолова] в отставку благодаря придирам начальства, считавшего меня неблагонадежным». Однако безупречная, без взысканий, служба обеспечила ему отставку «полковником с мундиром». Выйдя на пенсию, Николай Валентинович вместе с женой поселился в Рязани. Детей у супругов не было.

Годы после революции были трудными в материальном отношении, поскольку военного содержания Николай Валентинович лишился, а на назначенную ему Советским государством общую пенсию в 50 рублей «не то что одеться, но и сытому быть невозможно»²⁴.

Скончался Николай Валентинович в начале 1928 года в Доме для престарелых ученых в Болшево, где в это время жила и Клавдия Валентиновна Плеханова.

Кроме сводных, у Георгия Валентиновича было три родных брата и столько же сестер²⁵.

Владимир (род. в 1864 г.), Евгений (род. в 1867 г.) умерли в раннем детстве, Федор (1861 – 1880) и сестра Александра (род. в 1860 г.) погибла в конце 1880-х²⁶. Из сестер лишь она, как и Георгий Валентинович, участвовала в революционном движении. Однако сведений о ней почти не сохранилось: Саша пропала без вести.

Две другие сестры, Варвара (1863 – 1922) и Клавдия (1866 – 1946), смогли встретиться с семьей старшего брата уже в начале XX в. и никогда более не прерывали родственных связей. Их личные судьбы сложились не очень счастливо, что не могло не печалить Георгия Валентиновича. В одном из писем к Клавдии Валентиновне Георгий Валентинович написал: «Твое письмо (последнее) произвело на меня очень тяжелое впечатление, оно мне показало и напомнило, что все вы, т.е., – и Варя, и ты, и без вести пропавшая Саша, – были очень несчастны. Отчего это так вышло? Обо мне ты напрасно говоришь, что я много страдал. Мне пришлось и приходится много бороться. Но несчастливым я себя никогда не чувствовал. И мне досадно, что ваша жизнь сложилась иначе. Если бы вы пошли по

²⁴ Аманжолова Д. А. Указ. соч.; Бережанский А. С. Указ. соч.

²⁵ Подробнее о них см. Бережанский А. С. Указ. соч.; Френчер А. А. (колл. псевдоним А. Френкеля. А. Черносвитова). На родине Г. В. Плеханова (Материалы к биографии) // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 24 – 27; Аптекман О. В. Пометки на статье о Г. В. Плеханове // Каторга и ссылка. – 1928. – № 42, – С. 44 – 48; Тютюкин С. В. Судьба русского марксиста...

²⁶ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

моей дороге, то вы были бы несравненно счастливее. Ну, да этого уже не изменить»²⁷.

Будучи воспитанником Воронежской военной гимназии (1868 – 1873), Георгий любил навещать семью своей сводной сестры Марии Валентиновны и ее мужа А. С. Семашко²⁸, живших некоторое время после женитьбы в Тамбове, где Александр Северинович служил губернским секретарем. Позднее, когда Георгий Валентинович покинул Россию, связь с семьей Семашко на некоторое время была потеряна, и восстановлена уже в 1907 г. через сына Марии Валентиновны и Александра Севериновича – Николая Александровича Семашко (1874 – 1949), уже тогда известного члена РСДРП, большевика.²⁹

Вклад Николая Александровича Семашко в историю РСДРП и становление жизни нашего государства достаточно значительны и заслуживают того, чтобы кратко остановиться на нем.

После окончания в 1891 году Елецкой гимназии Н. А. Семашко поступил на медицинский факультет Московского университета, закончить который ему не удалось из-за ареста, и свое медицинское образование Николай Александрович завершил лишь в 1901 году, блестяще сдав выпускные экзамены и получив диплом врача в Казанском университете.

В мемуарах «Прожитое и передуманное» он с любовью и благодарностью вспоминает лекции профессоров Московского уни-

²⁷ РНБ АДП.Ф. 1093. Оп. III. Ед.хр. 67а; 79а. Л.2 об.– 3, выд. – Т. Ф.

²⁸ Р. М. Плеханова в работе «Моя жизнь» вспоминала, что весной 1879 г. они, по решению Исполкома Народной воли покинувшие Петербург, осенью того же года решили вернуться в столицу и для большей безопасности прописаться на частной квартире (после Казанской демонстрации 1876 г. Георгий Валентинович находился в нелегальном положении). С этой целью были сфабрикованы паспорта на имя дворян А. С. Семашко и М. В. Семашко, и хозяин гостиницы, где они временно остановились, зарегистрировал документы в полицейском участке, а еще спустя несколько дней Георгий Валентинович и Розалия Марковна поселились в доме № 6 по Графскому переулку. Их расчет относительно возможной проверки оказался и смел и прост одновременно: в случае запроса III отделения в Тамбов, значатся ли проживающими там супруги Семашко, последует положительный ответ. В своих предположениях они не ошиблись, и Плехановым, вплоть до окончательного отъезда в эмиграцию, более не приходилось искать нового убежища.

²⁹ Среди материалов семьи Семашко, хранящихся в архиве Г. В. Плеханова, находится письмо Марии Валентиновны, датированное 1911 г., в котором она кратко сообщает о судьбе родных и сводных братьев и сестер. В июле 1917 г. с письмом к Плеханову обратилась дочь Марии Валентиновны, Александра, в котором спрашивала о возможности встретиться перед ее отъездом из Петрограда. В случае, если такая встреча для Георгия Валентиновича оказалась бы невозможной, от своего имени, а также от имени старших братьев и сестер, Александра Александровна желала успеха деятельности, которую он проводил, и которую они, его племянники, полностью поддерживали (РНБ АДП.Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 659. Л. 1 – 3; Там же. Ед. хр. 660. Л. 1 – 2).

верситета И. М. Сеченова, А. Г. Столетова, В. И. Вернадского, В. О. Ключевского, Н. Ф. Филатова, А. И. Поспелова, Ф. Ф. Эрисмана, С. С. Корсакова, Г. А. Захарьина, А. И. Чупрова, занятия у К. А. Тимирязева, работавшего в Сельскохозяйственной академии. Среди преподавателей Казанского университета, где Николай Александрович учился с 1898 по 1901 год, упоминаются такие выдающиеся специалисты, как Э. В. Адамюк, Л. О. Даркшевич, В. И. Разумовский, М. Я. Капустин, А. Г. Ге³⁰.

Еще студентом Семашко вступил в революционную борьбу: входил в Союзный совет землячеств, а после сближения с социал-демократами и вступления в РСДРП работал в большевистских партийных организациях и печатных органах партии, таких как «Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета», и близкой к социал-демократической позиции газете «Радуга». После очередного, четвертого по счету, ареста в конце 1906 года эмигрировал в Швейцарию, а затем во Францию. В эмиграции Николай Александрович избирается секретарем Заграничного бюро ЦК, входит в Президиум парижской группы большевиков, в качестве делегата принимает участие в Штутгартском съезде II Интернационала (1907 г.) и Пражской конференции 1912 г., состоит членом группы содействия социал-демократической фракции в Госдуме.

В период австро-сербской кампании 1912 – 1913 годов по приглашению сербской стороны Семашко заведовал военным госпиталем; в годы Первой мировой войны, с 1914 по 1917 год, уже в качестве интернированного врача Николай Александрович работал в болгарских городах Пещера и Котел, спасая солдат и мирное население от сыпного тифа и других инфекционных заболеваний.

Выдающихся успехов добился Н. А. Семашко, занимаясь профессиональной деятельностью в Советской России. К чести Николая Александровича необходимо отметить, что, несмотря на то, что его политические предпочтения всегда были на стороне большевиков, уже после установления Советской власти, занимая видные государственные посты в стране, он никогда не делил бывших соратников по революционному движению на эллинов и иудеев, и его помощью одинаково пользовались участники народнического движения, меньшевики и эсеры: некоторые из них, посвятив молодые годы революционной борьбе, по разным

³⁰ Семашко Н. А. Прожитое и передуманное. – М., 1960. – С. 20, 29.

причинам встретили старость в одиночестве и нуждались в социальной защите.

В мае 1918 года Н. А. Семашко назначают заведующим Медико-санитарного отдела Моссовета, а 11 июля 1918 года Совет народных комиссаров принимает постановление об организации Народного комиссариата здравоохранения и назначает наркомом Николая Александровича. «Началась, – писал он позже, – трудная, интересная работа по организации Наркомздрава – первого в мировой истории учреждения такого типа. Началась трудная эпоха собирания медицины в одном ведомстве, ибо собирать хотелось не приказом, а показом пользы объединения медицины... это была эпоха энтузиазма, горения, самоотверженной работы врачей и всего медицинского персонала. Пайком был мякинный хлеб, ржавые селедки, сахарин»³¹.

Пост народного комиссара здравоохранения Семашко занимал в течение двенадцати лет. Он стал автором декрета Совета народных комиссаров «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» от 21 декабря 1920 года «для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся всех Советских республик»; участвовал в 1922 году в создании и деятельности Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). ЦЕКУБУ, развернувшая свою деятельность в первые после окончания гражданской войны годы, взяла на учет научных работников, деятелей культуры и искусства в стране, организовала их продовольственное снабжение, оказывала им санаторно-курортную помощь, способствовала профессиональному сближению специалистов, открыв в Москве Центральный дом ученых и гостиницу при нем.

Наркомздрав тех лет обеспечивал работу по борьбе с эпидемиями и профилактике заболеваний, охране материнства и младенчества, по развитию физкультуры и спорта, производственной и школьной гигиены. Принципы и методы, положенные в основу создававшейся в нашей стране системы здравоохранения были направлены на то, чтобы придать ее деятельности профилактический характер.

По инициативе Николая Александровича был создан ряд научных медицинских институтов, в том числе и тот самый Институт организации здравоохранения и истории медицины, которому впоследствии было присвоено его имя, Центральная

³¹ Семашко Н. А. Указ. соч., С. 74.

медицинская библиотека; ему принадлежит инициатива издания Большой медицинской энциклопедии и организации в 1944 году Академии медицинских наук.

Более двадцати пяти лет Н. А. Семашко занимался научно-педагогической деятельностью в Первом Московском медицинском институте; он явился автором более 250 печатных работ по вопросам организации здравоохранения, социальной гигиене, охране материнства и детства, санитарии и гигиены, санаторно-курортному лечению, организации сельской медицины, воспитанию и обучению медицинских кадров и ряду других вопросов.

Н. А. Семашко стал действительным членом Академии медицинских наук СССР и членом ее президиума, был избран действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, удостоен звания заслуженного деятеля наук РСФСР³².

В эпилоге к воспоминаниям, датированном 15 ноября 1946 года, Николай Александрович написал: «...оглядываясь назад, на свой долгий жизненный путь, могу сказать: я счастлив, что видел занимающуюся в предрассветном тумане зарю революции; счастлив, что видел расцвет революции и солнце революции, ярко освещающее шестую часть земного шара и озаряющее весь мир. Счастлив был, когда видел, какую мощь обнаружил наш Союз, родина революции, в годы тяжелых испытаний в Великую отечественную войну. Счастлив, когда вижу, как быстро залечивает социалистическая страна раны, нанесенные врагами... И особенно счастлив на склоне лет тем, что не только видел все это, но и принял активное участие в борьбе за счастье человечества»³³.

Рассказом о Н. А. Семашко завершается далеко не исчерпывающий тему очерк о семье, из которой вышел Г. В. Плеханов, и начинается история семьи, созданной им самим.

Еще студентом Горного института, куда он поступил летом 1874 года, Плеханов сблизился с народническими кругами, а затем и сам включился в революционную работу, брал на хранение нелегальную литературу и выполнял отдельные поручения. Некоторое время спустя он вошел в кружок, члены которого слушали лекции видного народника И. Ф. Фесенко

³² Ашурков Е. Послесловие // Семашко Н. А. Прожитое и передуманное. – М., 1960. – С. 115 – 116. См. также: Мирский М. Б. Главный доктор республики. – М., 1964; Петров Б. Д., Потулов Б. М. Н. А. Семашко. – М., 1974; Морозова А. Н. А. Семашко // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. – М., 1996. – С. 551.

³³ Семашко Н. А. Указ. СОЧ. – С. 111.

по истории политической экономии, значительная часть которых была посвящена разбору «Капитала» К. Маркса. А вскоре и самому Георгию Валентиновичу поручили вести образовательный кружок для рабочих. Революционно настроенное студенчество Петербурга нередко собиралось вместе, и на одной из таких вечеринок, устроенной для встречи с бежавшим из тюрьмы товарищем, Георгий Валентинович познакомился со слушательницей женских курсов при Медико-хирургической академии Н. А. Смирновой.

Наталья Александровна стала первой глубокой любовью Георгия Валентиновича, любовью не только безответной, но и принесшей ему впоследствии немало страданий и трудностей. Ко времени знакомства с Плехановым Н. А. Смирнова вынужденно рассталась с М. А. Гриценко, студентом-революционером, незадолго до описываемой встречи арестованным и высланным из Петербурга. Последовать за человеком, которого искренне и давно любила, она не могла не только потому, что продолжалась еще ее учеба в Академии. Главная причина состояла в том, что вскоре должен был родиться их ребенок, а поскольку брак родителей не был официально зарегистрирован, он должен был получить статус незаконнорожденного, что, естественно, не могло не тревожить будущую мать.

На предложение Георгия Валентиновича стать его женой и усыновить будущего ребенка Наталья Александровна согласилась, хотя, как показали дальнейшие события, серьезного чувства к Плеханову, как и благодарности за проявленное по отношению к ней благородство, она не испытывала. В октябре 1876 года в церкви при Медико-хирургической академии состоялось венчание Георгия Валентиновича и Натальи Александровны, а в январе 1877 года родилась Н. Г. Плеханова³⁴.

В 1877 году у Натальи Александровны и Георгия Валентиновича родился сын, и ему в честь кумира революционной

³⁴ Вскоре после рождения Надежды Георгиевны (1877 – 1949) Н. А. Смирнова отправила ее к матери в Ригу, где дочь оставалась до десяти лет. Н. Г. Плеханова всю жизнь носила фамилию отчима, с которым она впервые встретилась в 1906 г. в Женеве, «физического своего отца», как написано в автобиографии, она никогда не видела. Н. Г. Плеханова закончила одну из Санкт-Петербургских гимназий Ведомства императрицы Марии, а в 1902 г. – физико-математическое отделение Бестужевских женских курсов. Преподавала математику в средних и высших учебных заведениях в Мелитополе, Николаеве, Ярославле и Москве; работала научным сотрудником в Московской педагогической лаборатории и Центральном институте заочного обучения НКЗ СССР. Последнее место работы Н. Г. Плехановой – Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва), куда она поступила в 1946 г. (РНБ АДПФ. 1119. Ед. хр. 188. Л. 1 – 29). См. также: Бережанский А. С. Годы на родине; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов; С. В. Тютюкин. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста.

молодежи 1870-х гг. Н. Г. Чернышевского дали имя Николай. Мать отдала малыша кормилице, несмотря на настойчивые просьбы Плеханова отвезти его в Липецк, к М. Ф. Плехановой. Ребенок вскоре заболел и умер, а к этой трагедии вскоре добавилась еще одна: возвратился из ссылки М. А. Гриценко, и Наталья Александровна вернулась к нему³⁵. Георгий Валентинович мучительно переживал смерть сына, которого ему так и не удалось увидеть, и уход жены³⁶.

К этому времени его имена – настоящее и подпольное, «Оратор», – были широко известны в революционных кругах в связи с выступлением на Казанской демонстрации, состоявшейся 6 декабря 1876 года в Петербурге.

Она явилась первым открытым выступлением оппозиционных политических сил страны, выступавших за изменение

³⁵ Свой разрыв с Плехановым Наталья Александровна юридически не оформила. Бракоразводный процесс пришлось начинать Г. В. Плеханову много лет спустя, за границей, уже в начале 1900-х гг. В Доме Плеханова и Международном институте социальной истории в Амстердаме сохранились письма петербургского адвоката А. Гальперина, который в 1907 – 1911 гг. по просьбе Плеханова занимался вопросами развода. Процесс продвигался очень медленно из-за отказа Н. А. Плехановой предоставить развод, несмотря на то, что с момента их разрыва прошло более тридцати лет. Как следует из переписки, причины носили сугубо финансовый характер: в качестве жены Г. В. Плеханова она имела право на получение 50 % гонораров, выплачивавшихся ему в русских издательствах. Переговоры с Натальей Александровной протекали настолько трудно, что Плеханов, отчаявшийся расторгнуть брак в России либо в Западной Европе, где необходимо было представить письменное согласие обоих супругов на прекращение брака, серьезно задумывался о временном отъезде в США. Американское семейное законодательство позволяло оформить развод, если в течение года проживания в стране супруги не поддерживали отношений. В 1908 г. Георгию Валентиновичу удалось, наконец, получить разрешение бывшей жены на удочерение детей от второго брака Плеханова, родившихся в 1881 г. во Франции и в 1883 г. в Швейцарии. Согласие на расторжение брака Наталья Александровна подписала в 1909 г. (РНБ АДП Ф. 1093. Оп. I. Ед. хр. 12. Л. 1). Вопрос о прекращении выплаты ей части гонораров Г. В. Плеханова был решен лишь в 1911 г. (ISH. Plekhanov Archive. Box 4. Folder 4; РНБ АДП Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 367. Л. 1 – 5). Умерла Н. А. Смирнова в 1922 г. в Туле (РНБ АДП Ф. 1119. Ед. хр. 188. Л. 1).

³⁶ Вот как описывала тот период его жизни Р. М. Плеханова, с которой он познакомился несколько месяцев спустя после разрыва с женой. Вместе с сокурсницами она снимала квартиру, в которой скрывался находившийся на нелегальном положении рабочий-революционер. Время от времени его навещал Г. В. Плеханов: «Я с каждой встречей все больше, глубже узнавала Георгия Валентиновича, все больше оценивала его ум, благородство его характера. Обыкновенно живой, огнедышащий, жизнерадостный, со страстным, полемическим темпераментом, он иногда являлся ко мне задумчивый, погруженный в какую-то думу. Я догадывалась, что этому настроению являются причиной какие-то переживания личного характера. [...] Все эти личные невзгоды накладывали по временам тень на жизнерадостный, пылкий характер Г[еоргия] В[алентиновича], он несомненно переживал большое горе, но он не принадлежал к разряду людей, которые из-за неудач в личной жизни опускали руки. С удесятеренной силой он принимался за работу, за свои революционные обязанности. Он принадлежал к тому разряду людей, которые, в случае необходимости, умеют взять себя в руки и сказать себе: «Это надо забыть, об этом – не думать!». И забывал, и не думал!» (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 131 – 132).

социально-экономического строя страны: свержение самодержавия, предоставление гражданам политических свобод, решение аграрного вопроса в интересах крестьянства. Митинг и демонстрация были организованы землевольцами, в них участвовали члены рабочих кружков фабрик и заводов Васильевского острова, Петербургской и Выборгской сторон, предприятий, расположенных на Обводном канале, Невской и Нарвской заставах.

Выступление на митинге было поручено Георгию Валентиновичу. В своей речи, длившейся всего несколько минут, Плеханов заявил, что в России всех тех, кто выступает против бесправия, физического и морального уничтожения народа, власть относит к числу государственных преступников, подвергает их гонениям, ссылкам и казням. Борьбу за достойную людей жизнь оратор назвал народным делом, ибо начата она была самим народом, а всех отдавших за него жизнь — мучениками за народное дело. Плеханов вспомнил участников крестьянских восстаний Разина, Пугачева, Антона Петрова, декабристов, петрашевцев, каракозовцев и закончил свою речь словами: «Да здравствуют мученики за народное дело!»³⁷.

Казанская демонстрация получила огромный общественный резонанс не только в России, но и в странах Западной Европы. Впервые в России в речи девятнадцатилетнего юноши политический строй России был публично назван преступным, а борьба с ним определена как борьба за восстановление поруганного человеческого достоинства. Выступление Плеханова стало символом этой борьбы.

Интересно отметить, что 9 января 1905 года, т. е. почти тридцать лет спустя после описанных выше событий, участники мирной манифестации к Зимнему дворцу подготовили петицию императору Николаю II, смысл и содержание которой (за исключением нескольких конкретных требований) полностью совпали с тем, о чем говорил Георгий Валентинович 6 декабря 1876 года. В прошении указывалось: «Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к Тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь, и молчать... Настал предел

³⁷ Из корреспонденции // Вперед. — 1876 — № 48.

терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше умереть, чем продолжение невыносимых мук...»

Юбилей демонстрации на Казанской площади отмечались в нашей стране и за рубежом в 1901, 1911 и 1916 годах. В среде революционных российских и общественных организаций это событие всегда ассоциировалось с именем Плеханова. В архиве Георгия Валентиновича сохранились приветственные телеграммы, письма и статьи представителей российского общественного и революционного движения и культуры, западноевропейских политических партий, в разное время откликнувшихся на юбилейные события; женевское издательство A. Wicky выпустило почтовую открытку с портретом Плеханова и надписью «Zum Andenken an das Jubiläum der 25 jährigen revolutionären Thatigkeit von G. W. Plechanoff (1876 – 1901)»³⁸.

В статье Ж. Лонге «Чествование Г. В. Плеханова. 35 лет боевой жизни», опубликованной в органе партии французских социалистов «Humanite» 26.12.1911 года, отмечалось, что «эта манифестация имела особое значение: в первый раз русское революционное движение приняло форму движения масс»³⁹.

Уместно также привести письмо одного из соотечественников, друзей и соратников по революционной борьбе Георгия Валентиновича, литературного критика и философа И. И. Аксельрод, написанного по случаю тридцать пятой годовщины Казанской демонстрации:

Bern, den 19/12 1911. Дорогой Георгий Валентинович!

Поздравляю Вас с исполнением тридцатипятилетия Вашей неустанной практической и теоретической деятельности, направленной на осуществление социалистического идеала. От всей души желаю Вам много сил для дальнейшего труда на этом поприще. Чем победоноснее пойдет осуществление нашего идеала, тем яснее будет для всех, какой вклад внесли Вы в социалистическую науку и сколько сил Вы положили на борьбу с врагами светлого будущего. День 6 декабря 1876 года составляет новую эру не только в русской истории, но и в истории человечества. Для людей, которые поняли, какую роль в развитии «мирового духа» играет социализм, и познали связь, существующую между всеми странами мира, этот день первой массовой русской революционной демонстрации является настоящим событием, и его главный участник – одним из тех

³⁸ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. VI. Ед. хр. 4. Л. 6.

³⁹ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 228, подч. – Т.Ф.

героев, деятельность которых вызвала мысль, что история есть продукт творчества исключительных личностей. Итак, еще раз желаю Вам много сил для продолжения того великого дела, которому Вы служили в течение всей Вашей жизни.

Душевно преданная Вам

Ида Аксельрод⁴⁰.

6 декабря, как и 1 мая, всегда оставался семейным праздником Плехановых, в том числе и в семьях дочерей⁴¹.

Это знаменательное в истории нашей страны событие сыграло не менее важную роль в личной жизни Георгия Валентиновича. Вскоре после проведения Казанской демонстрации его впервые увидела Розалия Марковна Боград, его будущая жена и самый верный друг и единомышленник⁴². Их личное знакомство, как было сказано выше, состоялось годом позже, в ноябре 1877 года. В 1878 году они стали мужем и женой.

Розалия Марковна Боград-Плеханова родилась 3 (ст. ст.) мая 1856 года в селе Добренькое Херсонского уезда в семье зажиточного арендатора⁴³. Начальное образование получила в школе Брука в Херсоне, продолжила учебу в гимназии сестер Гозадановых, которую закончила в 1874 году.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 221. Л. 1 – 1 об.

⁴¹ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 290. Л. 39

⁴² Вот как описала Розалия Марковна ту первую мимолетную встречу четверть века спустя после кончины Георгия Валентиновича: «Мельком я его видела в одной петербургской читальне уже после Казанской демонстрации, когда имя его сделалось среди революционной молодежи очень популярным, и видеть его можно [было] только тайком, так как он вел жизнь нелегальную и скрывался от полиции. В читальне сидевшая рядом со мной моя подруга Полляк шепнула мне: «Вот Плеханов». Я увидела молодого человека среднего роста, стройного, с интеллигентным видом, правильным профилем, с красивой шапкой зачесанных назад каштановых волос. Он быстро прошел, точно видение, но до сих пор передо мной стоит этот образ. Я была далека от мысли, что этот юноша будет мне когда-нибудь дорожке жизни, и что мы с ним пройдем жизненный путь» (Плеханова Р. М. Моя жизнь. РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 76).

⁴³ Как вспоминает Розалия Марковна, ее отец, Марк Самуилович Боград, вышел из семьи колонистов; некоторое время после вынужденного переезда семьи в Херсон был «барышником», однако тяготился торговлей, и как только представилась возможность оставить ее, сделал это. Счастливые стечения обстоятельств позволило ему укрепить финансовые дела и осуществить давнюю мечту стать арендатором. Человек недожженных способностей, М. С. Боград с увлечением занимался земледелием, страстно любил музыку, особенно оперное искусство, знал множество арий и, обладая красивым от природы голосом, часто исполнял их в кругу родных и друзей.

Эстер-Клара Ильинична Боград, мать Розалии Марковны, была женщиной умной, обладала сильным характером и сыграла, по воспоминаниям дочерей, значительную роль в жизни мужа. Именно смелость и решительность Э. И. Боград помогли мужу реализовать ту самую «счастливую случайность», благодаря которой семье удалось выбиться из нужды.

Вскоре по окончании крымской кампании военное ведомство приняло решение о ликвидации части амуниций, скопившихся на интендантских складах. В Херсоне

Мировоззрение юной гимназистки складывалось под значительным влиянием уроков литературы М. И. Гозадановой, на которых изучались произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева; под впечатлением от работ Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, дружбы с членами народнического кружка... Как и многие ее друзья-сверстники, она мечтала о деятельности на благо народа⁴⁴. По окончании гимназии, выдержав в 1874 году экзамены в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, Розалия Марковна становится слушателем Высших женских

был объявлен аукцион по продаже постельного белья, предназначенного для военных госпиталей. По его условиям каждому претенденту предоставлялась возможность самому назначить цену выставившемуся лоту, указать ее на листе бумаги, а затем в запечатанном конверте подать организаторам. Сумма, указанная М. С. Боградом, оказалась значительно выше той, что предлагали его конкуренты. Далее, как вспоминала впоследствии Р. М. Плеханова, события развивались следующим образом:

«Мне было тогда лет 7. Я живо помню крики толпы, скопившейся у ворот нашего дома. Мать и я за ней подбежали к воротам. Отца не было. Около ворот стоял ряд возов, прикрытых навесами. Народ кричал, становился впереди подвод, хватал за узды лошадей и не пускал возы въезжать во двор. Ворота были на запоре. Мать вышла и с необыкновенной, несвойственной ей физической силой, вытащила громадный деревянный засов и крикнула кучерам, чтобы въехали во двор. Обезумевшая толпа успокоилась. Возы въехали во двор, толпа рассеялась. Это была толпа участников в закрытом торге и предлагавших более низкие, чем мой отец, цены. Среди толпы были христиане и евреи торговцы.

Моя мать, проявившая находчивость и энергию мужчины, заплатила за вытаскивание тяжелого дерева болезнью, которая могла кончиться трагически. Она выкинула шестимесячного ребенка мужского пола. И отец, и мать были очень огорчены. Впоследствии больше сыновей у матери не было. У них было четверо дочерей» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 792. Л. 1; Ед. хр. 7. Л. 3,4 – 5,8).

Розалия Марковна унаследовала многие материнские черты характера. Внутренняя сила и мужество были ей присущи в не меньшей степени, а возможностей для их проявления, которыми так щедро одаривала ее судьба, хватило бы не на одну жизнь: в двадцать два года, презрев социальные и национальные условности, она стала женой человека, имя которого было занесено в список государственных преступников; родители, проявившие готовность терпеливо пережить как детскую болезнь «нигилистские» настроения дочери, разорвали с ней родственные отношения и отказали в финансовой поддержке, узнав о русской национальности мужа; а далее последовали тяжелая болезнь Георгия Валентиновича, смерть детей, жизнь на чужбине и многое, многое другое...

Р. С. Галина, познакомившаяся с Плехановыми в 1910 г., позднее писала: «Розалия Марковна произвела на меня впечатление человека «не из мира сего» и этим напоминала своего двоюродного брата Богграда [Якова Ефимовича – Т.Ф.], который также был необыкновенно благородный человек.

Тяжелая болезнь Георгия Валентиновича «...совершенно не отразилась на его наружности. А между тем я узнала про него, что он в молодости был так тяжело болен туберкулезом, что все жалели его жену, про которую говорили, что она, бедная, останется вдовой с двумя маленькими детьми. Но супруга его, Розалия Марковна Плеханова, принадлежала к типу женщин, которые не дают своим мужьям погибать от болезней. Она его вырвала из когтей смерти» (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. I. Ед. хр. 216. Л. 7.4; Л. 2 об., 3).

⁴⁴ «...в последних классах гимназии мы охотно посещали славившуюся своим развитием молодую девушку Фанни Морейнис. У нее мы читали Добролюбова. Я помню

медицинских курсов⁴⁵, где посещает лекции А. П. Бородин и С. П. Боткина, много времени уделяя самообразованию: «В студенчестве нашего круга стояло убеждение, что врач не должен быть узким специалистом, что для того, чтобы быть врачом-человеком, нужно стоять на высоте культуры, интересы к философии, к литературе ему должны быть близки. Мы занимались, читали по вопросам философии, литературы»⁴⁶.

В 1875 году слушательниц перевели для продолжения учебы в Женскую врачебную школу (ЖВШ) при Николаевском военном госпитале, которую Розалия Марковна заканчивает в 1879 году, однако, вынужденная скрываться от преследования полиции, она была лишена возможности сдать выпускные экзамены для получения диплома врача.

В начале 1878 года группа из 20 – 30 слушательниц Врачебной школы, среди которых была и Розалия Марковна, подала заявление с просьбой отправить их на фронт в качестве фельдшерниц или сестер милосердия. В течение нескольких месяцев добровольцы ждали ответа, а затем делегировали Розалию Марковну на прием к начальнице курсов Ермоловой. Сославшись на незнание ситуации, начальница курсов, тем не менее, произнесла слова, глубоко задевшие, вспоминает Розалия Марковна, ее душу: «Госпожа Боград, я думаю, что

сильное впечатление, которое произвела на нас его гениальная статья – разбор романа Тургенева «Накануне». «Когда же наступит настоящий день?». Инсаров сделался нашим любимым героем. Мысль о том, что жизнь имеет ценность только тогда, если ее посвятить великой цели, не покидала меня и моих подруг...

Чтение писателей-шестидесятников, появление в Херсоне революционного кружка Франколи и Ланганса... Идеи просачивались в молодежь, доходили до нас, гимназисток. Каким-то образом дошел до нас и номер газеты «Вперед». Мы прониклись революционными стремлениями, мечтали отдать свою жизнь святому делу. Эти идеи охватили меня и моих подруг как новая религия, откровение. Помню, как в результате горячего спора, мы с Ольгой Анисьиной и Настей Соколовой пошли на берег Днепра и там поклялись посвятить свою жизнь народу, его просвещению, его счастью» (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 27 – 28).

⁴⁵ «Медициной я очень увлекалась; я любила естественные науки, изучение человеческого организма: анатомия, гистология, физиология удовлетворяли мою любовь к знаниям, а кроме того, и главная причина, которая меня толкнула на изучение медицины и на поприще медицинской деятельности, – это убеждение, что обладание этой наукой и деятельность [...] дадут мне возможность осуществить мои юные мечты: стать в близкое соприкосновение с народом и отдать служению ему мои силы. Кому легче, чем врачу и народному учителю, стать в близость, повседневное отношение к народу, изучить его нужды, жить его радостями, быть ему полезным? К учительству у меня не было призвания, да и обстоятельства не подходили, а врачом сделаться была возможность, и к медицине я чувствовала призвание» (Там же. Л. 56).

⁴⁶ Там же. Л. 62, выд. – Т. Ф.

Вам вряд ли возможно будет воспользоваться местом, если даже получится удовлетворительный ответ на заявление. Ведь Вы и Ваши товарки сможете отправиться на театр военных действий только в качестве сестер милосердия, Вы должны будете носить форму с крестом на груди». Эти слова начальницы меня глубоко оскорбили: я готова душу положить за свободу наших братьев, страдающих от турецкого ига; раса, религия для нас, семидесятников, не существовали, нам было дорого человечество, и вдруг — передовая женщина, стоящая во главе женского образования и женской эмансипации, напоминает мне, что я еврейка, мне не место среди тех, которые готовы жизнь отдать для облегчения страданий борцов за свободу. Я вспыхнула и, вся взволнованная, заявила начальнице, что считала ее стоящей выше расовых и религиозных предрассудков»⁴⁷.

Вскоре разрешение на командировку было получено, и волонтеры отправились в Румынию для работы в военном госпитале. Розалия Марковна получила назначение в тыловой госпиталь № 147, располагавшийся в Бузео — небольшом городке, находившемся в двух часах езды от Бухареста. Служба продолжалась в течение нескольких месяцев, и, как она вспоминала позднее, положение раненых в госпитале, «плутни интендантства», факты открытого казнокрадства заставляли ее и ее товарищей все более проникаться ненавистью к самодержавному строю»⁴⁸.

Захваченная общей революционной атмосферой Петербурга, Розалия Марковна Плеханова становится членом кружка помо-

⁴⁷ Это замечание было тем более оскорбительным, что, как вспоминает Розалия Марковна, никогда ранее ее национальные чувства не унижались: учащиеся гимназии принадлежали к разным вероисповеданиям, в кругу друзей отца и семьи были люди самых разных национальностей, а одним из самых близких — русский священник, семья которого часто гостила у Боградов. «Расового вопроса в эту эпоху просветительства, в эпоху Чернышевского, Добролюбова не существовало», — писала в своих воспоминаниях Розалия Марковна (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7, л. 8, 19 — 20, 96). Конечно же, это высказывание страдает некоторым преувеличением: в определенной мере национальные предрассудки были присущи родителям самой Р. М. Плехановой. Так, перед отъездом дочери в Петербург Марк Самуилович попросил обещать ему «не изменить народу нашему, ни религии». И добавил: «Если выйдешь замуж за христианина, мы от тебя отречемся, я тебя прокляну» (Там же. л. 36). Свое слово отец сдержал. В приведенном Розалией Марковной утверждении важно иное: для нее лично вопроса о национальной принадлежности не существовало.

⁴⁸ РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 792. л. 1. Так же хорошо передает мироощущение и душевный настрой добровольцев эпизод, ярко сохранившийся в памяти Розалии Марковны и описанный более шести десятилетий спустя: «Перед тем, как двинуться в Бузео, мы посетили еще раз столицу Румынии, остановились перед книжным магазином и увидели за витринами газеты, которые на родине были запрещены. Этот момент был нашей великой радостью. Мы нашли номера «Общины», журнал «Вперед», приобрели этот драгоценный плод, чтобы познакомиться с этими революционными новинками в свободное от медицинской работы время» (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. л. 113).

щи арестованным, ссыльным и каторжанам⁴⁹, организованного лавристами⁵⁰, занимается культурной и революционной пропагандой среди крестьян⁵¹, работает в рабочих кружках и организациях партии «Земля и Воля».

Позже, находясь в эмиграции, Розалия Марковна оказывала посильную помощь Группе «Освобождение труда», Союзу русских социал-демократов за границей (1889 г.), а затем РСДРП (1903 – 1917 гг.), выполняя отдельные поручения,

⁴⁹ «...в марте месяце [1878 г. – Т.Ф.] началась стачка на Новой бумагопрядильне на обводном канале. Эта стачка вызвала сильнейшее сочувствие и интерес в студенческой среде. На курсах начались сборы денег, и я помню мою активную кампанию среди товаров, в среде знакомых, в обществе в пользу стачечников. Помню свой визит к профессору Лесевичу и его жене с целью сбора денег, и к моим приятелям – судебному приставу Семенскому, а, главным образом, к жене его, прекрасной, отзывчивой женщине. В обществе студенчества я встречала большое сочувствие к стачечникам. [...] В стачке рабочих на Новой бумагопрядильне мы все видели протест униженных и оскорбленных против сильного мира сего, а социалистически настроенные элементы женских курсов видели в ней шаг к осуществлению наших идеалов. Я, как и некоторые мои товарки, сильно увлекались рабочим движением, обегали своих знакомых, доставали деньги на помощь рабочим стачечникам». (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Лл. 96 – 98).

⁵⁰ Последователи Петра Лавровича Лаврова (1823 – 1900), идеи которого, изложенные в «Исторических письмах», стали философским и политическим символом веры радикальной молодежи, вступившей в российское общественное движение в конце 1860-х – начале 1870-х гг. Призыв Лаврова к демократической части интеллигенции состоял в том, чтобы путем просвещения и пропаганды среди народа добиться его участия в необходимых обществу революционных преобразованиях. Сплотив и организовав общество на борьбу с самодержавием, интеллигенция исполнит свой долг перед народом, чьим тяжким трудом обеспечивалась для нее возможность не только получить образование, но и строить свою жизнь в соответствии с интересами, способностями и наклонностями.

⁵¹ «...ключ «В народ!» имел для нас, революционно настроенной молодежи, значение нравственного призыва. Там, в «народе», мы измерим свои силы, увидим, на что мы способны, чему посвятить свою жизнь. О своем горячем стремлении стать в близкое отношение к крестьянской среде я не раз говорила с моей подругой Дорой Семенович. Она написала о моем стремлении поработать среди крестьян своему зятю, земскому врачу, служившему в селе Широком, Самарской губернии. Через некоторое время я получила от него приглашение приехать к ним и поработать в качестве фельдшерицы-добровольца под его руководством, на что я с радостью согласилась [...].

В первый день приезда в Широком я двинулась к земскому врачу, представилась ему и его жене. Врач давал мне работу на дому у крестьян, я исполняла также фельдшерскую работу во время приемов. Мое сближение с крестьянами шло быстро. [...] Я занималась с крестьянами, главным образом стараясь дать им общее образование, и вела очень осторожно социалистическую пропаганду. Несмотря на мою осторожность, мой квартирный хозяин, старшина села Широкого, пришел ко мне в комнату и предупредил меня, что мое присутствие в селе и занятия с крестьянами вызвали подозрение среди местной полиции и его призвали, чтобы расспросить обо мне. Но мой хозяин успокоил начальство, и меня не трогали. [...] В селе Широком я пробыла до осени. До начала занятий в Медицинской школе. Рассталась я с крестьянами чрезвычайно дружески. Многие из крестьян, которых я лечила, проводили меня до станции железной дороги, бабы нанесли подарков, яиц, живых кур, платков. [...] В результате своего пребывания в селе Широком... я вынесла впечатление, что население села любознательно, но не революционно» (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Лл. 92 – 93).

Когда того требовали обстоятельства – секретарские обязанности, организовывая сбор средств для издательской деятельности. Ее врачебными услугами широко пользовались русские эмигранты; она участвовала в деятельности Комитета вспомоществования российским эмигрантам (1912 – 1915 гг.) и организованном после смерти Георгия Валентиновича «Комитете по увековечению памяти Г. В. Плеханова» (1918 г.)⁵².

30 марта 1917 года, т. е. немногим более месяца спустя после Февральских событий, Плехановы вернулись в Россию. Георгий Валентинович сразу оказался вовлеченным в вихрь революционных событий и дел: выступления на митингах в Петрограде и Москве, на Съездах советов, Государственном совещании в Москве; участие в Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих при Министерстве путей сообщения, работа в редакции газеты «Единство», газетные дискуссии по самым актуальным для страны вопросам: деятельность правительства и Советов депутатов, вопросы формирования коалиционного правительства, положение на фронте и в вооруженных силах в целом, организация жизни в стране в условиях войны и революции,

⁵² В состав Комитета входили видные ученые, государственные и партийные деятели того времени, соратники Плеханова по революционной борьбе: Л. И. Аксельрод-Ортодокс, П. Б. Аксельрод, А. М. Деборин, М. П. Кристи, А. В. Луначарский, Н. Я. Марр, Е. В. Тарле, Н. Ф. Петров, С. О. Португейс, Н. А. Потресов, Н. А. Семашко, Б. А. Членов и ряд других лиц. В Западной Европе действовал аналогичный Комитет, членами которого стали русские политические эмигранты, покинувшие Россию как задолго до Октябрьской революции 1917 г., так и после нее; его организационный центр находился в Париже.

Комитет занимался организационной, культурно-просветительской работой, оказывал финансовую и социальную поддержку участникам революционного движения, и в тех случаях, когда они подвергались репрессиям, Комитет выступал в качестве коллективного адвоката. В архиве Р. М. Плехановой и Л. Г. Дейча сохранились письма-обращения и другие материалы, адресованные лично членам правительства, партийному руководству страны, высшим государственным и партийным органам.

При непосредственном участии и по инициативе Комитета в Липецке был открыт Дом-музей Г. В. Плеханова, в селе Гудаловка созданы школа и сельскохозяйственный техникум, в которых малоимущим студентам и школьникам выплачивалась стипендия. Там же была открыта психиатрическая лечебница, существующая и поныне.

По просьбам и обращениям городских и сельских библиотек, отдельных лиц и общественных организаций на средства Комитета приобретались произведения Плеханова, сборники «Группы «Освобождение труда», издававшиеся при непосредственном участии его членов.

Комитет явился одним из организаторов Дома Плеханова и от имени наследников Георгия Валентиновича вел переговоры о передаче его архива и личной библиотеки Георгия Валентиновича в дар Советскому союзу. Официально Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова не распускался и не заявлял о прекращении деятельности; последние по времени документы на бланках Комитета датируются началом 1930-х гг.

противостояние политических сил и партий... Драматические события лета-осени 1917 года, свидетельствовавшие о неуклонном сползании страны к гражданской войне, осознание невозможности предотвратить их, оказались непосильными для подорванного здоровья Георгия Валентиновича. Плеханов умер 30 мая 1918 года в финской санатории Питка-Ярви, расположенной в нескольких десятках километров от Петрограда, куда Розалия Марковна была вынуждена вывезти мужа из-за отсутствия в столице медикаментов и продовольствия.

Четырнадцать месяцев, проведенных на родине, о возвращении на которую они с мужем мечтали долгие тридцать семь лет, стали едва ли не самыми тяжелыми и трагическими в жизни Розалии Марковны⁵³. После получения известий о революции в России Плехановы даже не рассматривали вопрос о целесообразности – с точки зрения состояния здоровья Георгия Валентиновича – времени отъезда из Швейцарии на Родину. Хотя, как и многие из их окружения, прекрасно осознавали реальную опасность для его жизни. Если сравнительно мягкий климат зимней Женевы был вреден для легких Плеханова, то условия жизни в Петрограде, в котором трудности климатического характера осложнялись последствиями к тому времени почти трехлетней войны с Германией, принесшей стране дезорганизацию экономической и социальной жизни, оказывались еще более губительными. Плеханов отдавал себе отчет в возможном исходе, однако еще раз пройти через уже однажды испытанные им в 1905 году нравственные мучения он не захотел⁵⁴.

Предчувствия не обманули Георгия Валентиновича. Второго апреля он простудился и восстановить силы уже более не смог...

⁵³ Розалия Марковна оставила воспоминания о последнем годе жизни Плеханова. В 1923 г. под названием «Год на родине» некоторые фрагменты появились в журнале «Заря». Полный текст рукописи опубликован в журнале «Диалог» за 1990 г., №6, 8 – 15 (Публ. Т. И. Филимоновой и И. В. Смирновой). См. также: Бэрн С. Х. Указ, соч., С. В. Тютюкин Указ, соч. и др.

⁵⁴ Осень 1905 г. стала знаменательным событием в социально-политической жизни России. Всероссийская политическая стачка, проходившая в октябре 1905 г., своим размахом, количеством и составом участников заставила Николая II предпринять ряд шагов, направленных на демократизацию общественной жизни. Одним из них стал Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», в соответствии с которым обещанная царем законосовещательная Госдума получала статус законодательного органа; гарантировалась свобода слова, митингов и собраний, печати. Вскоре после выхода «Манифеста» была объявлена политическая амнистия, и Георгий Валентинович стал собираться на родину. Но вновь обострилась болезнь, и отъезд пришлось ненадолго, как ему тогда казалось, отложить. В письме к другу

Пока Плехановы находились в России, Розалия Марковна оставалась почти единственным секретарем мужа, и значительная часть публиковавшихся в газете «Единство» статей и переписки были продиктованы ей Георгием Валентиновичем и обработаны ими совместно. Помимо этого была для него врачом и сиделкой... Оба понимали неизбежность приближавшейся развязки, но, как это бывало и раньше в критические для жизни мужа дни, Розалия Марковна надеялась на его душевные силы, волю к жизни, помощь врачей... На этот раз надежды обманули ее...

Похоронив 9 июня 1918 года Георгия Валентиновича⁵⁵, Розалия Марковна еще в течение полугода оставалась в Петрограде, занимаясь врачебной деятельностью.

Одним из наиболее тяжелых последствий Первой мировой (1914 – 1918) и гражданской (1918 – 1921) войн в стране, голода 1921 – 1922 годов и последовавших за ним двух неурожайных лет, стала проблема беженства и связанное с ним увеличение числа детей, оставшихся без родительского попечения. По сведениям, приводившимся в различных изданиях, в т. ч. государственной печати и специальных исследованиях, число беспризорных детей в России составляло несколько миллионов человек⁵⁶.

В годы Первой мировой войны заботу о беспризорниках взяли на себя Земский и Городской союзы и ряд других

и коллеге Л. И. Аксельрод 5 декабря 1905 г. он напишет: «Тянет меня в Россию. Я испытываю такое ощущение, как будто я дезертировал. Почти не могу работать. Надо ехать. Только вот здоровье-то мое зимою ничего не стоит! Скверно! Но все-таки лучше умереть на своем посту, чем дезертировать» (См.: Философско-литературное наследие. Т. 1. М., 1973. С. 214).

События, последовавшие за разгромом декабрьского вооруженного восстания в Москве, сделали возвращение Плеханова в Россию в 1905 г. невозможным.

⁵⁵ Церемония прощания с Г. В. Плехановым проходила в здании Вольно-экономического общества. С просьбой разрешить участвовать в похоронах к их организаторам обратились более 200 партийных и общественных организаций города, представители Союза фабрично-заводских старост Петрограда. Кинохроника тех лет запечатлела многотысячную процессию, растянувшуюся на многие километры... В ряде городов страны вышли специальные выпуски газет, посвященные вкладу Плеханова в развитие культуры, науки и революционно-общественного движения России; аналогичные материалы появились в печати Западной Европы.

Согласно последней воле, Г. В. Плеханова похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбище в Петрограде, рядом с могилой В. Г. Белинского. В мае 1919 г. здесь же была похоронена В. И. Засулич, одна из основательниц Группы «Освобождение труда» и РСДРП.

⁵⁶ Соколов Б. Ф. Спасите детей! (о детях советской России). – Прага, 1921; Современный ребенок: Сб. ст. / Под ред. проф. К. И. Корнилова и Н. А. Рыбникова. – М., 1923; Маро. Беспризорные. – М., 1925; Зензинов В. Беспризорные. – Париж, 1929; Зубков Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. – М., 1971; Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы

общественных объединений. Осенью 1918 года с инициативой защиты детей выступил русский писатель В. Г. Короленко, призвавший создать «Лигу спасения детей»⁵⁷.

Но еще несколькими месяцами ранее было опубликовано составленное Розалией Марковной «Обращение к гражданам и товарищам Петрограда», в котором, помимо призыва к оказанию помощи детям и бездомным, сообщалось, что организационную работу она берет на себя⁵⁸. Вскоре к этим обязанностям добавились другие: вместе с коллегами ей пришлось заняться вакцинацией жителей Петрограда против холеры.

Вскоре Розалия Марковна оказывается вынужденной прервать работу в Петрограде: получив известие о болезни дочерей,

Советского государства с голодом (1921 – 1922). – Красноярск, 1988; Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: Сб. док. – М., 1995.

⁵⁷ Благодаря усилиям членов Лиги детские колонии и санатории стали появляться уже в конце 1918 г. Среди активистов Лиги значились Е. Д. Кускова, Е. П. Пешкова, С. Н. Прокопович, кн. Д. И. Шаховской и ряд других известных в стране деятелей. Советское правительство в январе 1919 г. образовало Совет защиты детей, в 1921 г реорганизованный в Комиссию по улучшению жизни детей, во главе которой тогда же встал Ф. Э. Дзержинский.

⁵⁸ «Я обращаюсь к вам по делу, к которому должны отнестись сочувственно все, без различия политических убеждений, социального положения и т. д., все, которым дороги дети и [1 сл. прзб.] – эта надежда России, и пожилые, и старики, которым подача помощи есть элементарная нравственная обязанность людей. За короткое время моего пребывания в Петербурге я успела насмотреться на оборванных, голодных, протягив[ающих] руки для милостыни или тоскливо стоящих на тротуарах и не осмеливающихся обратиться с просьбою к прохожим. Я встретила юношу, безработного, истощенного, едва передвигающего ноги от слабости, который на мой вопрос, что с ним, сказал, что он три дня ничего не ел; я подобрала к себе на квартиру молодую девушку, работницу, которую нашла в глубоком обмороке от голода. Эти факты заставили меня краснеть от стыда. Как мы не можем позаботиться о том, чтобы этих ужасов не было на улицах. Верно, что всем тяжело живется, продовольствия нет, рынки пусты, но мы должны поделиться последним и положить конец этим ужасающим картинам смерти от холода и голода на наших глазах.

Мы должны устроить побольше площадок для голодных детей рабочих и интеллигенции и кормить хотя бы два раза в день, и мы должны организовать подачу первой помощи людям, падающим от голода на улицах Петрограда...

Эту подачу первой помощи надо устроить так: в разных районах Петрограда должно иметься небольшое помещение; одна комната и кухня. В комнате одна-две постеленные кушетки, куда бы можно было на несколько часов уложить больную или больного. При квартире должна быть толковая сестра милосердия и должно иметься необходимое для подкрепления сил упавших. Адреса этих пунктов подачи первой помощи должны быть доведены до сведения публики постоянными плакатами на домах, где помещаются пункты, на углах улиц и в газетах. Важно иметь пункты, куда [можно – Т.Ф] завести умирающего от голода, так как деньгами, всовываемыми павшему от голода не поможешь, так как у него сил нет их пустить в употребление. Дело идет здесь о первой помощи.

Излишне доказывать, насколько неотложна организация этой первой помощи. Я надеюсь, товарищи граждане, что вы, как я, стыдитесь этих явлений и отзоветесь сочувственно на мой призыв. Для площадок и пунктов нужны деньги, вещи, книги, игрушки, школьные аксессуары. Всякое деяние будет благом. Адрес мой: Надежд[инская], 3, кв. 23. Р. Плеханова» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 12).

в ноябре 1918 года она отправляется во Францию. Однако путь в «город-светоч», «город Света», как часто в воспоминаниях Р. М. Плеханова называет Париж, оказался не только долгим, но и непростым: находясь в Стокгольме, она выступила в печати с критикой в адрес Франции, принимавшей участие в интервенции против России. Высказанная позиция была расценена как поддержка большевистского правительства и въезд в страну ей был запрещен. Потребовалось вмешательство депутатов-социалистов Альбера Тома⁵⁹ и Жюля Геда, неоднократные обращения друзей по Второму и Бернскому Интернационалам к французскому правительству, чтобы снять запрет, и лишь в 1920 году Р. М. Плеханова смогла приехать в Париж. Она внимательно следила за всем, что происходило в Советской России, и в одном из писем к Н. И. Иорданскому призналась: «Жить здесь, за границей, в сытости и тепле, и знать, что родина и близкие умирают от лишений – это настоящая мука. ... Если бы не это обстоятельство [болезнь младшей дочери Евгении Георгиевны – Т.Ф.], я бы не оставила Петрограда. Мне тем более тяжело было оставить его, что люди нужны были там, чтобы бороться с последствиями большевистских порядков [таких - Т. Ф.], как голод, эпидемии, смертность детей и т. п. Я вообще была того мнения, что надо оставаться работать и спасти то, что можно... всеми фибрами души стремлюсь на родину, главным образом, в Петроград, где я надеюсь еще поработать над разными учреждениями имени Плеханова»⁶⁰.

В июле 1921 года в России создается Всероссийский Общественный Комитет помощи голодающим, получивший право открывать филиалы за границей, и при Парижском Общественном Комитете помощи голодающим в России Розалия Марковна организует детские секции, сначала в Париже, а затем – в Берлине⁶¹.

Ликвидация санатория в Сан-Ремо, связанная с отъездом в Россию, а затем смерть Георгия Валентиновича поставили воп-

⁵⁹ В Национальном архиве Франции сохранились копии двух телеграмм Р. М. Плехановой от декабря 1918 г. с просьбой о помощи и два письма Альбера Тома, адресованных Управляющему канцелярией при Президенте Национального совета Франции С. Менделю и сотруднику Министерства иностранных дел Франции г-же Менандсен. В документах содержатся разъяснения Тома по поводу инцидента в Стокгольме и отношения Г. В. Плеханова к большевикам (ANF. 94 AP/407. Papiers de Al. Thomas).

⁶⁰ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1-1 об. РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1 – 2.

⁶¹ В списках членов Комитета значатся 126 человек, и среди них, к примеру, мы находим видных социал-демократов, социалистов-революционеров, кадетов, людей, ранее принадлежавших к народническим кругам, бывших членов Временного правительства

рос о необходимости «работать для хлеба»⁶², и вместе со старшей дочерью Р. М. Плеханова устраивает небольшой санаторий («кроватьей на 15») в Булони, в котором, так же, как и в Сан-Ремо, нередкими гостями были русские политэмигранты⁶³.

В этот же период семья начинает поистине титаническую работу по восстановлению целостности архива Плеханова и сбору материалов, связанных с его творчеством и революционной деятельностью. Друзья и единомышленники Плехановых обращаются к русским политэмигрантам за финансовой поддержкой издания посмертного сборника статей Г. В. Плеханова⁶⁴ и изыскивают возможности для транспортировки в Париж, хранившихся в Женеве и Сан-Ремо архива и библиотеки Георгия Валентиновича.

От имени Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова рассылаются письма к корреспондентам Плеханова и запросы в архивы, государственные и общественные организации стран Западной Европы, группы и объединения российской политической эмиграции с просьбой передать оригиналы или копии имеющихся документов⁶⁵. Тогда же встал вопрос о последующем размещении архива и библиотеки Плеханова. Семья получает лестные выгодные предложения от частных покупателей, исследовательских учреждений, включавших французские *Musee social* и *Institut des etudes slaves*; наследникам советуют продать литературное наследие Плеханова или временно переместить его в Прагу, где в то время располагался Русский заграничный архив.

Среди учреждений, обращавшихся с просьбой о передаче архива и библиотеки Плеханова, был и московский Инсти-

и французских социалистов: Н. Д. Авксентьев, Д. А. Аптов, П. Б. Аксельрод, И. И. Бунаков-Фундаминский, М. М. Винавер, М. В. Вишняк, С. О. Загорский, О. С. Минор, кн. Г. Е. Львов, А. С. и П. Н. Милоковы, С. О. Португейс, И. А. Рубанович, М. Муте и Ж. Северак (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 638). В архиве Р. М. Плехановой сохранилось свыше тридцати документов, относящихся к деятельности Комитета.

⁶² РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 443. Л. 2.

⁶³ Знаменитая участница народнического движения 1870-х гг., одна из организаторов боевой партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковская после отдыха в санатории в 1921 г писала Розалии Марковне: «Ваше дружеское отношение навсегда установило чувство доверия и близости, позволяющее и в будущем смотреть на ваш дом как на близкий моему сердцу; оно сохранит в себе навсегда и доброе воспоминание, и глубокую благодарность. Нет ничего ценнее и радостнее, как доверие и взаимное уважение. Спасибо Вам» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 103. Л. 1).

⁶⁴ Двухтомник «Год на родине», в состав которого вошли статьи и выступления Георгия Валентиновича за 1917 – 1918 гг., в 1921 г. вышел в издательстве Я. Е. Поволоцкого в Париже.

⁶⁵ Благодаря обширным связям и дружбе с известными политическими и общественными деятелями России и Западной Европы, деятелями культуры и искусства, Розалии Марковне удалось сосредоточить в Доме Плеханова в оригиналах и копиях почти 90% ныне учтенных документов Плеханова.

тут Маркса-Энгельса. Его представители, как специально командировавшиеся с этой целью во Францию, так и те, кто по заданию созданных в Советском Союзе исследовательских институтов занимался за границей сбором материалов по истории партии и революционного движения, неоднократно повторяли эту просьбу Советского правительства, высказанную от имени В. И. Ленина еще в августе 1918 года.

В соответствии с завещанием Георгия Валентиновича, все имущественные права, включавшие права на будущие издания его трудов, личные архив и библиотеку переходили в наследство его вдове Р. М. Плехановой, и дочерям Л. Г. Плехановой и Е. Г. Бато-Плехановой. Предложение Советского правительства об издании трудов Плеханова было принято, и первые публикации работ стали появляться уже в 1919 году, однако просьба передать архив и библиотеку Советской России не просто осталась безответной: на нее был получен категорический отказ. Его причиной стали трагические воспоминания о событиях 1917 года, виновниками которых Розалия Марковна считала большевиков.

Архив Плеханова, содержащий рукописи работ и богатейшую переписку с деятелями культуры, искусства и науки России и зарубежных стран, документы по истории русского и международного рабочего и общественного движения вместе с библиотекой на восемнадцати языках, насчитывавшей почти 16000 томов, остались в Западной Европе.

В 1922 году по заданию Института Маркса-Энгельса в Париж отправился Л. Г. Дейч – близкий друг и соратник Георгия Валентиновича, один из основателей группы «Освобождение труда». Видный участник социал-демократического движения России, Лев Григорьевич особенно близко сотрудничал с Георгием Валентиновичем в последние годы его жизни.

Официальной целью поездки было оказание помощи в разборе архива Плеханова, однако миссия Л. Г. Дейча на этом не заканчивалась: ему предстояло еще раз повторить просьбу и попытаться убедить наследников Георгия Валентиновича передать архив и библиотеку Советскому государству⁶⁶.

Летом 1924 года, по приглашению Государственного издательства Р. М. Плеханова приезжает на родину и в мае 1925 года

⁶⁶ Как свидетельствуют сохранившиеся документы, поездка оказалась весьма нелегкой и удалась не полностью: участие в разборе архива заняло почти год, а роль посредника была выполнена лишь частично. Получить согласие Р. М. Плехановой на передачу архива и библиотеки Советскому Союзу Лев Григорьевич так и не смог,

подписывает договор о выпуске всех неизданных работ Плеханова на основе представляемых ею оригиналов или фотокопий архивных документов.

Поездка оставила в душе Розалии Марковны тягостное впечатление: тяжелое экономическое положение страны, состояние угнетенности, владевшее людьми; насильственное, как находила Розалия Марковна, отторжение интеллигенции от общества, преследование и изгнание ее части из России⁶⁷. Эти впечатления еще более усилились, когда вскоре после смерти В. И. Ленина 21 января 1924 года в советской периодической печати стали появляться статьи, в качестве авторов которых выступили известные общественные и партийные деятели, соратники Ленина по недавнему революционному прошлому, маститые и начинающие исследователи. Материалы, включавшие научные статьи, очерки и воспоминания, содержали анализ жизни и деятельности Владимира Ильича, его исторической роли руководителя и теоретика рабочего движения в сопоставлении с «делами и днями» тех, кто в определенные – исторически значимые – моменты оказывался идейным и политическим, если и не противником, то, во всяком случае, оппонентом Ленина. И наиболее яркой личностью, способной оттенить и подчеркнуть достоинства В. И. Ленина – политика, теоретика и человека, мог быть только Г. В. Плеханов: в отечественной и международной общественной жизни начала XX века они являлись самыми представительными фигурами.

Именно в тот период в научной и публицистической литературе стали проявляться тенденции к мифологизации как Ленина, так и Плеханова⁶⁸. Было бы неверно утверждать, что издававшиеся работы являлись частью задуманной кем-то кампании по апологетике Владимира Ильича или намеренной дискредитации Георгия Валентиновича. Тем не менее, количество и ангажированность публикаций, стремление авторов подчеркнуть

но благодаря его усилиям удалось решить вопрос о публикации государственным издательством материалов из архива Плеханова в сборниках «Группа «Освобождение труда», выходявших под независимой редакцией Л. Г. Дейча и при участии Р. М. Плехановой; с 1923 г. – параллельно тремя тиражами – ГИЗ начал печатать «Сочинения» Г. В. Плеханова; его отдельные статьи публиковались в периодических изданиях и тематических сборниках. О работе Л. Г. Дейча с Парижским архивом см.: Дейч Л. Г. О литературном наследстве Г. В. Плеханова и В. И. Засулич // Пролетарская революция. – № 1 (13). – 1923. – С. 382-384; См. также РНБ АДП. Ф. 1097. Ед хр. 227. Л. 5; Ед хр. 430-431, 1087.

⁶⁷ См.: Плеханова Р. М. Критические заметки Р. М. Плехановой. Писано в 1925 г. в первый свой приезд на Родину / Публ. Т. И. Филимоновой // Кентавр. -1992.- Сентябрь-октябрь.-С. 143-158.

⁶⁸ См.: Филимонова Т. И., Аркушенко Т. А. Указ. соч.

и противопоставить непреходящую историческую значимость В. И. Ленина «исторической ограниченности» и «интеллектуальному одряхлению» Г. В. Плеханова оставляли ощущение заданности и не могли не оскорблять память Георгия Валентиновича, чувств Розалии Марковны и друзей семьи Плехановых. Вскоре после церемонии открытия 4 мая 1925 года памятника Плеханову в Ленинграде Розалия Марковна вновь, уже в третий раз, вынужденно покидает родину...

Однако ситуация в Советской России и вокруг нее, дальнейшая судьба страны по-прежнему остаются предметом ее долгих и мучительных размышлений. Среди бумаг Розалии Марковны можно найти отдельные замечания, планы задумывавшихся ею статей, в которых она намеревалась изложить собственные впечатления от поездки домой, в Ленинград, от всего того, что одновременно и притягивало, рождая надежды, и отталкивало, не позволяя принять принципиального для нее решения: где жить и где, следовательно, хранить архив? Во Франции, с семьей, или в Советском Союзе, где был похоронен Плеханов, где существовала его мемориальная комната⁶⁹, кабинет его имени в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса⁷⁰ где издавались, а значит, полагала она, были востребованы его труды? В переписке Розалии Марковны тех лет и с теми, кто оставался на родине, и с теми, кто избрал для себя судьбу эмигранта, почти неизменно присутствовал один сюжет: Россия, ее будущее.

Дополнением к цитированному выше письму Н. И. Иорданскому служит запись Р. М. Плехановой, сделанная, вероятно, в 1924 – 1925 годах, которая объясняет мотивы возвращения домой и демонстрирует ее понимание личной ответственности за судьбу страны: «Наблюдая жизнь на Родине, я все больше и больше убеждаюсь, что Г. В. Плеханов был прав, тысячу раз прав, убеждая и проповедуя, что диктатура пролетариата была преждевременна для России, что пролетариат еще недостаточно сознательный в своей массе для этого переворота, что соц[иальный] переворот при еще слаборазвитых экономичес[ких] отношениях отодвинет русский народ назад... Эти наблюдения утверждают

⁶⁹ Мемориальный кабинет Г. В. Плеханова, в котором хранились его вещи, книги и траурные венки в течение десяти лет – вплоть до открытия в 1928 г. Дома Плеханова – располагался в одной из комнат бывшего Вольно-экономического Общества.

⁷⁰ Директором кабинета Г. В. Плеханова являлся В. А. Тер-Ваганян – один из первых авторов научной биографии и первых библиографов Плеханова // Крылов В. В. Имя, изъятые из энциклопедии (О В. А. Тер-Ваганяне. – Советская библиография. – 1990. – № 3, – С. 61-71; Петренко Е. Л. О неизданной биобиблиографии трудов Г. В. Плеханова // Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований: VII Плехановские чтения. 30 мая – 1 июня 2005. – СПб., 2005. – С. 121-125.

меня в моем давнишнем убеждении, что мы все должны объединиться вокруг руководителей судьбами дорогой нам Родины и употребить все наши силы на помощь русскому народу выйти из тяжелого положения, в которое его поставили его собственные ошибки»⁷¹.

В июне 1927 года Розалия Марковна принимает решение о возвращении на родину и обращается к правлению Государственной публичной библиотеки в Ленинграде с предложением принять в дар архив и личную библиотеку Г. В. Плеханова. Уже весной 1928 года были доставлены архив, библиотека, художественные коллекции и обстановка рабочего кабинета Георгия Валентиновича в Женеве для последующего размещения в Ленинграде.

В качестве хранилища была выбрана Государственная публичная библиотека – «Alma Mater», духовный источник, из которого, по словам Р. М. Плехановой, в период революционного становления Георгий Валентинович черпал знания для теоретической работы и практической работы.

Наследники Плеханова передали дар Советскому Союзу при условии, что он никогда не подвергнется разобщению и будет храниться при Публичной библиотеке в отдельном помещении. Правление Публичной библиотеки, приняв условия жертвователей, при поддержке правительства выделило средства для строительства специального помещения и организации

⁷¹ РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1; выд. – Т.Ф. Эти строки созвучны мыслям Г. В. Плеханова, высказанным в статье «А все-таки движется!», с которой в декабре 1917 г. он обратился к членам правления Петроградского политического клуба «Рабочее знамя». Узнав из открытого письма, опубликованного в газете «День» (1917, № 222) о том, что его избрали членом правления, Георгий Валентинович поблагодарил их за честь и добавил: «Глубоко скорбя об его [пролетариата – Т. Ф.] ошибках [имеется в виду приход большевиков к власти 25 октября 1917 г. – Т. Ф.], от которых жестоко пострадает вся страна, – а прежде и больше всего он сам, – будем, по мере наших сил, разъяснять ему правильный способ действий.

Я очень хорошо знаю, что это совсем не легкая задача. Людям, берущимся за ее решение, нередко придется услышать резкое слово порицания и даже, может быть, физически пострадать от тех, просветить которых они стремятся. Но с этим надо заранее примириться. Кто берется просвещать сознание рабочего класса, тот заранее должен быть осведомлен о том, что он выступает на ту дорогу, на которой его ждет больше терний, чем рукоплесканий.

А главное, будем помнить, что с каким бы недоверием ни относились к нам бессознательные, – пока еще, увы! слишком многочисленные, – рабочие, они были и остаются нашими братьями, просвещению которых, каждый из нас обязан служить до последнего часа своего издыхания.

Чернышевский говаривал когда-то: пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник. И мы имеем полное право с твердой и спокойной уверенностью повторять эти гордые слова великого и благородного русского социалиста (См.: Год на Родине. Т. 2 С. 252).

нового библиотечного подразделения. Для обеспечения его работы библиотека выделяла особый штат научных сотрудников и открывала специальный валютный счет для приобретения документов и литературы⁷². Строительные работы и оборудование Дома Плеханова, построенного на фундаменте флигеля ВЭО завершились к весне 1931 года.

11 июня 1929 года в Актовом зале бывшего ВЭО состоялось торжественное открытие Дома Плеханова. В приветственной телеграмме президент АН СССР академик А. П. Карпинский отмечал, что «Организация Дома является лучшей данью светлой памяти Георгия Валентиновича – тонкого мыслителя и замечательного теоретика-исследователя, чьи труды являются таким заметным этапом в истории развития социалистической мысли. Академия Наук, всегда с особым вниманием относящаяся к каждому начинанию, приближающему науку к массам, горячо приветствует создание Дома Плеханова и надеется, что в его стенах, полных воспоминаниями о славном деятеле и ученом, закипит новая работа в тесном единении с рабочими массами и рабочей молодежью»⁷³.

⁷² В 1925 – 1928 гг. правление Публичной библиотеки на своих заседаниях неоднократно рассматривало вопрос об условиях передачи архива и библиотеки Г. В. Плеханова в дар ГПБ и статусе Дома Плеханова. В проекте «Положения о Доме Плеханова», выработанном правлением Публичной библиотеки и Комитетом по увековечению памяти Г. В. Плеханова, указывалось, что Дом Плеханова будет существовать в качестве Института по изучению истории общественной мысли и рабочего движения в специально выстроенном помещении (РНБ АДП ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 197. Л. 4 об, Ед. хр. 133. Л. 8 об; РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 813).

Проект положения не был утвержден в том виде, в каком задумывался. Как отмечалось в решении правления библиотеки, необходимо было избежать параллелизма с уже существовавшим в то время Институтом Маркса-Энгельса (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 732. Лл. 1-22).

В 1929 г. статус Дома Плеханова официально закрепляется принятыми Советским правительством документами. Так, в «Положении о Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде» статус Дома Плеханова определялся следующим образом: «§ 8. При Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде могут существовать филиальные отделения, которые в научном и библиотечно-техническом отношении объединены с основными собраниями библиотеки и, будучи в порядке административном вполне подчиненными управлению последней, выполняют определенные его задания. Примечание: В качестве таковых филиальных отделений являются: ...5-е отделение – Дом Плеханова (архив и библиотека Г. В. Плеханова)» (См.: Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР от 29 июня 1929 г. – № 26-а. М., 1929. Данное положение утверждено Коллегией Народного комиссариата просвещения 9 мая 1929 г.).

В силу специфики статуса и функций, возложенных на Дом Плеханова, сотрудники библиотеки шутливо именовали его «иностранный концессией на территории ГПБ» (Коц Е.С. Указ. соч.).

⁷³ «Исторический архив». – №2. – 1998. – С. 8.

Организации и деятельности Дома Плеханова Розалия Марковна, ставшая его заведующей в 1928 году, посвятила последние 20 лет своей жизни⁷⁴.

Архив и библиотека для нее были не только памятью о дорогом и близком человеке, но и средством распространения и пропаганды идей Г. В. Плеханова⁷⁵, а, следовательно, и продолжением дела, которому Георгий Валентинович посвятил всю жизнь – просвещение и воспитание народа.

Уже к моменту открытия в Дом Плеханова были переданы архивы В. И. Засулич, А. И. Любимова, А. Ф. Бурьянова, в 1946 году поступил архив Л. Г. Дейча. Позднее его фонды пополнились материалами самой Розалии Марковны, а также

⁷⁴ Этот пост Р. М. Плеханова занимала до своей кончины 30 августа 1949 г. В августе 1939 г. она выехала во Францию с тем, чтобы провести отпуск в кругу семьи, однако начавшаяся 1 сентября того же года Вторая мировая война не позволила ей вернуться в Ленинград. Несмотря на это, формально должность заведующей Домом Плеханова оставалась за ней. Лишь годы Великой отечественной войны (1941 – 1945) на некоторое время прервали деловую и дружескую переписку Розалии Марковны с сотрудниками Дома Плеханова, возобновившуюся сразу после Победы.

⁷⁵ Помимо упоминавшихся изданий, выпущенных при непосредственном участии Р. М. Плехановой, вскоре после открытия Дома его сотрудники приступают к работе над сборниками «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (1934 – 1940), публикация которых была прервана Великой отечественной войной на VIII томе. В редакционную коллегию входили А. В. Луначарский, Ф. Д. Кретов, П. Ф. Юдин, М. Т. Иовчук, Р. М. Плеханова. Параллельно с этой работой велась подготовка к печати «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова»; шли переговоры и подписывались соглашения с Соцэргизом и Госполитиздатом (1937 – 1939 гг.) о выпуске «Избранных философских сочинений» в восьми томах, однако реализовать эти планы удалось лишь после Великой отечественной войны (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 800, 808). В последующие годы коллектив сотрудников Дома Плеханова разных поколений в содружестве с академическими институтами страны осуществил ряд изданий фундаментального характера из творческого наследия Г. В. Плеханова и его соратников: сборники «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова» (в трех томах; М., 1973 – 1974), «Избранные философские произведения Г. В. Плеханова» (в пяти томах, М., 1956 – 1958); «Пометы Г. В. Плеханова на книгах его библиотеки» (в трех томах, Л., 1974 – 1990); «Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1883 – 1903» (М., 1984). По договору со Стэнфордским университетом (США) выполнены перевод и издание книги С. Х. Бэрона «Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма» (СПб., 1998). На основе архивных материалов Дома Плеханова изданы монографии и исследования: Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов (М., 1977), Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов (М., 1973), Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» (М., 1983); А. С. Бережанский. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму (Воронеж, 1990); О. К. Цапиева. Георгий Плеханов: экономические воззрения (М., 1991) и Г. В. Плеханов и экономическая мысль Запада (М., 1992); С. В. Тютюкин. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста (М., 1997). За последние два десятилетия Дом Плеханова издал более 50 печатных листов архивных документов. Семидесятилетие образования Дома Плеханова был посвящен юбилейный выпуск журнала «Исторический архив» – второй номер за 1998 г., часть подготовленных для этого проекта материалов была опубликована в третьем номере того же журнала.

таких общественных деятелей России, как А. А. и М. Н. Слепцовы, С. М. Гинсбург, Н. В. Васильев, И. С. Книжник-Ветров, Г. А. Гершуни, С. П. Швецов, Н. С. Русанов, П. П. Маслов, П. Н. Милуков, П. Б. Струве, П. И. Люблинский и др.⁷⁶ Часть документов вместе с необходимыми комментариями широко публиковались в периодической печати того времени, вызывая научные и читательские дискуссии.

Издательская деятельность Дома Плеханова протекала сложно: по завершении работы над очередным томом требовалось согласование всех поправок, внесенных Р. М. Плехановой и московской частью редакции. Окончательно принять можно было только те формулировки и положения, которые устраивали обе стороны. Принимавшая участие в подготовке материалов к публикации Е. С. Коц вспоминала, что в тех случаях, когда Розалия Марковна находила, что высказанные редакцией оценки задевали революционную честь Плеханова или его авторитет теоретика марксизма, проявлявшаяся ею непреклонность требовала немало усилий для выработки общих подходов⁷⁷. Ситуация была настолько напряженной,

⁷⁶ В тридцати девяти архивах и коллекциях сегодня сосредоточены материалы по русской и зарубежной истории, философии, литературе и литературоведению, экономике, праву, широко представлен разнообразный иконографический материал. В последние годы в Дом Плеханова поступают документы известных отечественных и зарубежных исследователей творческого наследия Г. В. Плеханова, историков общественного движения России, современных политических партий и объединений.

⁷⁷ Так, в ходе подготовки писем и примечаний к X сборнику «Литературного наследия Г. В. Плеханова» (1940 г.) Розалия Марковна указывает на отсутствие нескольких писем, имевших, с ее точки зрения, принципиальное значение для понимания ситуации, и настаивает на необходимости их включения. Отвечая на замечания Е. М. Ярославского, указавшего на отход Г. В. Плеханова от марксистских позиций, Р. М. Плеханова дает следующие разъяснения «...Плеханов не изменил своему прошлому и до последних дней своей жизни стоял, как во время революции 1905 г., так и в 1917 г. за то, что пролетариат ... играть роль гегемона, быть «освободителем по преимуществу», как он выражался. Диктатуру пролетариата он считал тогда преждевременной. Плеханов не изменил и в вопросе о «национализации земли». Он считал, что его [требование – Т. Ф.] надо выставить во время пролетарской революции, а не буржуазной, т. к., в случае реставрации, земля может сделаться орудием порабощения крестьянства. Этот взгляд не противоречит мыслям, высказанным в его работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Тут надо взять во внимание исторические условия. В 1906 г. он говорил после неудавшейся первой революции, поэтому настаивал на том, что не следует давать оружие силам, враждебным пролетариату, в случае реставрации, имевших возможность им воспользоваться» (РЦХИДНИ Ф. 264. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 11; подч. – авт.; выд. – Т. Ф.).

«После ее прочтения и редакции в сборники вносились поправки и дополнения к комментарию, иногда очень ценные, поскольку она располагала сведениями, которые нельзя было почерпнуть из каких-либо печатных источников» // Коц Е. С. Розалия Марковна Плеханова. Машинопись. -Л., 1949. - С.27-28.

что некоторое время Розалия Марковна размышляла над тем, чтобы осуществить свой замысел во Франции, и ею в этом направлении были предприняты некоторые шаги⁷⁸.

Будучи человеком твердой воли и сосредоточенной энергии, стиснув зубы, без слез, она встречала удары, выпадавшие на ее долю. И, может быть, эта черта, внушавшая к ней уважение окружающих⁷⁹, заставляла при принятии определенных решений учитывать ее мнение. В одном из писем к давнему другу семьи и ученице Георгия Валентиновича Л. И. Аксельрод она писала: «Работаю много. Если бы не одиночество моральное, я чувствовала бы себя хорошо. Одно время меня крайне волновали грубые выходки «не помнящих родства» по отношению к памяти Ж[оржа], но теперь я стараюсь отнестись к этим выпадам как к чему-то ненормальному, временному и стараюсь не реагировать на них. Это немного трудно, но надеюсь восторжествовать над страданиями, которые мне причиняет разгул плехановских критиков»⁸⁰. И она продолжает работу, иногда публикуя в центральной печати «открытые письма», когда, по ее собственному выражению, она была «не в силах больше молчать» и делала «вынужденные заявления» в советской и иностранной печати⁸¹.

⁷⁸ Р. М. Плеханова подала в соответствующие инстанции заявление о разрешении на вывоз во Францию ряда документов и книг, необходимых для работы над литературным наследством Г. В. Плеханова (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 603; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.467-68).

⁷⁹ Коц Е. С. Указ. соч. – С. 30.

⁸⁰ Плеханова Р. М. «Теперь мы переживаем период ревизии Плеханова...» / Публ. Т. И. Филимоновой // Исторический архив. – 2002. – № 2. – С. 61.

В фонде Ленинградского ОК ВКП (б) сохранились агентурные сообщения от 1 и 2 октября 1938 г. о работе Дома Плеханова и подготовке к публикации в журнале «Исторический архив» документов 1900 – 1904 гг. о переговорах о возможном сотрудничестве между членами редакции газеты «Искра» и П. Б. Струве.

Р.М.Плеханова, по сообщению агента, была обеспокоена, что после выхода в 1929 г. «Краткого курса истории ВКП (б)» «ситуация резко изменилась в худшую для Плеханова сторону, но что вместе с тем издевательски-насмешливый тон «Краткого курса» по отношению к Плеханову не может остаться не отмщенным, и она решила усилить борьбу, но, вместе с тем, усилить осторожность» // Бондаревская Т. П. Сазонова И. И. Материалы ЦГАИПД (СПб.) о Г. В.Плеханове. – III Плехановские чтения. – СПб, 1993. – С.22 – 23.

⁸¹ Эти названия носили нек оторые из ее статей. В тех случаях, когда бравшиеся за изложение теоретических взглядов Плеханова или интерпретацию его деятельности авторы проявляли полное незнание или непонимание предмета, Розалия Марковна могла позволить себе без излишних экивоков оценить уровень предпринятых ими «усилий». Так, одна из ее рецензий на материалы газеты «L'Humanité», выступившей с критикой позиции Плеханова в последние годы жизни, была озаглавлена «Monsieur Monatte et le cretinisme fractionnaire» («Господин Монат и фракционный кретинизм») (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 70).

Воспитать народ в уважении к соотечественникам и предшественникам, привить любовь к стране, помочь каждому человеку стать гражданином и патриотом, выработать сознание необходимости личного участия в общественной жизни с тем, чтобы постоянно изменять ее к лучшему, – вот та задача, которую ставила Розалия Марковна перед собой и Домом Плеханова. Издание сборников документов из архива Дома Плеханова, участие в этой деятельности друзей и соратников по революционной борьбе позволяло им – уже в новых исторических условиях, новыми средствами и во имя решения новых, гораздо более сложных, задач – продолжать начатую ими несколькими десятилетиями назад революционную работу. Публиковавшиеся материалы предоставляли широкому кругу читателей возможность понять и оценить благородство идей и целей, гуманистический смысл общественно-политической деятельности не одного Г. В. Плеханова, но всех тех, кто когда-то избрал для себя трудную судьбу революционера. Именно на этом поприще, по мнению Розалии Марковны, и следовало концентрировать усилия единомышленников. Следует признать, что Розалия Марковна не ошиблась в своих расчетах: все издававшиеся Домом Плеханова материалы очень скоро попадали в разряд библиографических раритетов, а читатели, служащие, студенты и рабочие, забрасывали издательства письмами с просьбой об их переиздании. Последнее положение не страдает преувеличением: в центральных газетах 1930-х годов эти письма-требования были отнюдь не единичными⁸².

Несмотря на то, что изменения, происходившие в мире под воздействием «вставшего на дыбы человечества», не раз заставляли Розалию Марковну размышлять о цене, которую платили люди за свое великое будущее,⁸³ ее мироощущение, по воспоминаниям коллег и друзей, было лишено пессимизма. В одном из писем 1936 года коллегам по Дому Плеханова Розалия Марковна писала: «Будем надеяться, что наступит новая эра – эра светлых, солнечных дней для всего человечества. Увы, я навряд ли доживу до этого, но вы все, все еще молодые, увидите грядущие светлые дни и сможете гордо, как и вся наша прекрасная родина, сказать себе: «Я там была, и моя маленькая лепта там имеется». Пока тяжело на душе от всего происходящего (имеется в виду гражданская война в Испании – Т. Ф.), и я стремлюсь всеми силами в страну свет-

82

83 Коц Е. С. Указ. соч. – С. 28.

лых надежд и сверхчеловеческих усилий к лучшему, прекрасному, я уверена, будущему»⁸⁴.

21 августа 1939 года Розалия Марковна выехала во Францию, чтобы провести отпуск в кругу семьи, еще не зная о том, что вернуться на родину она никогда более не сможет⁸⁵. Все последующие годы, включая период войны, она провела в семье дочери Лидии Георгиевны и ее мужа, известного врача-психиатра, Анри Ле Савуре⁸⁶.

По окончании войны начались хлопоты, связанные с возвращением Р. М. Плехановой на родину. 2 июня 1946 года она обращается в дирекцию ГПБ с просьбой привести в порядок Дом Плеханова, куда в октябре 1945 года из эвакуации были возвращены фонды⁸⁷. В ответном письме директор библиотеки

⁸⁴ Там же. – С. 31.

⁸⁵ Существует легенда об обстоятельствах отъезда Р. М. Плехановой из Советского Союза. Ею однажды поделился внук Г. В. Плеханова и Р. М. Плехановой Клод Эмиль Бато. По его словам, Розалия Марковна состояла в личной переписке с И. В. Сталиным, не всегда носившей лицеприятный характер. На правах старого товарища по партии Р. М. Плеханова позволяла себе прямо писать о том, что ей казалось неверным и требовало, как она считала, определенных изменений. На одно из таких писем достаточно долго не приходил ответ, одновременно по каким-то причинам оставался безответным ее запрос о выдаче визы для выезда во Францию. Последнее обстоятельство заставляло Плеханову нервничать, что видно из переписки того периода. Письмо от И. В. Сталина пришло неожиданно. В нем, по утверждению Клода Бато, содержались не только ответы на заданные вопросы, но и указывалась дата ее отъезда – 21 августа, – и название парохода («Сибирь»), на котором Розалии Марковне предстояло добраться до Гавра. Шесть дней спустя после прибытия Р. М. Плехановой во Францию началась Вторая мировая война.

О том, насколько эта история подлинна, судить пока трудно, поскольку писем И. В. Сталина в архиве Р. М. Плехановой не сохранилось. По словам Клода Бато, вскоре после смерти Иосифа Виссарионовича в 1953 г. его корреспонденция к Р. М. Плехановой при загадочных обстоятельствах исчезла из парижской квартиры, где хранился семейный архив Бато-Плехановых.

Несколько фактов обращают на себя внимание. Первый (и он документально подтверждается) состоит в том, что каждый раз, покидая Дом Плеханова, Розалия Марковна всегда увозила с собой наиболее ценную для нее часть личной переписки.

Известно, что частную корреспонденцию И. В. Сталин вел самостоятельно, обходясь без помощи секретарей, и потому можно принять утверждение К. Бато о том, что письма, о которых идет речь, если таковые существовали, действительно были написаны лично Иосифом Виссарионовичем.

Ситуация с ограблением квартиры Бато-Плехановых предстает одновременно и необычной, и, в определенной мере, достоверной, если принять во внимание, что единственной пропажей оказались письма Иосифа Виссарионовича...

Е. Г. Бато-Плеханова и ее муж Э. Бато обратились в полицию с заявлением о краже, но там отказались предпринять какие-либо меры по розыску преступников.

⁸⁶ Фрагмент воспоминаний Р. М. Плехановой о жизни в оккупированной Франции под названием «Я глубоко страдаю за французский народ» был опубликован Н. А. Санниковым в журнале «Исторический архив» (1988, № 2. С. 179 – 206).

⁸⁷ 6 июля 1941 г. СНК СССР принял решение об эвакуации в г. Мелекес наиболее ценной части книжных и архивных фондов ГПБ, в число которых были включены и материалы Дома Плеханова. В октябре 1945 г. сотрудники Дома начали работы по

Л. Л. Раков сообщал о восстановительных работах в Доме после блокады и о возобновлении издания «Литературного наследия Г. В. Плеханова»⁸⁸.

15 (н. ст.) мая 1946 года Розалии Марковне исполнилось 90 лет, и время, уходившее на необходимые формальности и ожидание известий из Ленинграда, тянулось для нее мучительно долго. В письме в Дом Плеханова от 26 мая 1947 г. она сообщала: «Давно не получаю никаких известий ни от Вас, ни от Евгении Эрастовны, ни от Елены Семеновны [сотрудницы Дома Плеханова – Т.Ф.] Я жду ответа [на вопрос о возможности вернуться в СССР – Т.Ф.], который, по уверению советского консула, будет, несомненно, положительным. [...]

Стремлюсь я к вам, мои дорогие, всей душой. «Дом Плеханова» мне чрезвычайно дорог. Как идет починка его и приведение его в порядок? Надо чтоб к моему приезду он был в полном порядке, чтоб стекла были вставлены, центральное отопление приведено в полный порядок. [Чтобы -Т. Ф.] кабинет Плеханова был приведен, если он не окончательно разрушен, в порядок, чтобы я могла в нем работать, не рискуя заболеть. Я теперь чувствую себя лучше, но силы прежние еще не вернулись». [...]

Р. [S.] Жду дальнейших листов библиографии [Г. В. Плеханова – Т. Ф.]⁸⁹.

Приняв решение о возвращении на родину, Розалия Марковна говорила дочерям, что ей нужно еще три года, только три года, чтобы выполнить задачу, которую она перед собой поставила... Этих лет ей судьба не отвела. По мнению Евгении Георгиевны, Розалия Марковна пережила душевную драму, когда поняла, что здоровье уже не позволит ей проделать путь домой⁹⁰. 30 августа 1949 года в 5. 30 вечера Р. М. Плехановой не стало. О последних месяцах ее жизни рассказала Л. Г. Савуре-Плеханова в письме к А. Л. Боришпольской, одному из близких друзей семьи и члену небольшого кружка, сложившегося вокруг Розалии Марковны за десять лет работы и жизни в Доме Плеханова:

резвакуации фондов: прием, расстановку и проверку документов (ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 3. Ед. хр. 594. Л. 3; Там же. Ед. хр. 1052. Л. 33). Уже в годовом отчете Дома Плеханова за 1945 г. указывалось, что подразделение перешло на обычный режим работы и приступило к обслуживанию читателей (Там же. Ед. хр. 1119. Л. 1 об.).

⁸⁸ РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 814; Там же. Ед. хр. 816.

⁸⁹ Розалия Марковна Плеханова – Т. З. Лукашевской. (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 1). Копия письма, заверенная печатью ГПБ и подписью секретаря дирекции ГПБ. Сохранены подчеркивания Р. М. Плехановой.

⁹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Дело 219. Л. 13.

«Долина волков
Шатене-Малабри
Сена
29 сент. [19]49

Дорогая Нюра,

Нужно ли Вам говорить о том, сколько я думаю о вас все это время? Я видела маму все более и более слабеющей, и, несмотря на это, она была преисполнена мыслью о возвращении на родину. Если бы была малейшая возможность выполнить это, мы бы это сделали. Но вот уже больше года она с трудом передвигалась. Со своей несокрушимой энергией она старалась ежедневно под руку с кем-нибудь обойти несколько раз свою комнату. Она мечтала вернуться в Ленинград самолетом, если бы путешествие по железной дороге оказалось для нее невозможным. Она боролась всеми силами с проявлениями старости, не допуская мысли, что может прекратить выполнение своего долга, и не считая, что наступил час отдыха. Я и Женья восхищались сосредоточенностью ее лица даже в самые последние дни, когда она читала и перечитывала работы нашего отца.

Дорогая Нюра, вряд ли Вы представляете себе, как она любила вас всех, думала о вас, как она хотела быть возле вас и разделять вашу жизнь. К счастью, мама не страдала. Она болела воспалением легких, и нам казалось, что ее состояние, благодаря применению пенициллина, должно было улучшиться. Однажды вечером она заснула и не проснулась.

Исполняя ее желание, мы кремировали ее, и останки будут отправлены в Ленинград для захоронения на Волковом кладбище⁹¹. Таким образом, она еще будет около вас. [...]

Нежно Вас обнимаю,

Лидия»⁹².

Исследователи творчества и биографы Г. В. Плеханова отмечают особую роль, которую Розалия Марковна сыграла в его судьбе. Однако в ее отношении к мужу никогда не было жертвенности. И не только потому, что ее вряд ли принял бы Георгий Валентинович. Как было показано выше, служение народу являлось для нее таким же нравственным императивом,

⁹¹ Захоронение урны с прахом Розалии Марковны в могилу Г. В. Плеханова состоялось 13 июня 1951 г. (РНБ АДПФ. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 995. Л. 1).

⁹² РНБ АДПФ. 1094. Оп. I. Ед. хр. 998. Л. 1 – 1об.

как и для Плеханова. Тот факт, что в самый тяжелый период для Плеханова – в годы становления группы «Освобождение труда» в качестве лидера российского революционного движения, времени формирования семьи и семейного уклада Плехановых – Розалия Марковна взяла на себя ответственность за решение проблем, связанных с официальным статусом семьи в Швейцарии, вопросов финансового характера⁹³, свидетельствует о том, что их супружеский союз скрепляла еще и идейная и духовная близость. Р. М. Плеханова оставила мужу тот вид деятельности, в котором, как она имела возможность убедиться, талант и способности помогали Георгию Валентиновичу реализоваться как личности, и приносили ощутимые результаты в общем для них деле. Участие в общественной жизни (в их случае им могла быть лишь революционная борьба) стало той сферой жизни, вне которой свою судьбу они не представляли. Подчеркнем: через «бунтарство», период юношеского максимализма проходят все или почти все. Но в революционной борьбе, в том смысле, в котором ее понимали и продолжают понимать лучшие, наиболее нравственно одухотворенные люди⁹⁴, остаются

⁹³ В 1889 г. Плеханов, обвиненный в связях с анархистами, был изгнан из Швейцарии и поселился недалеко от Женевы, во французской Савойе, в деревне Морнэ. Спустя четыре года, выступая в 1893 г. на Цюрихском международном конгрессе, Плеханов подверг критике французское правительство, обвинив его в пособничестве самодержавию, чем вызвал гонения со стороны французского правительства, а летом 1894 г. был выдворен из Франции. Местом нового изгнания стала Англия. Право на жительство в Швейцарии Плеханову было предоставлено в 1895 г., после неоднократных обращений Р. М. Плехановой в государственные органы страны и хлопот швейцарских политиков А. Патри и Л. Эритье. Запрет на въезд во Францию аннулировали 8 марта 1917 г. Уведомление о разрешении на въезд подписано Альбером Тома (РНБ АДП Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 33). Вопрос о возвращении Плеханова на родину рассматривало уже Временное правительство.

⁹⁴ В работе «К критике гегелевской философии права», написанной в 1844 г., отвечая на вопрос о возможности *революции* в Германии, способной поднять страну на *человеческую высоту*, К. Маркс написал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem* (применительно к данному лицу – ред.), а доказывает она *ad hominem*, когда становится радикальной. Быть радикальным – значит понять вещь в ее корне. Но корнем для человека является сам человек. Очевидным доказательством радикального характера немецкой теории, следовательно – ее практической энергии, служит то, что ее исходным пунктом было решительное, *положительное* упразднение религии. Критика религии завершается учением, что *человек – высшее существо для человека*, завершается, следовательно, *категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения*, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом, – те отношения, которые нельзя лучше охарактеризовать как возгласом одного француза по поводу проектировавшегося налога на собак: «Бедные собаки! С вами хотят поступить, как поступают с людьми!» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. С. 422; курсив К. Маркса).

немногие. К числу этих немногих принадлежали и Плехановы. Они не ставили перед собой задачу самостоятельного или в составе революционной партии «ниспровержения» существующих отношений, понимая, что решение такой задачи под силу «просвещенному разумом» человечеству. Однако способствовать «просветлению» и пробуждению сознания людей, тем самым «облегчая муки родов» новой жизни, они могли и достигли в этой области значительных успехов. Духовные устремления и гражданская позиция Плехановых, плодотворная профессиональная деятельность Розалии Марковны в качестве врача и Георгия Валентиновича как ученого, литератора и организатора, притягивали людей, занимавших близкие к ним позиции или стремившихся их идеи понять; и это способствовало объединению усилий в борьбе за осуществление благородных целей. В этой общей для них борьбе победы и достижения были для них также общими⁹⁵.

⁹⁵ В 1956 г. в Советском Союзе широко отмечалось 100-летие со дня рождения Г. В. Плеханова. В юбилейных мероприятиях, одно из которых состоялось 11 декабря в Колонном зале Дома Союзов в Москве, планировали принять участие Лидия Георгиевна и Евгений Георгиевна Плехановы. Однако, осуществить задуманную поездку сестры сумели лишь год спустя. В архиве Р. М. Плехановой сохранились черновики писем, отправленных Евгенией Георгиевной на имя посла Советского Союза во Франции и министра культуры СССР Н. А. Михайлова. В корреспонденции к министру Евгения Георгиевна писала:

«Многоуважаемый г. Министр культуры!

В начале июля я выразила Вам наше горячее желание, моей сестры Лидии Георгиевны и мое, присутствовать на чествовании памяти нашего отца, Георгия Валентиновича Плеханова, по случаю столетия со дня его рождения, и посетить могилу наших родителей. 14 октября мы получили ответ на нашу просьбу.

Мы Вам бесконечно благодарны за наше приглашение. К сожалению, в данный момент непредвиденные личные обстоятельства не дают нам возможности исполнить наше желание, и нам приходится отложить нашу поездку на некоторое время.

Мы просим Вас выразить всем тем, кто соберутся вокруг Вас, чтобы чествовать память и труды нашего отца, нашу признательность. Мысленно и всей душой мы будем с вами в эти декабрьские дни 1956 года. Многие из присутствующих не могут себе представить, при каких обстоятельствах этот огромный труд осуществлялся. Он требовал колоссальных знаний и очень большой сосредоточенности всех умственных способностей, а между тем, со всех сторон перед нашим отцом возникали препятствия.

Один или почти один в начале своей деятельности, не понятый окружающими, больной, приговоренный самыми видными врачами (он страдал тяжелой формой туберкулеза с частыми обострениями), нуждаясь часто в самом необходимом, он скитался из города в город, преследуемый царским правительством. Вот какова была его жизнь в течение многих лет.

«Как Фигаро, – говорил он, – мне не нужно больше ума и изворотливости, чтобы просто существовать, однако, сколько его нужно, чтобы управлять всей Испанией».

У него была несокрушимая вера в необходимость той задачи, которую он себе поставил.

При этом, глубокая любовь к своей стране и безраздельная преданность идее социализма. Этот огромный труд при слабом здоровье мог быть осуществлен исключительной организацией работы. Он заключил своего рода конкордат со своей болезнью. Вот эти тезисы:

Личная переписка Плехановых, насчитывающая сотни телеграмм, писем, открыток, дает немало подтверждений сказанному выше. В «репортажах» Георгия Валентиновича с международных конгрессов, конференций, съездов партий и совещаний домой упоминаются имена людей и описываются сюжеты, по поводу которых почти отсутствуют объяснения, что были бы необходимы человеку, не связанному с персонажами и далекому от обсуждаемых тем. Их корреспонденция оставляет впечатление продолжающегося разговора, и это объясняется тем, что, уезжая из семьи, они почти ежедневно писали друг другу. Безусловно, культура письменного общения была присутствующая значительному кругу людей того времени, однако, частота обмена посланиями, их характер и содержание свидетельствуют о внутренней потребности Плехановых к постоянному общению, неиссякаемому интересу и любви друг к другу⁹⁶.

от 39° до 40° температуры можно еще заниматься литературой и искусством, от 38° до 39° – вопросами экономическими, а ниже 38° – можно заниматься решительно всем».

Организация работы отца была возможна благодаря безграничной преданности нашей матери, Розалии Марковны, которая взяла на себя всю тяжесть материальной стороны жизни эмигрантов, не уверенных в завтрашнем дне. Она окружила отца самой нежной и предусмотрительной заботливостью, до того она сама была убеждена в важности и необходимости его работы. Благодаря нашей матери, Розалии Марковне, труд Георгия Валентиновича мог быть осуществлен. Он это знал и ценил, поэтому чествование памяти Георгия Валентиновича должно быть также чествованием памяти Розалии Марковны.

Вот, г. министр, то, что мы хотели сказать, и что мы просим Вас сказать от нашего имени. Выражая Вам нашу благодарность и наше сожаление, мы просим Вас, г. министр, принять уверения в нашем совершенном почтении. [Далее текст обрывается и на листе 4 следует приписка]: (Михайлову). [«Мы узнали из газет и журналов, с какой торжественностью этот юбилей был отмечен во всей стране наиболее видными представителями советской общественности, и мы выражаем всем в Вашем лице нашу глубокую признательность» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп 1 Ед хр. 967. Лл.1 – 2. 4).

⁹⁶ В ноябре 1894 г., получив известие о смерти Александра III, Георгий Валентинович написал Розалии Марковне: «Россия, разумеется, ничего не потеряла с его смертью, но... право жаль его жену, она, кажется, его любила и теперь переживает самое тяжелое горе, какое только случается испытать человеку в жизни. Когда сам горячо любишь, то сочувствуешь потерям любящих людей, кто бы ни были эти люди» (ISH. G.Plekhanov Archive. Box 1. 1 d).

Письмо от 01.02.1908 г., в котором Георгий Валентинович сетует на то, что Розалия Марковна откладывает свой приезд к нему [вероятно, в Италию, куда Плеханов был вынужден уезжать на зиму – Т.Ф.], заканчивается словами: «Помни, что каждый день твоего отсутствия заставляет меня страдать, вливает яд в мое сердце. [...]» Не делай так, чтобы все-таки вышло, что ты приедешь около 15» (Ibid. 1 L); годом позже, 08.02.1909 г., по тому же поводу: «...у меня без тебя и идей никаких нет, я почти не могу писать» (Ibid.).

Отвечая на одно из писем Георгия Валентиновича, в котором могли содержаться извинения по какому-то им обоим известному поводу, Розалия Марковна призналась:

Как ни покажется, быть может, кому-то удивительным, но и переписка родителей, Георгия Валентиновича и Розалии Марковны с дочерьми, Лидией Георгиевной и Евгенией Георгиевной⁹⁷, также наполнена обсуждением общих для всей

«Я достаточно знаю черты твоего характера: доброту, деликатность [...], а то, что я испытываю под влиянием твоей раздражительности, ... то я все-таки считала бы те страдания только каплей горечи в океане личного счастья, которое доставила и доставляет мне твоя любовь» (Ibid. Вох 1. 1. – подч. Р. М. Плехановой). Это соединившее их чувство Розалия Марковна бережно хранила до конца своих дней.

«Время любви тяжело, даже если несут его двое...

Нашу с тобою любовь нынче несусь я один.

Долю твою и свою берегу я ревниво и свято,

Но для кого и зачем, сам я понять не могу».

⁹⁷ Из четверых детей Р. М. Плехановой и Г. В. Плеханова в живых осталось двое: Лидия (1881 – 1978) и Евгения (1883 – 1964). Дочери Вера (1879 – 1880) и Маша (1889 – 1894) умерли в младенчестве и детском возрасте.

Не по годам развитая, живая и впечатлительная, в семье Машенька была всеобщей любимцей. Несмотря на возраст, каким-то образом она понимала, что отец болен и требует особой заботы и внимания. Проявление заботливости со стороны четырехлетнего ребенка казалось особенно трогательным посторонним людям, навещавшим Плехановых.

«Удивляюсь тому, какую нежную любовь это пятилетнее существо, наша незабвенная Машенька, питала к отцу.

Это было в начале 90-х гг. прошлого столетия. Георгий Валентинович был изгнан из Швейцарии и мог явиться только на несколько дней в семью, по специальному разрешению женевской полиции. Разрешение давалось на 3-4 дня, максимум – на неделю. Разрешения эти обыкновенно приносил наш друг L. Heritier [Луи Эритье (1863 – 1898) – швейцарский социал-демократ, автор работ по истории социалистического движения, депутат Женевского кантона, близкий друг семьи Плехановых – Т. Ф.]. Какое было счастье для малышки! «A tu apporte la carte pour papa?» Это были самые светлые дни в жизни этого ребенка. Она до того любила своего отца, что старалась не огорчать его во время их игр. Так, играя в *cache-cache* [прятки – Т. Ф.], он любил вызывать эти чувства детской отверженности и, ища ее, делал вид, что крайне огорчен, не находя ее: «Что с ней, с моей Машенькой? Она пропала, я ее не нахожу». Девочка не могла выдержать: «Не огорчайся, папа, я здесь», и наивно выдавала тайну своего местопребывания. Во время игры в дурачка, тот, кто проигрывает, получает щелчок по носу картой. Когда она выигрывала, она великодушно, из любви к отцу, говорила: «Нет, папа, это не я выиграла, а ты, дай мне щелчок по носу». Это было самоотвержение, готовность пострадать, лишь бы отец был счастлив, доволен. Я припоминаю, как был удивлен старый эмигрант Н. И. Жуковский живостью и заботливостью об отце пятилетней дочурки Георгия Валентиновича. Н. И. был у нас в гостях, он собирался уходить. Георгий Валентинович пошел проводить его в переднюю. Стоял дождливый вечер. Машенька побежала за отцом в переднюю и, думая, что он уходит с гостем, заботливо сказала: «Папа, не забудь, надень калоши, дождь идет, смотри, не простудись». Н. И. Жуковский был поражен: «Чья это девчурка?». – «Моя», – сказал с гордостью Георгий Валентинович: «Какой ты счастливец!», – воскликнул Николай Иванович».

Смерть Машеньки семья перенесла трагически. В декабре 1893 г. девочка заболела корью, но в начале 20-х чисел ее состояние постепенно улучшалось, и врачи заключили, что ребенок начал выздоравливать. Однако 24 декабря случилось непредвиденное: Машенька перенесла сильный эмоциональный срыв, связанный с тем, что прислуживавшая в доме женщина в присутствии ребенка стала разделять принесенного с базара кролика. Девочку долго не могли успокоить, а уже на следующий день она заболела вновь. Спустя некоторое время поставили диагноз: острый менингит. По мнению врачей, болезнь была спровоцирована испытанным ребенком моральным потрясением.

семьи общественных проблем, сообщениями о событиях, участниками которых были известные всей семье люди. Нередко, друзья и знакомые старшего и младшего поколений семьи Плехановых со временем становились общими друзьями. При этом дружеским и человеческим отношениям не препятствовали разницы в мировоззрении и убеждениях⁹⁸. Нет, дочери

Заболевание протекало стремительно, 31 декабря Машенька потеряла сознание, и 4 января 1894 г. ее не стало.

Розалия Марковна слегла. Потрясенный произошедшим, Г. В. Плеханов в письме к В. Либкнехту от 31 декабря писал: «Получил Ваше любезное письмо... Поздравляю с новым годом Вас, г-жу Либкнехт и всю вашу семью. Желаю вам счастья. Для меня это уже больше невозможно: моя младшая дочь умирает, безнадежна, ей осталось жить всего несколько дней. От этого можно с ума сойти...» (Литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 4. С. 269. См. также: РНБ АДП Ф. 1094. Оп. II. Ед. хр. 82. Л. 2, 3 – 3 об.).

В день похорон в квартиру Плехановых явились судебные приставы с тем, чтобы описать за долги мебель.

⁹⁸ Одним из близких друзей писателя и публициста Жоржа Эмиля Бато и его жены Евгении Георгиевны Бато-Плехановой был Борис Викторович Савинков – видный деятель партии социалистов-революционеров, один из создателей и руководитель боевой организации ПСР. В годы первой мировой войны в зарубежной печати неоднократно появлялись имена Э. Бато и Б. В. Савинкова в связи с попытками выявить организации и лиц, замешанных в деятельности в интересах Германии на территории сопредельных стран (Наше слово. 1916. № 208). Ранее в одной из публикаций уже приводился рассказ Клода Бато о попытке его родителей убедить Б. В. Савинкова отказаться от поездки в СССР, цель которой состояла в том, чтобы организовать борьбу за устранение Советской власти (см.: Исторический архив. 1998. №2).

Интересные воспоминания о личном знакомстве Б. В. Савинкова и Г. В. Плеханова в 1911 г. и последующей встрече в 1913 г. опубликовал в «Историко-революционном бюллетене» (1922; № 2 – 3) М. М. Чернавский. Они привлекают тем, что эти случайные в его жизни эпизоды оставили столь неизгладимый след в душе, что, описанные десять лет спустя, заставляют читателя пережить их не менее эмоционально.

Первая встреча произошла в начале 1911 г., в один из сложных для боевой группы дней. Незадолго до этого боевой организации удалось выявить в своих рядах провокатора, но результаты поиска, отнявшего несколько месяцев, оказались оплаченными слишком высокой ценой: один из членов покончил жизнь самоубийством, еще один пережил тяжелый нервный срыв, некоторые покинули группу добровольно, иные были исключены. Как пишет М. Чернавский, провокатор, отпущенный в Россию, как червь, источил группу изнутри. Ее участники, не сумевшие подобрать новых членов, решили собраться у Б. В. Савинкова, в то время жившего с семьей в местечке Теуль, недалеко от Канн (Франция), с тем, чтобы принять решение о роспуске группы.

«Вот в эти-то пасмурные дни, – момент точно не помню, – совершенно неожиданно приехал из Италии Г. В. Плеханов и потребовал конфиденциального разговора с Савинковым. Недоумение и сенсация! До тех пор они не были знакомы и, кажется, нигде не встречались. Оказалось следующее. Из очень солидного источника Георгию Валентиновичу доставили сообщение, что русское правительство производит энергичное давление на Париж, требуя ареста Савинкова, что будто бы французское правительство поддается давлению и на днях возможен обыск и арест.

По циркулировавшим в эмигрантских кругах слухах Плеханов уже знал о существовании группы и потому, придав сообщению серьезное значение. И вот этот давнишний противник террора, недолго думая, садится в поезд и едет во Францию предупредить Савинкова. Плеханов жил в то время в Сан-Ремо. До Теуля расстояние не особенно большое, но, все-таки, на поездку туда и обратно с пересадкой на границе в Вентимильи уходило, вероятно, (точно не помню) больше полусуток. Здоровье Георгия

были мало знакомы, если знакомы вообще, с перипетиями внутрипартийной борьбы русских социал-демократов и меж-

Валентиновича и тогда уже было плохо. Жена и дочь – обе врачи – держали его на санаторном режиме при устроенном ими в Сан-Ремо санатории для легочных больных. (По окончании разговора Плеханов предложил Савинкову отдать ему на сохранение все, что могло оказаться уликами против группы в случае обыска – Т. Ф.) [...]

Ничего радостного в сообщении Плеханова не было, и, тем не менее, его приезд, его забота о судьбе незнакомых ему людей, как будто разрядили немного то тяжелое, угрюмое настроение, которое создалось в Теуле до его приезда» (С. 22).

Некоторое время спустя М. Чернавский, по делам партии вновь встретился с Савинковыми, к тому времени уже поселившимися в Сан-Ремо, неподалеку от санатория Плехановых. Семьи часто обменивались визитами, «...однажды вечером Савинков собрался к Плеханову, предложил и мне пойти вместе с ним.

До той поры мне не приходилось вступать в непосредственные личные отношения с Плехановым. Я знал Плеханова как лидера русской соц.-демократической партии, как ученого, обладающего колоссальной эрудицией, глубокого знатока учения Карла Маркса, блестящего полемиста. Но ведь все такие общественно-политические этикетки скользят по поверхности, дают какие-то мраморно-холодные образы людей, не исчерпывают и, даже часто не затрагивают глубин живого человека. Я знал общественного деятеля, но не знал человека. Приезд в Теуль уже осветил, отчасти, его душу, а непосредственно личное общение дополнило и оживило мое представление об этом человеке, придало ему притягательную силу и какое-то особенное очарование.

Мы провели у Плеханова за чаем целый вечер. Разговор касался текущих тем, искали причин разгрома революции 1905 года, говорили о розни в революционной среде, о необходимости сближения русских революционных партий.

В течение этой беседы Плеханов успел проявиться во весь свой рост, обнаружилось, какой он живой, остроумный, увлекательный собеседник: его обширнейшая эрудиция, поразительная память, беспрецедентное умение распоряжаться своим умственным багажом, проявились здесь в полном блеске. Каждую свою мысль он мастерски иллюстрировал фактами, примерами: так и сыпал цитатами из разных авторов, или живыми, образными рассказами из своей богатой содержанием жизни, приводил изречения и мнения живых общественных деятелей. Засиделись до поздней ночи, жаль было отрываться от этой беседы».

На обратном пути, в ответ на шутовское замечание Б. Савинкова об излишней молчаливости, М. М. Чернавский не признался тогда, что весь вечер у него «в голове вертелся вопрос: какой магнит притягивает друг к другу этих двух совершенно непохожих людей. Что это герои из совершенно различных опер, – для меня было ясно, как день, несмотря на некоторые черты сходства между ними: оба революционеры, талантливые люди с большим характером, В тоже время я не сумел бы словесно формулировать, в чем состоит это несходство. Принадлежность к разным партиям не имеет ни малейшего значения. Можно набрать из различных партий сколько угодно людей, похожих друг на друга, как два новеньких пятиалтынных. В тот вечер у меня мелькало только одно объяснение этого сближения: по-видимому, и тому, и другому было приятно перешагнуть через междупартийные перегородки, подышать внепартийным воздухом, для обоих их отношения были отдыхом от партийности. Быть может, я ошибаюсь, но и по сей день не могу придумать лучшего объяснения» (С.23-25).

После первой встречи Г. В. Плеханова с Б. В. Савинковым в Теуль стали по очереди навещаться Л. Г. Плеханова и Р. М. Плеханова. Их приезды во Францию были связаны с тем, что в семье Бориса Викторовича жила член боевой организации партии эсеров М. А. Прокофьева, страдавшая тяжелой формой туберкулеза. Как пишет М. Чернавский, «все интересы в семье Савинковых сосредоточились на борьбе за жизнь Марии Алексеевны». Плехановым удалось установить доброжелательные с ней отношения и вселить веру в возможность улучшений и желание победить недуг; этим и был вызван переезд Савинковых в Сан-Ремо.

И партийных идейных (и не всегда идейных) схваток⁹⁹. Однако, их активное содействие в организации помощи русским политэмигрантам в поисках работы, лечении, устройстве на учебу, сбор средств на осуществление издательских планов, помощи, в том числе и юридической, русским волонтерам, воевавшим на фронтах Первой мировой войны, личное участие во Французском сопротивлении и деятельности Дома Плеханова, наличие друзей в среде русских политических эмигрантов, как и многое другое, не оставляют сомнений в том, что идейные ценности родителей были восприняты детьми, а духовное родство в не меньшей степени, чем Плехановым-старшим, было свойственно дочерям. Одновременно всех их связывали, помимо глубокого уважения, любовь и необыкновенная нежность друг к другу, в которых, в тех случаях, когда считали это необходимым и возможным, они не стеснялись признаться.

Немало страниц в воспоминаниях Розалии Марковны посвящено отношениям с друзьями и близкими, среди которых были русские, и не только политические, эмигранты¹⁰⁰, видные

⁹⁹ Р. М. Плеханова описывает случай, когда, приехав в Женеву, она обратилась к семье М. П. Драгоманова с просьбой проводить ее к Георгию Валентиновичу, незадолго до этого поменявшему квартиру. Быть проводником вызвалась двенадцатилетняя дочь Драгомановых Лида, и за полчаса, что они находились в дороге, девочка выложила Розалии Марковне все эмигрантские новости, ссоры, сплетни и слухи. История настолько потрясла Плехановых, что они решили, что их дети, если им суждено родиться в эмиграции, будут ограждены от этой стороны жизни. И, судя по воспоминаниям друзей Плехановых и биографов Георгия Валентиновича, сделать это им удалось (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Лл. 233 – 234). Существует несколько интересных воспоминаний о жизни русской колонии в Швейцарии. См., например, Иков В. К. Листопад // Вопросы истории. – 1995. – № 8 – 10; Хородчинская И. Воспоминания о Г. В. Плеханове // Каторга и ссылка. – 1930. – № 2 -С. 159 – 168).

¹⁰⁰ По совету родных Розы Люксембург в 1891 – 1893 гг. няней детей Плехановых была Любовь Исааковна Аксельрод (1868 – 1946), ставшая впоследствии одним из самых близких друзей семьи. В 1893 г. она поступила в университет, но ее связь с Плехановыми никогда не прерывалась. Выпускница философского факультета Бернского университета, ученица Георгия Валентиновича, известный философ-теоретик, литератор и публицист, активная участница российского социал-демократического движения, преподаватель Коммунистической академии, Л. И. Аксельрод в течение многих лет сотрудничала с Домом Плеханова. В тридцатые годы она неоднократно подвергалась критике за «недостаточно критическое отношение к ошибкам Плеханова». Ее перу принадлежат воспоминания о Георгии Валентиновиче. В Доме Плеханова сохранилась обширная переписка Л. И. Аксельрод с Г. В. Плехановым и Р. М. Плехановой. См. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания. – Л., 1925.

Л. И. Аксельрод, увлеченная художественной и философской литературой, относилась к своим обязанностям няни, как вспоминает Розалия Марковна, без интереса. Она приводит несколько забавных эпизодов, относящихся ко времени, когда Любовь Исааковна жила в их семье «в няньках».

Однажды Р. М. Плеханова отправила детей, 10-летнюю Лиду, 8-летнюю Женю и 2-летнюю Машеньку вместе с Любовью Исааковной в Морнэ. Как-то старшие девочки, устав от замечаний Любви Исааковны, решили бежать, прихватив с собой

представители науки, культуры, государственные и общественные деятели стран Западной Европы¹⁰¹. Особое место отведено рассказам о семейном укладе и взаимоотношениях между членами семьи, вопросам воспитания детей и их судьбам.

Розалия Марковна вспоминала о том, что по мере взросления дочерей ей и Георгию Валентиновичу приходилось задумываться и неоднократно обсуждать вопрос о будущем девочек и тех профессиях, которым они могли бы себя посвятить.

Одно время Георгий Валентинович серьезно размышлял над тем, чтобы воспитать из дочерей сознательных работниц и обучить их какому-нибудь ремеслу. Ему казалось, что выбранный ими для детей путь – получение светского, как они его называли, а не ремесленного образования – ложен, поскольку, в дальнейшем, такое образование не позволит им жить в рабочей среде и заниматься просветительской и революционной работой так, как это делали они с друзьями, находясь в России. Он напоминал Розалии Марковне о переживаниях, через которые им обоим в свое время пришлось пройти для того, чтобы решить этот непростой для людей их круга и образа мыслей вопрос.

Однако, по мнению Розалии Марковны, действительность, в которой жила семья, диктовала иные, отличные от российских, условия воспитания; и именно эти обстоятельства «места и времени» и должны были определить тот путь, по которому пойдут их

Машеньку. Хватились детей не сразу, и лишь несколько часов спустя их нашел А. М. Воден (русский литератор-философ и переводчик, 1870 – 1939).

В другой раз, четырехлетняя Машенька убежала с прогулки в Университетском саду домой, за креслицем. Ей удалось миновать площадь, где проходили трамвайные пути, и несколько шумных улиц, прежде чем ее случайно успела заметить Розалия Марковна. Когда она привела малышку в сад, то застала Любовь Исааковну, так и не заметившую исчезновения ребенка, за оживленной беседой все с тем же А. М. Воденом (РНБ АДП Ф. 1094, Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1-3).

¹⁰¹ В Доме Плеханова хранятся переписка и материалы В. Адлера, А. Бебеля, Г. Бакалова, Э. Бернштейна, Д. Благоева, Э. Вайяна, Э. Вандервельда, Ц. Войнаровской, Ж. Гада, Ш. Дюма, К. Каутского, В. Либкнехта, Ш. Лонге, Э. Маркс-Эвелинг, Ф. Меринга, Д. Макдональда, Э. Эвелинга, Ф. Энгельса, Л. Эритье и др., в которых нашли свое отражение самые драматичные моменты эпохи.

Фрагменты воспоминаний об интересных встречах, дружеских отношениях с видными представителями русской и зарубежной культуры, общественно-политическими деятелями были впоследствии опубликованы. См., например, Р. М. Плеханова. Первое наше знакомство с Жюлем Гедом (Заря. 1923. № 6 – 7. С. 169 – 173); Она же. Воспоминания о А. Н. Скрябине (Александр Николаевич Скрябин. 1915 – 1940: Сб. к 25-летию со дня смерти. М, 1940, – С. 65 – 75); Р. М. Плеханова Встречи с Энгельсом / Публ. И. Н. Курбатовой // Литературная газета. – 1959. – 11 дек.; Р. М. Плеханова. Воспоминания о жизни Г. В. Плеханова в Париже / Публ. И. Н. Курбатовой // Новая и новейшая история. – 1981. – № 6. – С. 132 – 143

дочери. Никто не мог сказать, насколько вообще вероятным было возвращение на родину: собираясь в эмиграцию, Плехановы планировали оставаться в Западной Европе не более трех-четырёх месяцев, в крайнем случае, двух-трех лет. К моменту перехода детей в гимназию – времени, когда перед ними и родителями встала практическая задача выбора, еще не профессии, конечно, но сферы приложения интеллектуальных и духовных интересов, семья находилась в Швейцарии уже более пятнадцати лет. Дети родились и выросли в стране, культура и традиции которой являлись для них естественной средой обитания, их становление в качестве личностей проходило под мощным влиянием родителей, да и круг общения в значительной степени формировался под культурным, идейным и духовным воздействием окружения семьи. Поэтому, единственная помощь, которую действительно могли оказать дочерям Плехановы, состояла в том, чтобы помочь девочкам выявить и развить их способности, стремления и наклонности.

Социально-политическое устройство практически всех западноевропейских стран, – и Швейцария не составляла в данном случае исключения, – не требовало от общественных деятелей того самопожертвования и самоотречения, на которые должны были подвигнуть себя революционеры, работавшие в России. Напротив, только широкое и, по возможности, фундаментальное образование могло оказаться полезным для дочерей Плехановых в том случае, если бы они, как и их родители, захотели включиться в политическую жизнь общества¹⁰².

Еще одной серьезной проблемой, обусловленной жизнью семьи в Швейцарии, стал вопрос о религиозном воспитании детей: в стране действовали воскресные школы, где учащиеся изучали историю христианства и Библию с точки зрения протестантизма. С предложением отправить детей в одну из таких школ ее организаторы обращались к Плехановым неоднократно, подчеркивая при этом светский, просветительский, а не религиозный характер обучения детей: их не учили Закону божьему, учащиеся школы не принимали участия и не присутствовали на богослужениях.

И Георгий Валентинович, и Розалия Марковна были атеистами¹⁰³, поэтому и дети воспитывались вне религиозных табу

¹⁰² РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. С. 232 – 235.

¹⁰³ Современники Г. В. Плеханова нередко писали об отвращении, которое он питал к религии. В письме к А. И. Любимову от 31.05.1918 г., содержащем сообщение о смерти Георгия Валентиновича, Розалия Марковна просила позаботиться о помещении, где можно было поместить гроб для проведения гражданской панихиды, и заключала: «...только не в церкви» (Исторический архив. 1998. № 3. С. 143).

и положений о неотвратимости божьих наказаний. Наиболее рациональным родители находили метод морального воздействия на детей, стараясь на собственном примере заботливого и ровного отношения друг к другу и окружающим, воспитать в дочерях те же качества¹⁰⁴. Плехановым предстояло принять непростое решение, ибо согласие на посещение детьми занятий или отказ от них имели принципиальное значение как для судеб дочерей, так и для их собственного положения в кругу эмиграции и друзей по политической борьбе.

Обсудив вопрос и тщательно взвесив возможные последствия отказа, и меры, которые вполне могли быть предприняты в отношении детей, Плехановы «решили, что изучение нашими детьми Библии и Евангелия будет полезно и входит в обязанность образованного человека. Это [означает – Т. Ф.] знать историю человечества. Георгий Валентинович прекрасно изучил эти священные книги и часто в своих литературных трудах любил привести ту или другую цитату из Библии или Евангелия, а религиозным от этого знания не сделался. То же будет и с нашими детьми. Старшей, Лидии, было лет двенадцать, а младшей – десять. Дети начали посещать воскресную школу. Так как они обе любили учиться, то они скоро овладели предметом религиозного преподавания и, о, ужас!, получили в конце года награды [нрзб., – Т. Ф.] в виде интересных книг: «Хижина дяди Тома» и «Тысяча и одна ночь». Об этом появилось [сообщение – Т. Ф.] в газетах. Наши друзья, швейцарские социалисты, были очень огорчены тем обстоятельством, что дети Плеханова получили награды за свои успехи по религиозным вопросам в воскресной школе. В особенности был огорчен, я помню, наш друг Louis Heritier, основатель социал-демократической партии в Женеве.

Мы не огорчались этим, старались выяснить нашим друзьям, что мы смотрим на изучение Библии и Евангелия как на необходимое пополнение в их среднем образовании, и что

¹⁰⁴ «Я думаю, что будет уместно, говоря о родительских чувствах и об отношении нашем к воспитанию наших детей, сказать несколько слов об отношении и Георгия Валентиновича к детям вообще и к своим, в особенности.

Я поражалась любовью и нежностью его к детям вообще и к своим в особенности. Но это была нежность не сентиментальная, а полная знаний детской психологии, умения читать в их детских душах, умения побуждать к деятельности их детский ум. Дети им быстро заинтересовывались, окружали его. Он умел играть с ними в cache-cache, в жмурки, в дурачка, он был мастер на вырезывание им из бумаги животных, и у детей накоплялись целые зверинцы, которые они тщательно хранили. Такой зверинец собрала девочка нашей Philomene [домработница Плехановых, которая жила в их семье более тридцати лет – Т.Ф.], Ольга [...]. Девочку Ольгу мы взяли к себе на воспитание, когда мать ее оказалась вдовой после трагической смерти мужа» РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 233).

от этого наши дочери в умственном и нравственном отношении не проиграют, а только выиграют»¹⁰⁵.

По окончании медицинского факультета Женевского университета Лидия Георгиевна получила диплом врача-невропатолога и занималась практикой в Швейцарии, Италии и Франции. Уже став врачом, поступила и успешно закончила Женевскую консерваторию, где обучалась художественному чтению. Несмотря на то, что преподаватели прочили ей блестящую артистическую карьеру, медицину она не оставила. Зато семейные праздники и встречи с друзьями благодаря таланту Лидии Георгиевны, нередко превращались в настоящие театральные представления. Собравшиеся имели возможность оценить ее мастерство чтеца, пение Евгении Георгиевны, виртуозные фокусы мужа Лидии Георгиевны Анри ле Савуре, искусством которого впоследствии увлекся ее племянник Клод¹⁰⁶. Выйдя замуж, Лидия Георгиевна окончательно поселилась во Франции. Супруги приобрели в собственность Валлео-Лу¹⁰⁷ и организовали в нем санаторий, услугами которого пользовались артисты и интеллектуалы. Большой поклонник Шатобриана, Анри Ле Савуре основал общество его имени и был избран президентом.

Евгения Георгиевна, получившая блестящее гуманитарное образование, после окончания Женевского университета продолжила учебу в Институте восточных языков и стала филологом-русистом. С пятнадцати лет она, обладавшая красивым меццо-сопрано, занималась вокалом сначала в Женевской консерватории, а затем – в Милане.

Так же, как Розалия Марковна и Лидия Георгиевна, Евгения Георгиевна часто исполняла секретарские обязанности, записывая под диктовку, переписывая и копируя рукописи Георгия Валентиновича, вела его переписку. В архиве Плеханова хранятся сотни листов с записями, выполненными ее рукой. Евгения Георгиевна – автор переводов трудов Г. В. Плеханова на французский язык и статьи, помещенной в «Encyclopedie

¹⁰⁵ Р. М. Плеханова. Воспоминания (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 232).

¹⁰⁶ Об одном из таких праздников сообщала в своем письме к Розалии Марковне дочь бывшего редактора «Современная жизнь» О. В. Кожевникова, встречавшая Новый год в доме ее дочерей (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. II. Ед. хр. 216. Л. 1-5).

¹⁰⁷ «Долина волков» – название дома в Шатене-Малабри, некогда принадлежавшего семье Франсуа Рене Шатобриана, французского мыслителя, писателя, политического деятеля и дипломата (1768 – 1848). После смерти Шатобриана у поместья несколько раз менялись владельцы, некоторое время им владела семья Ле Савуре. По завещанию Л. Г. Ле Савуре-Плехановой, после ее смерти здание и парк были переданы Институту Пастера.

Britannica»; статьи Г. В. Плеханова «О войне», получившей большую известность в годы Первой мировой войны и «Введения» в «Историю русской общественной мысли»; в соответствии с планом, выработанным ею совместно с Ж. Гедом, в течение нескольких лет занималась переводом философских работ Георгия Валентиновича, которые планировались к публикации на французском языке отдельным многотомным изданием. Евгения Георгиевна внимательно следила за публикациями произведений Плеханова на Западе, постоянно пополняя библиографию его трудов. – «Плехановиану», – которая ведется в Доме Плеханова с момента его организации. После смерти матери Евгения Георгиевна продолжила работу по пополнению архива Георгия Валентиновича, помощи в печатании его трудов и работ о нем¹⁰⁸.

В 1912 году Евгения Георгиевна вышла замуж за Жоржа Эмиля Бато, сына известного кардиолога Эмиля Бато и Марии Зарудницкой, соученицы Розалии Марковны по Женской врачебной школе в Петербурге. С будущим мужем Е. Г. Плеханова познакомилась во время учебы в Женевском университете.

Вскоре после свадьбы семья Бато, включая Евгению Георгиевну и Жоржа, покинула Женеву и обосновалась в Париже. Бато-старшие поселились в частном особняке, расположенном в сквере на проспекте, ведущем к Булонскому лесу, а молодые – в доме номер 17 по улице Марбо, где 2 января 1918 г. появился на свет единственный в семье ребенок, названный в честь обоих дедов Клодом Эмилем Жоржем¹⁰⁹.

Супружеская жизнь Евгении Георгиевны и Жоржа складывалась не очень счастливо. Как вспоминает Клод, его родители,

¹⁰⁸ Помимо документов Е. Г. Бато-Плехановой, отложившихся в архиве Р. М. Плехановой, в 2001 г. вместе с материалами известного американского историка-слависта С. Х. Бэрона, переданными им в дар Дому Плеханова, поступили письма Евгении Георгиевны, полученные им во время работы над биографией Г. В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1452. Ед. хр. 96 – 117).

¹⁰⁹ По окончании Эколь де Рош Клод Бато продолжил учебу в Лицее Кондорсе, где на отделении дипломатии изучал политические науки; впоследствии получил филологическое образование по специальности «английский язык и литература».

В сентябре 1939 г. Клода мобилизовали для прохождения обучения в школе по подготовке офицеров запаса сначала в Лавале (Майен), а затем в Сен-Сире, по окончании которой он получил статус вольноопределяющегося. Для прохождения службы он выбрал часть альпийских стрелков 22-ой ВСА, базировавшейся в горах над Ниццей, на границе с Италией. С началом военной кампании оказался на фронте и участвовал в боях против немцев и итальянцев, старавшихся, как он пишет, «вонзить нам нож в спину после катастрофы под Дюнкерком» (Бато К. Воспоминание о французской ветви семьи Бато-Плехановых // К 75-летию Дома Плеханова. – С. 105).

высокообразованные и умные люди, не приходили к согласию ни в чем, кроме искусства и литературы: оба были страстными поклонниками греческой и итальянской культур¹¹⁰.

Однако все разногласия в семье отошли на второй план и оказались несущественными перед лицом событий, последовавших за 14 июня 1940 года – днем, когда немецкие войска вступили в Париж.

Развязанная фашистской Германией и ее союзниками война и оккупация Польши привели к тому, что Франция, связанная с Польшей союзническими отношениями, вынуждена была объявить войну Германии. Эта мера со стороны Франции в действительности носила вынужденный – демонстрационный – характер, поскольку, как показали дальнейшие события, правительство Даладье не собиралось исполнять взятых на себя обязательств, полагая, что выведенные на «линию Мажино» французские войска смогут оказать отрезвляющий эффект на немцев и заставят ограничиться интересами, которые они и их сателлиты преследовали на Востоке¹¹¹.

Однако нападение Германии на Нидерланды и Бельгию 10 мая 1940 года, и последующая капитуляция этих стран 14 мая

¹¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹¹ В воспоминаниях Р. М. Плехановой, посвященных годам оккупации Франции, содержится немало интересных – впоследствии исторически подтвержденных – замечаний и догадок относительно событий, свидетелем которых она стала. К этим выводам она могла подойти только эмпирическим путем, читая прессу, слушая радио, пользуясь сообщениями родных... Каким независимым умом и способностью к анализу нужно было обладать, чтобы суметь отделить зерна от плевел в том мощном потоке дезинформации, который обрушился на людей после начала войны... А ведь в 1939 г. Розалии Марковне шел 84-й год.

Первые сообщения о подписанном Германией и Советским союзом пакте о ненападении привели ее в состояние шока, и, как многие другие, в своих оценках она руководствовалась эмоциями; однако уже некоторое время спустя в ее записях мы находим: «Перемену ориентации [С]ССР я объясняла себе так; Балтийское море и свобода плавания по нем[у] – является жизненной потребностью страны. Решение забрать Польшу было бы молниеносно приведено в исполнение при содействии балтийских маленьких государств и даже крупных (Норвегии и Швеции), если бы Россия не ответила положительно на предложение Германии. Если бы С[оветская] Р[еспублика] не сделала этого [...] шага, то Германия с помощью балтийских стран в течение 5 – 6 дней оказалась бы, овладев Польшей, у ворот России. Петербургу грозила смертельная опасность со стороны немцев, подкрепленных помощью балтийских государств. Поддержка войны на Западе, когда на Востоке с Японией происходили еще кровавые стычки, закончилась бы, если не гибелью, то, во всяком случае, многими бедствиями. [С]ССР не был готов к войне на двух фронтах и он выбрал спасти страну от большого риска и опасности, сделать шаг, вопреки желаниям и симпатиям русского народа.

[...] «Мюнхен был большой ошибкой со стороны Франции и Англии, которые проявили наивное доверие к заверениям Германии, забыв, что это – не Германия Бебеля, Либкнехта, Зингера и Энгельса, а Германия «вождя» и его своры, которой ничего не свято» (Плеханова Р. М. Я глубоко страдаю за французский народ // Исторический архив. № 2 – 1998. – С. 196; выд. – Т.Ф.; См. также; РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 26. Лл. 1 – 137).

и 28 мая выявили всю несостоятельность расчетов правительств Великобритании и Франции. Сокрушительное поражение в ходе дюнкеркской операции (26 мая – 4 июня 1940 г.), цель которой состояла в эвакуации английского экспедиционного корпуса и подразделения французской армии, расположенных близ Дюнкерка на британские острова, не оставляли сомнений в том, что о реальных планах гитлеровской Германии не имела представлений ни одна из этих стран. В результате несогласованных действий 42 английских, французских и бельгийских дивизии были окружены фашистскими войсками. В ходе операции по спасению удалось вывести около 340 тысяч человек; Франция и Великобритания потеряли значительное количество морских судов и самолетов.

14 июня 1940 года, десять дней спустя после завершения Дюнкеркской операции, немецкие войска без боя вошли в Париж, устроив в столице торжественный парад. То был демарш и реванш победителей, чей флаг со свастикой стал развеиваться над знаменитым Ке д'Орсе, а в Доме Инвалидов, на территории которого установлена усыпальница Наполеона Бонапарта, расположился штаб оккупационных сил.

16 июня государственная власть во Франции перешла к маршалу А. Петену, заключившему 22 июня перемирие с Германией, а еще два дня спустя – с Италией.

Свою подпись под соглашением с Германией о прекращении военных действий, вошедшего в историю под названием Компьенского перемирия 1940 года, маршал А. Петен поставил в Компьенском лесу. Место для заключения перемирия было выбрано Германией далеко не случайно: ирония судьбы состояла в том, что именно здесь в ноябре 1918 года было подписано Компьенское перемирие, ставшее актом капитуляции Германии и символом победы стран Антанты и США над Тройственным союзом в Первой мировой войне. Условия Компьенского перемирия 1918 года легли в основу Версальского договора (1919 г.).

По условиям второго Компьенского соглашения Германия получила право на оккупацию 2/3 территории страны и, помимо прочих уступок, Франция дала согласие на оплату содержания оккупационной армии.

Маршал Петен не скрывал своих политических симпатий и намерений сотрудничать с Германией: 3 июля 1940 года французские части нанесли бомбовый удар по английской базе в Гибралтаре, что привело к разрыву дипломатических отношений

между странами-союзниками. С этого момента официальная Франция в лице ее правительства из побежденного и нейтрального государства превратилась в активного пособника Германии в борьбе сначала против Англии, а затем и всей антигитлеровской коалиции.

Однако, почти с первых дней оккупации в стране стало формироваться Движение сопротивления, сначала получившее название «Свободная Франция», а затем – «Сражающаяся Франция». Практически во всех департаментах начинали действовать партизанские отряды, боевые группы и патриотические организации, налаживался выпуск подпольных газет. В сентябре 1941 года был образован Французский национальный комитет, во главе которого встал генерал Шарль де Голль¹¹².

О глубине национального оскорбления, чувства протеста и стыда французов можно судить хотя бы по тому, как семья, члены которой всегда придерживались диаметрально противоположных политических взглядов, – Плехановы и Анри Ле Савуре были социалистами, в то время как Жорж Бато и его родители принадлежали к националистической партии «Action française», – объединилась, чтобы не только разоблачить «перемирие», но и начать вооруженную борьбу против оккупантов и коллаборационистов¹¹³.

Жорж Бато явился одним из организаторов движения Сопротивления, действовавшего на юге. «Национальной ассоциации бойцов Сопротивления», – такое название получила группа, – удалось вступить в контакт с рядом известных лиц, таких как генералы Бертен и Вотрен, полковник Тьерри и др.; членами группы стали в будущем видные государственные деятели Франции, среди которых был, например, Жак Бомель. Бойцам ассоциации удалось наладить выпуск нескольких подпольных газет: «Les Petites Ailes» («Крылышки»), впоследствии переименованную в «Liberte», и «Combat» – «Борьба», редактирование которых было возложено на Ж. Бато и К. Бурде.

¹¹² Символично, что уже два дня спустя, 26 сентября 1941 г., Советский Союз, переживавший один из самых трагических периодов Великой отечественной войны, расценил это событие как явление международного значения и акт поддержки и солидарности. СССР первым официально признал Ш. де Голля в качестве «руководителя всех свободных французов» (Смирнов В. П. Движение сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974.)

¹¹³ Некоторое время после подписания соглашения многие французы рассматривали его как политическую уловку, полагая, что правительство ведет с немцами двойную игру, одновременно стараясь организовать эффективное противодействие оккупантам. Как вспоминает К. Бато, в газетах, редактировавшихся его отцом, выражалась надежда именно на это. Однако иллюзии рассеивались по мере того, как факт пособничества становился все более очевидным. К. Бато пишет, что при мысли о совершенном Францией предательстве его до сих пор охватывает чувство стыда (Бато К. Указ. соч. С. 106)

Анри и Лидия Георгиевна Ле Савуре, сохранив Валле-о-Лу как лечебницу для нервных больных, превратили его в один из центров Сопротивления, и бывшее жилище Шатобриана в годы фашистской оккупации стало опорным пунктом сети, по которой осуществлялась переброска французских летчиков в союзные армии. Этот центр, в буквальном смысле расположенный под самым носом у гитлеровцев – немецкие солдаты пользовались парком санатория для прогулок, – удалось сохранить нераскрытым до конца войны¹¹⁴.

В 1940 году к движению Сопротивления присоединился 22-летний Клод Бато и оставался в его рядах до конца войны. Нужно сказать, что некоторые из его соратников по борьбе, например, Жак Бомель, и по окончании войны оставались близкими друзьями и единомышленниками. В один из дней оккупации Клод попал в облаву и в течение нескольких часов удерживался в крытом грузовике. Неизвестно, чем бы закончился для него арест, если бы не его находчивость и счастливая случайность. Обратив внимание на то, что охранявший его солдат методично совершает обход машины, не меняя при этом ни направления, ни шага, Клод решил попытаться бежать и, незаметно выскользнув из фургона, скрылся среди домов одной из прилегающих улиц.

В октябре 1945 года он был принят на службу в Министерство иностранных дел Франции в качестве атташе посольства и оставался на дипломатической работе – за исключением нескольких лет работы в правительственных органах – вплоть до выхода на пенсию в 1983 году.

В 1945 – 1946 годах, работая в Комиссариате по делам немецких и австрийских граждан, К. Бато занимался вопросами репатриации. Эта послевоенная проблема носила весьма острый характер, поскольку затрагивала не только уровень межгосударственных отношений, но и напрямую касалась настоящего и будущего конкретных людей, чьими судьбами когда-то помимо их воли распорядилась война. По рассказам Клода, познакомившись с жизнью бывших военнопленных и интернированных, он предложил решение, ставшее самым простым в данной ситуации, и, добавим, одновременно, самым человечным. Оказалось, что некоторые, если не многие, из оказавшихся на чужбине людей, успели обзавестись семьями, за шесть лет войны смогли пережить выпавшие на их долю трудности и беды и пустить, пусть еще слабые, корни. Эти об-

¹¹⁴ Р. М. Плеханова. Воспоминания (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 33 – 37).

стоятельства были учтены, и всем находившимся на территории Франции иностранцам, как и оказавшимся в аналогичной ситуации на территории других государств французам, правительство предоставило возможность выбора: им самим предстояло решить вопрос о том, где они хотят жить и гражданами какого государства желают стать... Излишне уточнять, что это решение не касалось военных преступников и лиц, сотрудничавших с гитлеровцами.

Более десяти лет дипломатической службы Клода были связаны с Организацией объединенных наций: он возглавлял французскую делегацию на Ассамблеях ООН, руководил миссиями в отдельных учреждениях этого международного органа; работал выездным посланником при Управлении Организации объединенных наций... В разные годы К. Бато исполнял обязанности второго и первого секретарей французских посольств в Ираке и Португалии; руководил Генеральными консульствами Франции в Денвере и Сан-Франциско; являлся Полномочным послом Французской республики в Италии; занимал должности в Управлении по делам экономики и финансов, Генеральном секретариате национальной безопасности; руководил Службой информации МИДа; был техническим советником в составе кабинета Жака Бомеля – государственного секретаря в Министерстве общественных отношений, а затем – в составе кабинета премьер-министра Жака Шабан-Дельма; незадолго до выхода на пенсию был назначен советником министра по охране окружающей среды.

К. Бато – кавалер Ордена Почетного легиона, Командор государственного ордена за заслуги, награжден военным крестом за участие в войне 1939 – 1945 годов, имеет награды участника движения Сопротивления; помимо французских, отмечен государственными знаками отличия Португалии и Нидерландов.

Семейная жизнь Клода не во всем складывалась удачно. В мае 1954 года состоялась его свадьба с дочерью американского дипломата Деборой Мартин. Брак оказался счастливым и подарил супругам троих детей: дочь Сильви родилась в мае 1955 года; сыновья Жан-Клод и Филипп – также, в мае, в 1958 и 1965 годах. В архиве семьи, помимо множества любительских снимков, сохранились газетные вырезки со статьями и фотографиями, когда-то печатавшимися в американских и итальянских изданиях, в которых отразилась разнообразная деятельность французской миссии в Денвере, Сан-Франциско, Риме: официальные приемы и светские рауты; встречи

с представителями общественных объединений и организаций культуры; спортивные состязания и загородные прогулки... На многих снимках запечатлена Дебора Бато – красивая, уверенная в себе и всегда счастливая; газетчики писали о ней с симпатией и уважением... В середине семидесятых годов у Деборы начали проявляться признаки серьезного заболевания, и в августе 1980 года ее не стало. По воспоминаниям Клода, она была мужественной и сильной натурой: за месяц до кончины, будучи тяжело больной, в качестве жены посланника Дебора организовала большой прием по случаю Национального праздника Франции – Дня взятия Бастилии. Глядя на нее тогда, мало кто из присутствовавших гостей мог предположить, что дни этой женщины сочтены.

В декабре 1985 года Клод Бато женился на Марианне Вилкерс – подруге покойной Деборы, матери одного из друзей детства младшего сына Филиппа.

1994 год стал знаменательным для семьи Бато сразу в нескольких отношениях. Во-первых, состоялись три свадьбы: в мае поженились Филипп и его давняя подруга Наташа Ренар; в августе вступили в брак Жан-Клод и Стефания Вилла, уроженка Милана; в декабре Сильви и Эдуарде Робледо, которые уже давно были вместе, в узком кругу друзей в Гибралтаре также сыграли свадьбу и вскоре переехали во Флориду.

Вторым событием стало рождение 27 октября 1994 года Жана-Пьера – первенца Стефании и Жана Клода.

29 марта 1996 года появилась на свет Франческа Клод Жакаранда – второй ребенок Жана-Клода и Стефании. Франческа родилась пять месяцев спустя после трагической гибели отца.

В ночь на 4 ноября 1995 года Клод потерял обоих сыновей.

Летом 1994-го сыновья решили на год отойти от дела, оставив его под наблюдением управляющих, и совершить кругосветное путешествие.

Жан-Клод, страстный любитель парусного спорта и опытный шкипер, строил катамаран, на котором должна была разместиться его семья, отправлявшаяся в плавание вместе с ним. Судно было обустроено для путешествия и оборудовано усовершенствованной навигационной системой на основе спутниковой связи.

Перед тем как отправиться в кругосветное плавание, Жан-Клод планировал принять участие в трансатлантической регате по маршруту Йер – Мартиника – Азорские острова. Филипп и трое друзей должны были сопровождать его до Балеарских

островов, где Жан-Клод собирался нанять более опытный экипаж для того, чтобы пересечь Атлантику.

Французская национальная метеорологическая служба, несмотря на то, что в Средиземном море проходили одновременно два международных состязания, объявила забастовку, и участники соревнований располагали весьма расплывчатыми указаниями относительно метеорологической обстановки. Доверившись полученным прогнозам, катамаран Жана-Клода утром 3 ноября взял курс на Балеары.

После полудня разыгралась жестокая буря, как впоследствии оказалось, самая сильная на Средиземном море за последние 40 лет. К полуночи буря усилилась, и огромная волна опрокинула парусник. Жан-Клод сумел подать сигнал бедствия, но первые вертолеты, отправленные на помощь, их не нашли. Во время попыток спустить в море спасательную лодку Жана-Клода и еще двух членов экипажа смыло волной. Филипп умер от переохлаждения. Оставшийся в живых член экипажа, когда его обнаружили спасатели, находился в коматозном состоянии...

Сегодня Жан-Пьер и Франческа – единственные дети семьи Бато-Плехановых – вместе с мамой и бабушкой живут в одном из предместий Парижа. Десятилетняя Франческа, в жилах которой русская кровь едва ли составляет $1/32$, называет себя «особенной, потому, что она – русская». Откуда эти чувства и мысли могли появиться, если о России и русских девочка знает лишь из рассказов деда, переведенных на английский язык сказок А. С. Пушкина и старых советских мультфильмов, герои которых говорят на непонятном ей языке? Может быть, все-таки, это зов предков?

Филимонова Т. И.,
заведующая сектором
«Дом Плеханова»
Российской национальной
библиотеки г. Санкт-Петербурга

Из истории Дома-музея Г. В. Плеханова

Эта небольшая усадьба на одной из центральных улиц Липецка хорошо известна многим жителям города. Здесь находится единственный в России и мире музей, посвященный Г. В. Плеханову, а липецкая усадьба – единственное сохранившееся в стране место, непосредственно связанное с детством и юностью Георгия Валентиновича. Здесь он проводил каникулы во время учебы в Воронежской военной гимназии и в Петербургском горном институте.

Дом-музей Г. В. Плеханова был открыт 21 декабря 1977 г. В пяти комнатах экспозиции представлены материалы, рассказывающие о семье Плехановых, о детстве и юности Георгия Валентиновича, его революционной, общественно-политической деятельности.

Среди экспонатов музея – документы, личные вещи Плеханова, привезенные его женой Розалией Марковной из Швейцарии, в том числе, предметы из женевского кабинета и книги из личной библиотеки.

Значительная часть коллекции поступила в музей еще в 20-е и 30-е годы XX века, так как история нынешнего Дома-музея начинается с 1927 года. Именно тогда в Липецке была создана Комиссия по увековечению памяти Г. В. Плеханова на его родине под председательством вдовы Георгия Валентиновича Розалии Марковны Плехановой.

Приступая к организации Дома Просвещения имени Плеханова в г. Липецке, местная администрация в лице УИКа¹¹⁵, УКОМа¹¹⁶, УОНО¹¹⁷, совместно с членами Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова Л. Г. Дейч, Э. М. Дейч и Р. М. Плехановой, считали, что в основном он должен состоять из двух частей:

¹¹⁵ Уездный исполнительный комитет. – *Прим. ред.*

¹¹⁶ Уездный комитет. – *Прим. ред.*

¹¹⁷ Уездный отдел народного образования. – *Прим. ред.*

«1. Историко-Революционного Музея с краеведческим уклоном, где на фоне истории революционного движения от эпохи народничества и до 1918 года должна быть дана роль Г. В. Плеханова в революционном движении.

2. Историко-революционной библиотеки и читальни, где всякий желающий мог бы углублять свои знания по истории революционного движения»¹¹⁸.

Тогда же ставился вопрос и о том, что «кроме этого, должна быть отведена специальная комната, для организации уголка Плеханова, где будут сосредоточены те относящиеся к Плеханову материалы, которые «не могут быть размещены в общей системе истории революционного движения (семейные снимки, личные вещи и документы и т. д.)»¹¹⁹.

В мае 1928 года к 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова «из-за отсутствия экспонатов и средств не смогли создать историко-революционного музея, и вынуждены были разместить в бывшем доме Плехановых все то, что было предоставлено Р. М. Плехановой, Л. Г. Дейч и Э. М. Дейч и, что имелось в музее». Состоялось торжественное открытие музея, об этом событии сообщалось в газетах. К этому времени относится и начало работы библиотеки.

Вскоре Совнарком РСФСР выделил 4 тысячи рублей из своего резервного фонда на оборудование и содержание Дома Плеханова, становится возможной организация историко-революционного музея. Решено было создать пять отделов:

- от крестьянских восстаний XVII – XVIII веков до зарождения социал-демократии;
- от зарождения социал-демократии до первой русской революции;
- первая русская революция;
- революции 1917 года (февральская и октябрьская);
- гражданская война и социалистическое строительство;
- комната (уголок) Плеханова.

В сентябре – октябре 1928 года из музея Революции СССР (г. Москва), общества политкаторжан было получено довольно большое количество историко-революционной литературы, свыше пятисот различных фотографий, архивные материалы. Пока оформлялась экспозиция музея, посетители могли пользоваться библиотекой, располагающей собраниями сочинений Плеханова, Ленина, Маркса и Энгельса, Каутского, литерату-

¹¹⁸ Дело. Письма Р. М. Плехановой и всевозможных отношений. 1928 г. ЛОКМ. ОФ 8280/2. Л101, 102.

¹¹⁹ Там же. – Прим. ред.

рой по истории революционного движения в России. Осенью 1929 года состоялось открытие историко-революционной части экспозиции музея, и Дом просвещения имени Плеханова стал функционировать в полном объеме.

Розалия Марковна Плеханова постоянно интересовалась состоянием дел в музее, присылала и привозила книги из личной библиотеки Георгия Валентиновича, а также те его произведения, которые тогда издавались. «Желаю, чтобы Дом имени Плеханова... сделался одним из лучших культурных центров области и способствовал подъему умственному и нравственному», — пишет она в одном из писем в январе 1929 года. Возможно, Розалия Марковна передавала и какие-то личные вещи. В экспозиции открывшегося музея можно было увидеть несколько карандашей Георгия Валентиновича, его любимый разрезной нож, пресс-папье в форме стеклянного квадрата с просвечивающим через стекло цветным изображением вида Сан-Ремо¹²⁰.

В описи экспозиции 1940 года значатся как личные вещи Г. В. Плеханова — ручка темно-коричневого цвета, металлический нож для разрезания бумаги, металлическая продолговатая тарелка с рисунком для карандашей и ручек.

Много сделал для увековечения памяти Г. В. Плеханова на его родине липецкий краевед Михаил Павлович Трунов: писал письма тем, кто мог, по его мнению, помочь в этом, работал в архивах, собирал первую библиотеку трудов Г. В. Плеханова. Именно благодаря Трунову музей теперь располагает редкими прижизненными изданиями произведений Г. В. Плеханова.

Все последующие годы сотрудники музея считали одной из важных своих задач — комплектование фондов.

И сегодня значительное место в коллекции занимают сочинения Г. В. Плеханова, книги о его жизни, о деятельности группы «Освобождения труда», русские журналы XIX века, зарубежные издания.

В 1941 году из Ленинградского Дома Плеханова в Липецкий музей было передано 54 экземпляра книг из личной библиотеки Георгия Валентиновича.

Музей, как историко-революционный, существовал до апреля 1947 года. По заключению музея Революции решено было его перепрофилировать, сделать мемориальным. Летом 1947 года был произведен капитальный ремонт, построена экспозиция по структуре, предложенной московским профессором Шульги-

¹²⁰ Об этом пишет журнал «Огонек» № 45 за 1929 год в статье «Плехановский музей в Липецке»

ным, и с ноября 1947 года музей начал функционировать как мемориальный. В 1951 году из Дома Плеханова были переданы еще 47 книг (на основании решения Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР).

В 1954 году, 11 января Совет министров РСФСР принял постановление № 54 «О реорганизации Дома-музея Г. В. Плеханова». 16 февраля 1954 года по данному вопросу был издан приказ № 163 по Министерству культуры. На основании этих документов все предметы основного и научно-вспомогательного фонда были переданы в Липецкий краеведческий музей.

С этого времени в зданиях усадьбы размещались различные учреждения.

В конце 1960-х годов ведется реконструкция улицы Плеханова. Сносятся старые постройки, возводятся пятиэтажные жилые дома, расширяется проезжая часть улицы. Возникла необходимость бывший дом Плехановых передвинуть в глубину двора. Н. Г. Яхонтов, председатель липецкого горисполкома в 1967 – 1979 годах, давно уже вынашивал план создания в Липецке мемориального музея выдающегося земляка.

В 1970 году он обращается в Министерство культуры СССР, в ЦК КПСС с предложением об открытии Дома-музея Г. В. Плеханова в Липецке.

Проект реставрации усадьбы был разработан архитектором Б. В. Гнедовским. В ходе работы дом был разобран и затем создан заново на другом месте. Одновременно с домом реконструировали флигель и летнюю кухню, которые входили когда-то в состав городской усадьбы Плехановых.

Самым сложным при организации нового музея оказался вопрос о характере его экспозиции. Было принято решение создать историко-биографическую экспозицию с использованием в ней сохранившихся фрагментов мемориальной обстановки, в том числе и женевского кабинета Г. В. Плеханова.

Для новой экспозиции из музея Ленина, музея Октябрьской Революции, партийных архивов были получены фотографии, копии документов. Часть предметов была передана из областного краеведческого музея. В мае 1977 года из фонда Дома Плеханова г. Ленинграда на постоянное хранение поступило 10 книг и 22 единицы личных вещей Г. В. Плеханова в том числе – женевский кабинет. Его история такова. После смерти Г. В. Плеханова в 1918 году его жена Розалия Марковна считала своим долгом сохранить архив и библиотеку мужа. Книги, рукописи, обстановка, предметы из женевского кабинета были

перевезены ею в Париж, где жили ее дочери, и находились там до 1928 года, пока не представилась возможность переправить их в Ленинград. Для хранения мемориальных вещей был создан Дом Плеханова – филиал Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, а Р. М. Плеханова стала его первой заведующей.

В 1977 году обстановка женевского кабинета и сохранившиеся личные вещи Г. В. Плеханова по распоряжению Министерства культуры РСФСР были переданы Липецкому музею. 21 декабря 1977 года вновь созданный музей Г. В. Плеханова был открыт.

**Погребенко Н. М.,
старший научный сотрудник
отдела фондов
Липецкого областного
краеведческого музея**

Письма М. П. Трунова к Р. М. Плехановой. 1927 – 1934 гг.

2006 год – год 150-летия со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова – выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля, внесшего весомый вклад в развитие общественной мысли и общественного движения России и мира в качестве философа и социолога, историка и литературного критика, экономиста, революционера, деятеля российского и международного рабочего движения, одного из основателей группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии, представителя РСДРП во II Интернационале. Юбилей широко отмечается научной общественностью, политическими партиями и общественными организациями.

В декабре 2005 года под эгидой Российской Академии наук, Российской национальной библиотеки и Фонда Плеханова был создан Оргкомитет по празднованию 150-летия Г.В. Плеханова, сопредседателями которого стали вице-президент РАН А. Д. Некипелов, генеральный директор РНБ В. Н. Зайцев, президент Фонда Плеханова Г. Х. Попов. В разработанный Оргкомитетом план на 2006 год вошли мероприятия, связанные с научно-исследовательской, просветительской и издательской деятельностью. Большое внимание в плане уделяется выставочной и музейной работе.

Сектор Российской национальной библиотеки Дом Плеханова (Санкт-Петербург), в котором хранятся архив и личная библиотека Плеханова, ведет большую работу по изучению жизни и деятельности Г. В. Плеханова, пропаганде его идей, активно сотрудничая с различными учреждениями и общественными организациями.

С 1988 года Дом Плеханова регулярно проводит Плехановские чтения, направленные на поддержание и развитие деловых контактов с исследователями наследия Г. В. Плеханова в России и за границей. В чтениях, тематика которых постоянно углубляется, принимают участие отечественные и зарубежные исследователи в области философии, истории, экономики,

литературы, представляющие академические институты и высшие учебные заведения России, стран СНГ, Великобритании, Германии, Голландии, Китая, Польши, Норвегии и Японии. В 2005 году темой VII Плехановских чтений «Россия в начале XX века. Вступление в эпоху исторических преобразований» продолжился цикл конференций, прошедших в 1996, 1999 и 2002 годах, на которых последовательно рассматривались историко-социальные проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий и исторические судьбы России, проблемы развития общественных наук и их влияния на исторический процесс — то есть, те вопросы, которые всегда находились в центре внимания Г. В. Плеханова.

Дом Плеханова в Санкт-Петербурге, не являясь в полном смысле слова музеем, проводит большую работу не только как центр по изучению жизни и деятельности Г. В. Плеханова, но и как общественно-просветительское учреждение. Деятельность сектора включает организацию выставок, проведение читательских семинаров и экскурсий по Дому Плеханова, сохранение музейной экспозиции, проведение краеведческих экскурсий «Плеханов в Петербурге, Петрограде», организацию студенческой практики, информационно-библиографическое обслуживание партий и общественных организаций.

При проведении этой многоплановой работы, Дом Плеханова активно сотрудничает с другими учреждениями. Налажены контакты с Центральным государственным архивом историко-партийных документов, в ходе которых идет активный сбор и обмен документами современных политических партий и общественных организаций (с конца 1990-х годов Дом Плеханова ведет комплектование фонда «Современные политические партии и общественные организации»). Участие в различных мероприятиях, сбор и обмен материалами связывает Дом Плеханова и Музей истории революционно-демократического движения 1880 — 1890 годов (С-Петербург).

Среди мест, связанных с жизнью Г. В. Плеханова, необходимо отметить Историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала», расположенный в пос. Ильичево Выборгского района Ленинградской области.

Музей-заповедник «Ялкала» создан по решению правительства Ленинградской области в 1993 году в рамках программы Министерства культуры Российской Федерации культурно-национального возрождения российских финнов на базе существовавшего с 1940 года мемориального музея В. И. Ленина.

Здесь, в начале августа 1917 года, в этом доме, расположенном на окраине деревни Ялкала и принадлежавшем семье рабочего-литейщика П.Г. Парвиайнена, жил и работал В.И. Ленин.

В 1990-х годах, несмотря на все трудности перестроечного периода, ознаменовавшегося пересмотром и переоценкой исторических фактов и ценностей, коллективу Музея удалось сохраниться, и не уничтожая достигнутого и созданного, найти свою дорогу, создать, по существу, новый музей. Его экспозиции рассказывают об истории Карельского перешейка, об устройстве жизни финнов на Карельской земле на примере деревни Ялкала и отдельного хутора Парвиайненов и Луомо-ахо. В музее создана документальная и предметная экспозиция, посвященная советско-финской (зимней) войне 1939 – 1940 годов. Специальные стенды рассказывают о пребывании в Ялкале В. И. Ленина, о жизни в этих местах в начале XX века художника-акварелиста А. А. Бенуа, финского композитора, педагога, музыковеда и общественного деятеля Сухо Ранта.

Недалеко от этого Музея, на берегу озера Питкеярви (оз. Долгое) находился санаторий для туберкулезных больных немецкого доктора Циммермана, в котором Г. В. Плеханов провел последние месяцы жизни с 28 января по 30 мая 1918 года.

Память о последних месяцах жизни и смерти Г. В. Плеханова Музей бережно сохраняет. Вместе с Домом Плеханова создана посвященная Георгию Валентиновичу небольшая экспозиция, которую сотрудники Музея «Ялкала» постоянно обновляют и совершенствуют.

31 марта 1917 года после тридцати семи лет эмиграции в революционный Петроград вернулся Г. В. Плеханов. Бурные политические события, активная творческая работа, петроградский климат ускорили обострение туберкулезного процесса, в конце 1917 года Г. В. Плеханов слег окончательно.

Розалия Марковна пыталась подыскать хорошую благоустроенную больницу в Петрограде, но после обыска в Царском Селе в конце октября и, особенно, после убийства матросами в Мариинской больнице бывших членов Временного правительства А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, она пришла к решению, что Георгия Валентиновича нужно как можно скорее вывезти из столицы.

Было решено уехать в тихую, спокойную Финляндию, в санаторий доктора Эдгара Павловича Циммермана, который располагался неподалеку от станции Териоки (ныне город Зеленогорск) на берегу живописнейшего озера Питкеярви.

«Время пребывания Г. В. Плеханова в финляндском санатории, – вспоминает Розалия Марковна, – надо разделить на два периода. В первый, от 28-го января до 18 марта ... Георгий Валентинович, хотя и мучимый температурой, кашлем, был бодр, работал серьезно, делал записи, охотно беседовал с изредка посещавшими его друзьями. Вторым периодом – период медленного угасания ...»¹²⁰. Однако, усилия медиков, заботливый уход Розалии Марковны, целебный климат Карельского перешейка не смогли остановить резкого обострения застарелого туберкулезного процесса, и 30 мая 1918 года на 62-м году жизни Г. В. Плеханов скончался.

Неурегулированность пограничных отношений между Россией и получившей в конце декабря 1917 года государственную самостоятельность Финляндией, помешала сразу перевезти гроб с телом Г. В. Плеханова в Петроград, почти неделю его тело сохранялось в леднике санатория.

Долгие годы местонахождение последнего приюта Г. В. Плеханова оставалось неизвестным. Все постройки санатория сгорели в 30-е годы, по Карельскому перешейку прокатились волны советско-финской и Великой отечественной войн, оставшиеся развалины фундаментов поросли лесом.

На VII Российско-Финляндских гуманитарных чтениях, посвященных 80 – летию независимости Финляндии, с докладом о пребывании Плеханова в санатории Питкеярви, и своей краеведческой работе, выступил доктор исторических наук Г. С. Усыскин¹²¹.

Г. С. Усыскин установил место расположения санатория, и в 1991 году под его руководством школьники-активисты движения «Юные за возрождение Петербурга», провели работы по благоустройству участка, на котором находился санаторий. Рядом был установлен гранитный монолит с текстом на медной пластине: «Здесь, в санатории Питкеярви, провел последние месяцы и 30 мая 1918 года закончил жизненный путь первый марксист России Георгий Валентинович Плеханов». На открытие памятника приехали участники II Плехановских чтений.

Предполагалось, что этот участок войдет в охранную зону поселка Ильичево. Но время распорядилось иначе. Всю территорию бывшего санатория захватили питерские чиновники

¹²⁰ Плеханова Р. М. Год на Родине //Диалог. 1991. № 13. С. 100.

¹²¹ Доклад Г. С. Усыскина «Последний приют в санатории Питкеярви: (Г. В. Плеханов в Финляндии. Январь-май 1918г.)» опубликован в сборнике материалов чтений «Россия и Финляндия в XX веке» (СПб., 1997. С. 304-310).

ки, построившие на фундаменте старых санаторных строений собственные загородные дома. При активном участии Музея «Ялкала» Дому Плеханова удалось отстоять памятный знак, за которым теперь ухаживают сотрудники Музея.

Особые отношения Дом Плеханова связывают с Домом-музеем Г. В. Плеханова в Липецке. Основы этого сотрудничества, заложенные известным липецким краеведом, организатором Липецкого краеведческого музея, инициатором создания Дома-музея Г. В. Плеханова Михаилом Павловичем Труновым и Розалией Марковной Плехановой, женой и соратником Г. В. Плеханова, хранителем его архива и библиотеки, создателем и первой заведующей Домом Плеханова, плодотворно развиваются и сегодня.

Если музей «Ялкала» хранит память о последнем периоде жизни Георгия Валентиновича, Дом-музей Г. В. Плеханова в Липецке – память о его семье, детстве и юношеских годах.

В Доме Плеханова собран комплекс материалов, повествующих о работе по восстановлению Дома-музея Г. В. Плеханова. Среди них – выполненный тушью «Проект восстановления мемориальной усадьбы Г. В. Плеханова», два тома «Документов по истории создания и реставрации Дома-музея Г. В. Плеханова в Липецке. 1966 – 1976 гг.», собранных липецким краеведом Петром Афанасьевичем Дятчиным. Сохранились его письма 1971 – 1980 годов к заведующей Домом Плеханова Ирине Николаевне Курбатовой, фотографии, афиши, буклеты и другие материалы. В 1978 году И. Н. Курбатова была награждена Липецким областным комитетом КПСС почетной грамотой за работу по воссозданию Дома-музея Г. В. Плеханова в Липецке.

Розалия Марковна Плеханова, впервые побывавшая на родине мужа в 1927 году, поддерживала контакты с Домом-музеем Г. В. Плеханова в Липецке. Тогда, вероятно, и состоялось ее знакомство с Михаилом Павловичем Труновым. В материалах Розалии Марковны имеется книга с дарственной надписью «Глубокоуважаемой Розалии Марковне Плехановой на память о родном гнезде ее мужа от автора. 1.VII.28 г.». Книга – «Липецкий курорт: лечебные средства курорта, их врачебная ценность и нужды курорта» (Липецк: Изд. Липецкой городской думы, 1915) – принадлежит перу Михаила Павловича Трунова, и, скорее всего, была подарена им в 1928 году во время посещения Дома Плеханова.

К празднованию юбилея, как было сказано выше, приурочены издания книг, сборников научных статей и докумен-

тальных источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Относятся к таким материалам и публикуемые ниже письма Михаила Павловича к Р. М. Плехановой.

Розалия Марковна была хорошо знакома с жизнью Дома-музея Плеханова и с живейшим участием откликалась на все просьбы М. П. Трунова, о чем свидетельствуют его письма к ней. Представляется, что они будут полезны тем, кто интересуется историей Липецкого Дома-музея Г. В. Плеханова и деятельностью одного из его создателей - краеведа М. П. Трунова.

Публикация подготовлена главным библиотекарем Сектора Дом Плеханова И. В. Смирновой. Документы публикуются по автографам, хранящимся в Доме Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 342) с сохранением стиля автора. В квадратных скобках раскрыты авторские сокращения.

№ 1.

М. П. Трунов - Р. М. Плехановой

14 августа 1927 г.

Ст[анция] Верховье, Ю[го]-В[осточной] ж[елезной]
д[ороги] (далее-ЮВЖД)

Глубокоуважаемая, Розалия Марковна!

Посетил в воскресенье, 11 августа, усадьбу Плехановых в Ливенском у[езде], Орловск[ой] г[убернии] в 7 верст[ах] от ст[анции] Россошное (ныне «Красная Заря») Грязе-Орловск[ой] линии ЮВЖД.

Усадьба эта принадлежала Николаю Ивановичу Плеханову, двоюродному брату Г[еоргия] В[алентиновича], а не Николаю Валентиновичу, как я ошибочно предполагал.

Усадьба оставлена дочери Н[иколая] И[вановича], Вере Николаевне, служащей в Ленинграде, в Архиве комм[унального] хоз[яйства].

До 1925 г. был цел огромный барский дом с зимним садом, сторев[ший] в этом году от поджога хулиганом. В доме была школа и учительницей в ней была Вера Николаевна.

Усадьба была дана в приданое жене Н[иколая] И[вановича], урожденной Буцкой.

Относительно Г[еоргия] В[алентиновича] мне к сожалению ничего не удалось узнать от Веры Ник[олаевны]¹²², т. к.

¹²² Можно предположить, что Розалия Марковна обратилась к Михаилу Павловичу Трунову с просьбой о сборе материалов, касающихся Георгия Валентиновича. Работу

по ее словам в семье отца при детях избегали говорить о Г[еоргии] В[алентиновиче], жившем в опале за границей.

Может быть Вы будете счастливее меня и что-ниб[удь] узнаете от старшего брата Г[еоргия] В[алентиновича], Николая В[алентиновича], который живет в Москве, кажется в Доме ученых, так я слышал от Веры Ник[олаевны]¹²³.

Если Ник[олай] В[алентинович] жив, то очень прошу Вас добиться от него сведений самых подробных, кроме личности Г[еоргия] В[алентиновича], и об усадьбе Гудаловской, о доме в ней, с нанесением хотя бы в схематичном виде плана усадьбы, а также дома, расположении комнат, приблизительного размера всего дома, т. к. он должен все это помнить.

Я написал бы ему сам об этом, но думаю, что Вы сможете скорее получить эти сведения.

Мне хотелось бы получить возможно подробное и точное описание дома и усадьбы всей, чтобы заказать модель его.

Поэтому нужны напр[имер] такие сведения, как фасад, число окон, крыша (материал ее, высокая или низкая), крыльцо парадное (описать его), выход в сад, терраса (вероятно была такая, как обычно, из гостиной или столовой), задний фасад дома. План надворных построек, материал их и крыши. Еще было бы лучше, если бы можно было Вам получить рисунок дома и усадьбы, сделанный напр[имер] Э[сфирь] М[арковной] Дейч¹²⁴ со слов Ник[олая] В[алентиновича] и под его «редакцией», т. е. указаниям.

по сбору этих материалов она начала с первых дней организации Дома Плеханова, т. е. с 1925 г. Подробнее об этой её работе см. в сборнике «К 75-летию Дома Плеханова. 1928 – 2003» (СПб., 2003. С. 120). В архиве Р. М. Плехановой имеется черновой набросок письма Розалии Марковны М. И. Трунову, в котором она обращается к нему по совету сестры Г. В. Плеханова Клавдии Валентиновны, как к руководителю «Общества изучения родного края» и инициатору создания в Липецке краеведческого музея. Розалия Марковна пишет: «... я узнала от Клавдии Валентиновны, что в комнате музея имеется бюст моего мужа, Г. В. Плеханова, сделанный, сколько ей помнится скульптором Васильевым.... По словам Клавдии Валентиновны бюст очень удачный, нам бы очень хотелось иметь фотографический снимок этого бюста и, если он будет одобрен членами Общ[ества] ув[ековечения] имени Плеханова, то и его дубликат». Кроме этого, Розалия Марковна пишет о возможном сотрудничестве Плехановских учреждений Ленинграда и Липецка (Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 72. Л. 2). Вероятно речь идет о бюсте Г. В. Плеханова, выполненного по заказу М. П. Трунова, скульптором И. В. Крестовским (Клоков А. Ю. К истории Музея Г. В. Плеханова // Георгий Валентинович Плеханов: К 145-летию со дня рождения. Липецк, 2003. С. 16).

¹²³ В эти годы Николай Валентинович Плеханов вместе с женой проживал в Рязани. Подробно о его судьбе см.: Бережанский А. С. Он сражался за Плевну // Липецкая газета. 2003. 3 декабря.

¹²⁴ Зиновьева-Дейч Эсфирь Марковна – жена Л. Г. Дейча, скульптор.

Заканчиваю это письмо надеждой на Вашу помощь к моему досрочному возвращению в Липецк для устройства «Отдела имени Г[еоргия] В[алентиновича]».

Искренне преданный Вам М. Трунов.
Л. 1-2.

31 октября 1927 г. Ст[анция] Верховье, ЮВЖД.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

Получил от Марии Николаевны¹²⁵ «заключение» Тамб[овского] гу[б]прокурора на жалобу ее, составленную Вашей кузиной¹²⁶. Губпрокурор своей подписью утвердил все беззаконие, которое было явлено на суде в Липецке и повторено в Губсуде в Тамбове.

Мария Ник[олаевна] совершенно правильно задает вопрос: да читал ли пом[ощник] губпрокурора Горский ее жалобу или только повторил определение прежних судей – липецкого и тамбовских, и предложил на подпись губпрокурору, которому естественно осталось только написать: «согласен». Я послал своему московскому знакомому Е. Д. Фельдману копию этого «заклучения» и, кроме того, объяснительное письмо. Сейчас еще написал письмо и прошу о доведении дела до прокурора республики, т. к. нельзя оставить позорное обвинение на моей жене в «хищении ею горимущества, предоставленного ей в пользование». Пришитый к «делу», оставшийся без движения исполнительный лист о выселении моей семьи из квартиры, только успокоил жену в смысле экстренного удаления из под крова, но вовсе не может не лежать тяжелым камнем на ее спокойствии и гл[авным] обр[азом] на ее чести: быть обвиненной в «хищении» – ведь это тоже воровство, да еще доверенного ей городом имущества. Выходит, что она остается все-таки виновной в этом позорном деянии, но только благодаря заступничеству Москвы остается безнаказанной ее «во-

¹²⁵ Трунова Мария Николаевна – жена М. П. Трунова.

¹²⁶ В архиве Р. М. Плехановой хранится письмо М. Н. Труновой к Розалии Марковне, в котором она благодарит ее за содействие в отстаивании прав Труновых на две комнаты в доме, в прошлом им же принадлежавшим (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 72). В 1925 г. М. П. Трунов был выслан на три года из Липецка. Местом его проживания была определена станция Верховье, где ему предоставили место врача. В июне 1928 г. он смог вернуться в Липецк. Во время его отсутствия и было возбуждено дело о выселении Труновых с занимаемой жилплощади в связи с обвинением М. Н. Труновой в хищении социалистической собственности. Розалия Марковна проявила горячее участие в деле Труновых. По ее просьбе ее родственница помогала вести дело в прокуратуре Липецка и Тамбова, сама же она обратилась с письмом к М. И. Калинину (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 475. Л. 1).

ровство» горимущества. Не дурно!... А в Липецке головотяпы, поднявшие это «дело» и тамбовские укрыватели-прокуратура (так в тексте - публ.), значит правильно определили характер действий моей жены, квалифицируя их, как «хищение» горимущества и постановив лишить ее крова. Да, тамб[овский] помпрокурора позволил себе добавить, что мол ошибка, допущенная со стороны Липец[кого] нарсуда о предоставлении гр[аждан]ке Труновой соответствующей квартиры, исправлена постановлением Губсуда, отменившем в этой части решение Лип[ецкого] нарсуда. Каково Соломоново решение¹²⁷?

Я все-таки добьюсь, что липецкие и тамбовские «шемяки»¹²⁸ получают рано или поздно соответствующее воздаяние за их обращение с правосудием не только легкое, но прямо преступное.

Я очень подробно написал Фельдману по поводу этого удивительно бессовестного «заключения» Тамбовской прокуратуры, завязавшей глаза при разборе жалобы моей жены, привел в своем письме мотивы и доказательства всех своих обвинений Липецкого горсовета в ложных доносах на мою жену и подлог на офиц[иальном] документе, а также обвинений Тамбовского прокурорского надзора в покрывательстве несправедливых действий Липецкого нарсуда и Тамбов[ского] губсуда. Я очень резко отозвался о головотяпстве липецких представителей и бессовестности тамбовских, компрометирующих своими действиями Соввласть, покрывая головотяпство провинциальных своих коллег.

Я был бы рад разбору на гласном суде всего этого дела, который осветил бы тему провинциальной жизни. Пусть эти головотяпы и их покрыватели привлекут меня к ответственности за оскорбление их и я буду на суде иметь возможность доказать недобросовестность их обвинений и несправедливость решений всех судебных инстанций.

Я писал Фельдману, чтобы он, если найдет возможным, переговорил, прочитав мое письмо, с вашей кузиной и с Вами, а Вас в свою очередь позволяю себе побеспокоить просьбой не

¹²⁷ Соломон – царь Израильско-Иудейского царства в 965-928 гг. до н. э. в период его наивысшего расцвета. Библейская традиция, именующая Соломона мудрым, приписывает ему авторство ряда библейских книг: Песнь Песней, Экклезиаст, Притчи и др. Царствование его сделалось синонимом мира и народного благоденствия, а решения его суда – мудрыми и справедливыми. В данном контексте выражение «Соломоново решение» употреблено с ироническим подтекстом.

¹²⁸ «Шемяки» – члены Шемякина суда. Шемякин суд – нарицательное выражение, обозначающее несправедливый суд. Связано с одноименным названием русской сатирической повести 2-ой половины XVII в., обличающей взяточничество и произвол суда.

отказать принять участие в этой, надеюсь последней, попытке добиться чего-ниб[удь] в Москве, раз в Тамбове завязали глаза, заткнули уши и не желают ничего видеть и слышать помимо решений своих коллег.

Мы с Мар[ией] Ник[олаевной] не милости хотим, а правосудия, только правосудия и снятия позорных обвинений о злоупотреблении квартирной площадью, расхищении горимущества. Еще удивительно, почему не обвинили в «краже» этого «горимущества».

Только этого не доставало от благодарного Липецкого горсовета.

Мне в письме из Липецка сообщили, что Комхоз ответил Липецкому уисполкому на его бумагу, что «Комхозу не было известно об общественных заслугах врача Трунова»... Какова наивность! Когда жена врача Трунова вывезла кусок своего старого плетня, купленного ее мужем в 1924 году, на базар. Чтобы подарить бедной женщине, нуждавшейся в изгороди, Комхозу через несколько минут от добровольных сыщиков стало известным это «хищение горимущества», а те факты, что в течение 20 лет врач Трунов, не покладая рук, собирал для г. Липецка библиотеку (15000 томов!), создал Музей, первый в Тамбовской губ[ернии] (более 11000 экспонатов), собрал архивный фонд из документов дореволюц[ионных] учреждений города (несколько тысяч пудов) – это все «не было известно Комхозу» ... Больше, кажется, говорить о головотяпах липецких, записавших в историю своего города такую паскудную страницу, нечего. Sapienti sat!¹²⁹ Извиняюсь за назойливость и прошу принять от меня и от жены (она все боится выехать из Липецка к мужу и оставить квартиру «посторонним лицам») сердечное спасибо за сочувствие.

Искренне преданный Вам М. Трунов.

Р. С. Перечитал сейчас из Вашего письма к моей жене след[ующие] строки: «... нет сомнения. Что кассационный суд, более объективный и выносящий свои решения вне невольного давления, которому подвергаются местные суды, решит дело в Вашу пользу и не лишит Вас крова...»

Да, и у меня не было в этом сомнения, пока я не прочитал «заключение» помгубпрокурора Горского, совершенно игнорировавшего все указания жены, которые были приведены в ее жалобе.

¹²⁹ Разумному достаточно; умный поймет с полуслова (лат.).

Этот безграмотный господин (как видно из теста «заключения») не только повторил всю ложь, какая была сказана судом в Липецке и повторена в Тамбовском губсуде, но он пошел дальше.

Желая несомненно «выслужиться» перед кем следует, он не удержался, чтобы не кивнуть в сторону «политики», подчеркнув то обстоятельство, что «муж обвиняемой был выслан из пределов Тамбовской губернии по политическим убеждениям» (не дурен стиль для помгубпрокурора!) и тут же, поставив только запятую добавляет: «следовательно (откуда следует это 2. помпрокурора?) площадь осталась за ответчицей увеличенная. Имея цель оставить за собой квартиру, ответчица без ведома Комхоза в квартиру пустила двух жильцов Харитоновых (это сестра-то и невестка моей жены Хрениковы, из которых невестка уже 10 лет жила в моей семье, как установлено на суде даже!)»...

Дальше. Горский «исправляет» ошибку Лип[ецкого] нарсуда. Липецкому судье стыдно было все-таки «выгнать» на улицу семью врача Трунова и он постановил выселить ее, но предложил Комхозу предоставить ей соответствующую квартиру. Тамб[овский] кассац[ионный] суд признал, что это является поблажкой для такой преступницы, как гр[аждан]ка Трунова, оставшаяся и после революции жить в б[ывшем] своем доме (какой ужас!!), а потому этот «праведный суд» отменил в этой части решение Лип[ецкого] нарсуда. Помгубпрокурора Горский с удовлетворением отмечает в своем «заключении»: «что касается допущенной судом (Липецким) ошибки в части, где он обязал Комхоз представить (sic!¹³⁰) ответчице соответствующую квартиру, то этот пробел был исправлен кассационной инстанцией, отменившей (слава Аллаху! Есть еще судьи в Тамбове!!) в этой части решения» (что «отменившей», – осталось в безграмотной голове помгубпрокурора).

Что можно добавить к этому? «Бывали хуже времена, но не было подлей»¹³¹... Пахнет ужасно Щегловитовским судом¹³².

Л. 3-8.

16 июня 1929 г. Липецк, ЦЧО¹³³.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

¹³⁰ Так (лат.).

¹³¹ Строфа из стихотворения Н.А. Некрасова «Современники».

¹³² Щегловитов И.Г. (1861 – 1918) – государственный деятель царской России. Обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената, министр юстиции, в 1917 г. председатель Государственного Совета. Один из организаторов дела Бейлиса.

¹³³ ЦЧО – Центрально-Черноземная область, была образована 16 июля 1928 г.; в ее

Прежде всего извиняюсь в том, что не смог воспользоваться Вашим любезным приглашением посетить Вас вторично и ближе познакомиться с богатым материалом создаваемого Вами в память Г[еоргия] В[алентиновича] музея: я должен был выехать вскоре из Ленинграда.

Теперь перейду к вопросу, три дня не дающему мне покоя. Липецкий горсовет предписал зав[едующему] Нар[одным] музеем Ф.С. Мелихову немедленно перевести Музей в другое помещение, в один из магазинов Центр[ального] кооператива, а музейное здание отдается под магазин...

Это в провинции называется «борьбой за культурную революцию». В прошлом году из прекрасного здания была «вытряхнута» Центр[альная] библиотечка, и на полки вместо русских классиков разместили вина кавказских виноградарей...

Впрочем, есть слух, что это помещение скоро освободится, т. к. магазин закроется и, значит, напрасно оттуда перевели библиотеку.

Нужно вот и с Музеем произвести опыт замещения скульптур, картин и др[угих] художеств[енных] ценностей – башмаками, шелков[ыми] чулками, духами и др[угой] продукцией «ТЭЖЭ»¹³⁴, пока и этот продукт делается дефицитным... Предоставляемое под Музей здание во 1) в 3 раза меньше по площади нынешнего (всего 150 кв. м., тогда как нынешний имеет 450 кв. м.) и поэтому никоим образом не может вместить коллекции Музея, во 2) окружен деревянными постройками - лавками, угрожающими в пожарном отношении, в 3) окна без зимних рам и зимою нельзя будет работать в таком помещении, в 4) оно полно крысами и мышами, которые уничтожат все коллекции по ботанике, зоологии, энтомологии, книги, картины и пр[очее], т. к. с голоду набросятся на все съедобное.

Я очень прошу Вас помочь Лип[ецкому] нар[одному] музею, как первому учреждению, почтившему память Г[еоргия] В[алентиновича] собиранием материалов для его Музея на его родине. Вы можете это сделать, если потрудитесь напи-

состав вошли бывшие Воронежская, Орловская и Тамбовская губернии, А также небольшие отрезки Тульской и Рязанской. 13 июня 1934 г. ЦЧО была разделена на две области: Воронежскую и Курскую.

¹³⁴ Аббревиатура, образованная из части названий начальных букв слов, обозначающих одно из предприятий пищевой промышленности – Масложировой трест, специализирующееся на производстве растительных масел, маргарина, моющих средств на жировой основе и т. п. продуктов. Аббревиатура «ТЖ» было также обозначением парфюмерных магазинов.

сать несколько строк т. Смидовичу¹³⁵, которому я послал подробное изложение дела с Музеем. Он не знает меня и нужно только авторитетному лицу поддержать мое ходатайство, которое сводилось к след[ующему]: 1) спешно приостановить перевод музея, 2) затребовать справку в Главмузее о работе Липец[кого] нар[одного] музея за прошлые годы (по отчетам зав[едующего] Тамбовск[им] губмузеем), 3) распорядиться образованием специальной Комиссии для обсуждения вопроса о переводе Музея, с введением в нее представителей ОНО¹³⁶, краеведч[еского] о[бщест]ва и Обл[астного] музея. Ваши несколько строк к т. Смидовичу, близко стоящему к музейному делу РСФСР, с указанием на то, что я и моя просьба заслуживают внимания и содействия со стороны т. Смидовича, могут помочь музею.

Я писал также и Льву Григорьевичу¹³⁷, буду хлопотать в Воронеже, но вся надежда на Москву и содействие авторитетных лиц.

Адреса Смидовича я не знаю и написал через одного москвича; Вы, конечно, можете узнать по телеф[ону] у кого-ниб[удь]. Не откажите помочь!

Мар[ия] Ник[олаевна] шлет Вам свой привет.

Искренне уваж[ающий] Вас М. Трунов.

Л. 9-11.

18 июня 1930 г. Липецк, ЦЧО.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

Я обращался к воронежскому знакомому библиографу, который интересуется всеми местными выдающимися деятелями, уроженцами Воронежского края или проживавшими в нем в ученические или служебные годы. Я просил дать какие-ниб[удь] сведения о Белинских или Бялыньских, в надежде найти родственников Мар[ии] Фед[оровны] Плехановой, и вот на днях получил от него следующие сведения. Ему попалось «Дело Департамента Министерства юстиции, Отд. I, стол 1. О противозаконных поступках Новохоперского уездного стряпчего Никитина и об удалении от должности городничего

¹³⁵ Вероятно имеется ввиду П. Г. Смидович (1874 – 1935) советский государственный и партийный деятель. Был членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, работал председателем Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР.

¹³⁶ ОНО – Отдел народного образования.

¹³⁷ Дейч Лев Григорьевич (1855 – 1941) – деятель социал-демократического движения в России. Друг и соратник Г. В. Плеханова, один из организаторов первой русской марксистской группы «Освобождение труда».

Бауршмидта» 1836 года. В одном месте этого «дела» имеется рапорт воронежского губернского прокурора, в котором он сообщает, что на стряпчего Никитина поступили доносы, как от Бауршмидта, так и от «ныне отставного 14 класса дворянина Былинского»... В конце рапорта прокурор сообщает, что «Былинский предан уголовному суду за богохульство, за намерение сжечь слоб[оду] Макашевку (в конце стр. приписка: «Эта слобода Новохоперского у[езда], Воронежской губ[ернии]» – прим. публ.), в которой он проживал».

В другом месте о Былинском упоминается вскользь, и фамилия там пишется Белинский.

Это очень интересный факт, указывающий, как упоминалась фамилия при выговоре ее различными лицами и подтверждающий возможность искажения фамилии Марии Федоровны¹³⁸.

Перейду теперь к Липецкому музею имени Георг[ия] Вал[ентиновича]. Мне пришлось услышать, что предполагается перевести из него помощника зав[едующего] Музеем Светковского в Елец, куда переводится в первую очередь его жена, заведующая Музеем (в конце стр. приписка: «Более формально, т. к. всю работу ведет Светковский» – прим. публ.). Фактически всю работу ведет Светковский, и его уход из Музея явится, по моему мнению, большим ущербом для Музея. Я позволю себе обратить внимание Ваше на создавшееся положение и, если Вы со своей стороны считаете Светковского желательным работником в Музее, может быть найдете возможным написать в Елец в Окр[ужной] ОНО, чтобы не отводили Светковского от работы в Музее. Я боюсь, что здесь не найдется подходящее лицо для замены Светковского, и вообще смена работника ведет не к укреплению дела, а к разрухе. Светковский достаточно знаком с делом и с большой любовью относится к своей работе, а это является первым условием плодотворности ее; а работы предстоит еще много: совершенно не развернут местный материал по истории революционного движения в Липецком крае, собранный мною с 1917 г. в Липецком нар[одном] музее и переданный в Плехановский музей в 1929 г., но пока еще не разработанный.

¹³⁸ Вероятно этими расхождениями в написании фамилий и объясняется вошедшее в исторический обиход мнение о родственных связях между матерью Г. В. Плеханова, Марией Федоровной, урожденной Бельнской, и В. Г. Белинским (по отцу Бельнским). Ошибочность этого мнения была доказана В. П. Жучковым на основе построенных им генеалогических схем семей М. Ф. Бельнской и В. Г. Белинского (Жучков В. П. Были ли родственниками Мария Федоровна Плеханова и Виссарион Григорьевич Белинский // Плехановские чтения. IV. СПб., 1996. С. 100 – 103).

Я извиняюсь за вмешательство в жизнь Плехановского музея, но оправдываю себя тем, что искренне желаю ему процветания и сохранения собранных в нем материалов. Временно я совершенно отстранился от работы в музеях липецких, т. к. местные деятели относятся ко мне с недоверием и отказались от моего предложения создать в Липецке Музей коммунального хозяйства, который явился бы первым в ЦЧО и представил бы развитие городского хозяйства за 150 лет: г. Липецк в 1779 г. из села превращен в город, и я в прошлом году внес свое предложение в Горсовет, но безуспешно... Очевидно, липецкий климат не позволяет культивировать столь нежные растения, как музеи, библиотеки и т. п. Липецкий нар[одный] музей перемещен в другое здание, в 4 раза меньшее прежнего, а библиотека тоже переведена в худшее помещение. Sapienti sat!.. Будьте здоровы! Желаю успеха [в] работе Дома Плеханова. Мар[ия] Ник[олаевна] шлет Вам сердечный привет.

Искренне уважающий Вас и преданный М. Трунов.
Л. 12-13.

28 января 1931 г. Липецк, Красная пл., 2.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

Прежде всего о Плехановском музее в Лип[ецке]. Положение вопроса о заведующем – без перемен: по прежнему б[ывшая] зав[едующая] Андреева из Ельца не возвращена в Липецк, в Музей. Хотя в Елец из Воронежа была послана бумага, однако не в форме распоряжения о переводе в Липецк, а в форме запроса «не может ли быть переведена Андреева в Л[ипецк]?». Вполне понятно, что представители власти в Ельце пожелали настоять на своем (ревниво оберегая престиж «местной власти»), а потому ответили отказом, мотивируя тем, что она нужна в Ельце.

Между тем Липецк с предстоящим грандиозным строительством («Липецкстрой» с десятком заводов), которое привлечет до 15000 рабочих на свои домны и заводы, – явится выдающимся индустриальным центром и понятно должен предоставить этой рабочей массе возможно лучше обставленный Музей и библиотеку по истории революционного движения, причем не только для беглых осмотров с демонстрацией собраний Музея посетителям, но и для систематических занятий в нем и в б[ibliote]ке. Нужно думать, что недалеко то время, когда Липецкая партшкола потребует практических занятий в Музее для подготовки кадров в парт- и профорганизации не только

Липецкого района (недавно увеличенного присоединением соседнего), но и для ряда других районов. Менее значительных.

Конечно в Музее должна уже теперь вестись усиленная научная проработка имеющегося в нем материала, а также необходимо усиленно собирать материал не только по истории революционного движения, но гл[авным] обр[азом] по рабочему вопросу (у нас и за границей), которому покойный Г[еоргий] В[алентинович] отдал свой талант и всю свою жизнь.

Но как же это может осуществиться в условиях нынешней работы в Плех[ановском] музее?! Один работник может ли вести хозяйство, демонстрировать экспонаты посетителям и научно разрабатывать имеющийся музейный и библиотечный материал, да еще нести работу по оформлению экспонатов, которая, как Вам хорошо известно, чрезвычайно кропотлива и отнимает массу времени, а подсчету не подлежит. В Липецке не могут оценить работу т. Светковского, а в области позволяют отметить «малую популярность Плехановского музея среди масс», не делая шага для упорядочения работы в Музее, т[ак] и не давая работников согласно решению того же центра – кроме заведующего еще 2 научных сотрудников. И вот, вместо 3 работников признанных для проведения надлежащей работы дан всего 1.

Я вновь и вновь звоню в Ленинград: разбудите Воронежский музей революции, который шефствует над Липецким Плехановским музеем и пусть это шефство не является пустым звуком, а претворится в дело. Пусть командируют из Воронежа кого-либо из Музея для проведения здесь, на месте, со специально созданной бригадой, обследования условий работы Плехановского музея, выяснения всех нужд его для немедленного удовлетворения их и составления плана работы на ближайшие 3 года, ко времени осуществления строительства Липецкого комбината.

Я попробую поднять этот вопрос на страницах местной печати («Липецкой Коммуны»), но мало надежд на свой слабый голос, «вопиющий в пустыне».

Думалось, новое районирование принесет Липецку новые интеллектуальные силы из округа и области, но, кажется, таких сил переброшено оч[ень] мало. Все-таки буду звонить и здесь, если не дождусь звонков из Ленинграда.

Не думаете ли Вы устроить так, чтобы Липецкий П[лехановский] музей был поставлен в более близкую связь и зависимость от Ленинградского Плехановского

института¹³⁹? Чтобы он давал ежемесячно туда отчет о своей работе и 1) выявил свои нужды, а 2) получал директивы для дальнейшей работы, хотя бы в форме плановых предложений, которые вносились бы здесь на дальнейшее обсуждение в целях осуществления их.

Если нельзя поставить в такую связь Липецкий м[узей] с Ленинградским П[лехановским] институтом, то хоть возьмите шефство над ним и таким путем содействуйте оживлению его работы, помогая своим влиянием, а то и материально.

С октября я перешел с жел[езно]-дор[ожной] службы в липецкую поликлинику, где принимаю по внутр[енним] бол[езням] и обслуживаю участок в городе посещениями на дому тяжело больных. Работа не трудная, но все-таки утомительная для моего возраста (64-й год жизни и 40-й год врач[ебной] работы).

На днях поднял в союзе вопрос о персональной пенсии в связи с 40-летием врачебно-общественной деятельности и 25-летием высылки (17.1.906 г.) за участие по организации крестьянского Союза в своем врач[ебном] участке (Боровский у[езд], Калужской губ[ернии]) и на декабрьских митингах там же.

Начал было просматривать свой архив для использования его в юбилей 25-летия декабрьского восстания, но заболел и слег на 10 дней (грипп); теперь занят составлением списка печатных материалов, гл[авным] обр[азом] периодических изданий за 1905-6 гг. и 1917-18 гг., собранных мною (помимо переданных в свое время в Липецкий нар[одный] музей и поступивших оттуда в Плехановский).

У меня, например, сохранились: «Единство» (14 №№), «Новая жизнь» (26 №№), «Светоч», «Вперед», «Начало», «Рабочая газета», много с[оциалистско]-р[еволюционеро]вских и народно-соц[иалистических] (трудов)¹⁴⁰, а также Липецкие газеты 1917 г. (с первых чисел марта), представляющие уника. «Русские вед[омости]» за 1905, 906 и 907 гг. сохранились в колич[естве] 759 №№, «Военный голос» 1906 г.

¹³⁹ Имеется ввиду Дом Плеханова – отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, открытый в 1928 г. Согласно выработанному Проекту «Положения о Доме Плеханова», предполагалось, что он будет Институтом по изучению истории общественной мысли и рабочего движения, но во избежание параллелизма с существовавшим в то время Институтом Маркса-Энгельса проект этот не был осуществлен. Подробнее об этом см. в сборнике «К 75-летию Дома Плеханова. 1928 – 2003» (СПб., 2003. С. 9-10).

¹⁴⁰ Имеются ввиду издания Партии социалистов-революционеров и Трудовой народно-социалистической партии.

(прогрессив[ная] воен[ная] газета) – 140 №№. Всего собрано до 150 названий газет (более 1500 №№), кроме 40 названий сатирических журналов 1905-6 гг., уже переданных ранее Лип[ецкому] музею (они теперь в Плехановском), из которых многие представляют теперь библиогр[афическую] редкость.

Весь этот материал по разборке его и составлении списка будет передан в Липецкий Плехановский музей в память предстоящей в нынешнем году 75 годовщине его рождения (1856 – 1931).

И вот моя убедительная просьба к Вам: если Светковский сообщит Вам (я его буду просить об этом) о поступлении этого материала в Лип[ецкий] П[лехановский] музей (конечно с перечнем изданий), не откажите прислать мне официальную бумагу от себя или Института имени Г[еоргия] В[алентиновича] (как найдете удобнее) с квалификацией переданного в отношении ценности его для библиотеки провинциального музея революции.

Также не откажите выслать удостоверение от себя: 1) о собирании мною в течении ряда лет материала по истории революционного движения в «уголке» имени Г[еоргия] В[алентиновича] в Липецком Нармузее, из которого, как Вам известно (да и Светковский не откажется отметить в своем сообщении), передано не мало интересного в Плехановский музей, и 2) о моих давнишних заботах по вопросу об увековечении памяти Г[еоргия] В[алентиновича] на его родине. Это Вам известно из моих писем к Вам и к Н. А. Семашко¹⁴¹, которому я также буду писать по этому вопросу. Я убежден, что эти 2 документа будут большими козырями в моих руках при квалификации здесь на месте и в центре моих общественных заслуг при решении вопроса о персональной пенсии мне за 40 лет моей врачебной и общественной деятельности.

Как идет дело с постройкой здания Института имени Георгия Валентиновича¹⁴²? Теперь, с уходом с железно-дорожной службы, едва ли скоро удастся навестить Ленинград, а хотелось бы посмотреть на тот материал, который Вы привезли из Парижа (архив, библиотеку Г[еоргия] В[алентиновича] и пр[очее]). А Вы не предполагаете навестить Липецк нынешним летом?

¹⁴¹ Семашко Николай Александрович (1874 – 1949) советский партийный и государственный деятель, первый нарком здравоохранения, профессор медицины, заслуженный деятель науки РСФСР. Уроженец Липецкой области, племянник Г. В. Плеханова, сын его единокровной сестры Марии Валентиновны Семашко, урожденной Плехановой.

¹⁴² Дом Плеханова был организован в 1928 г., тогда же предполагалось открыть его и для читателей. Но работа по инвентаризации, описанию и систематизации архива и библиотеки Г. В. Плеханова, привезенных из Парижа, потребовали гораздо больше

Никак не могу точно узнать, в какой мере выполнен план строительства в Гудаловке. Нужно будет напомнить в Воронеже, кому следует о том, что было бы уместно в какой-нибудь форме связать Плехановские учреждения в Гудаловке¹⁴³ с Липецким Плехановским музеем. К сожалению, во 1) Гудаловка теперь причислена к Грязинскому району, и во 2) у Плех[ановского] музея нет средств на поездки в Гудаловку, хотя бы для осведомления о ходе работ и информации Вас.

Мне кажется, что можно было бы устроить так, чтобы Музей взял на себя шефство над Гудаловскими культурными учреждениями в отношении их, а Липецкий РИК¹⁴⁴ предоставил персоналу Музея транспорт для выездов в Гудаловку или сделал ассигновку на это деньгами. А то выходит как-то абсурдно: 2 учреждения имени Г[еоргия] В[алентиновича] находятся в 15 в[ерстах] друг от друга и работают без связи...

Мар[ия] Ник[олаевна] шлет Вам свой привет.

Искренно преданный Вам М. Трунов.

Р. С. Сегодня (30/1) был в Плех[ановском] музее и сообщил Светковскому о решении передать в Музей все свое собрание газет в память 75-летия дня рождения Г[еоргия] В[алентиновича], которое исполнится в ноябре¹⁴⁵. На днях он их возьмет и сообщит Вам о получении, а я буду надеяться на Ваше содействие о котором писал выше, т. е. на присылку мне удостоверений.

На днях пойду к секретарю Райкома и буду вести с ним разговор о пенсии.

В Плехан[овский] музей назначен новый завед[ующий], но, насколько я знаю, он едва ли заинтересуется делом, да к тому же, кажется, совершенный профан не только в музейно-

времени, чем это предполагалось ранее. Кроме того, для их размещения были начаты работы по надстройке одноэтажного флигеля, примыкающего к зданию бывшего Вольного Экономического Общества (ВЭО), в котором с 1920 г. находился II филиал Публичной библиотеки – Библиотека народного хозяйства. Официальное торжественное открытие Дома Плеханова состоялось 11 июня 1929 г. в Актовом зале ВЭО, по строительные работы продолжались вплоть до 1931 г. «Красная газета» (1931, 4 февраля. № 29. Веч. вып.) сообщала: «Торжественное открытие нового здания Дома Плеханова приурочивается к 13 годовщине со дня смерти Г.В. Плеханова в мае 1931 г.».

¹⁴³ Имеются ввиду учреждения, о которых 31 мая 1928 г. в газете «Правда» сообщалось: «Совнарком РСФСР в целях увековечения памяти Г. В. Плеханова вынес решение о постройке в деревне Гудалово Липецкого уезда Тамбовской губернии, участковой больницы и сельскохозяйственной школы нормального типа с трехгодичным курсом – его имени».

¹⁴⁴ РИК – Районный Исполнительный Комитет.

¹⁴⁵ Имеется ввиду дата по старому стилю – 28 ноября 1856 г., по новому стилю это 11 декабря.

библиотечном деле, но и плохо разбирается в истории революционного движения.

Одним словом: «воз и ныне там»...

Л. 14-18.

26 сентября 1932 г.

Томск, Боск, 80.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

С 10.VIII.31 г. я нахожусь на службе врачом Трудкоммуны при ОГПУ¹⁴⁶ в 7 в[ерстах] от Томска. Попал в Сибирь по постановлению Коллегии ОГПУ (ст 58, п. 10¹⁴⁷) на 5 лет. Что при моем возрасте (65 лет) равносильно «до смерти»... Ну, об этом говорить много не приходится, а вот моя жена тяжело больна и лежит в Томской больнице в ожидании операции (опухоль в животе, не определившаяся еще по своему характеру и даже локализации: не то в печени, не то в прав[ой] почке). Обстановка и условия моей работы толкают меня вон из Трудком[муны], и я имел разговор с проф[ессором] Мазель, директором Томского физио-терапевт[ического] института, по поводу перевода моего к нему в библиотеку и музей. Он, видимо, идет на встречу моему желанию, и вот я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой: не откажите дать мне от своего имени рекомендацию, хотя бы самую короткую, как музейно-библиотечного работника (Вам известен Музей, созданный мною в Липецке, с библиотекой в 15000 томов, известны также мои хлопоты по собиранию материалов по истории революции для Музея им[ени] Г[еоргия] В[алентиновича] там же). Я надеюсь оправдать Вашу рекомендацию, т. к. эта работа захватывает меня всецело и я с любовью отдамся ей в таком выдающемся учреждении как Физ[ио]-тер[апевтический] инст[итут] в Томске, пока не последует конец моим мытарствам.

Прошу извинить меня за беспокойство, но, вспоминая всегда Вашу отзывчивость к моей жене и ко мне (Ваше письмо

¹⁴⁶ ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР, образовано на базе главных политических управлений союзных республик в связи с образованием Союза ССР «в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». При ОГПУ действовала Судебная коллегия, упраздненная после включения ОГПУ в состав образованного в 1934 г. Народного комиссариата внутренних дел.

¹⁴⁷ Данная статья Уголовного кодекса предусматривала санкции за контрреволюционную пропаганду и агитацию, распространение, изготовление, а также и хранение контрреволюционной литературы, в виде лишения свободы на срок не ниже шести месяцев, вплоть до расстрела.

к Калинин у в тяжелый момент, в 1928 г.), решаюсь вновь ут- руждать Вас. Моя жена просит передать Вам ее сердечный при- вет.

Искренне преданный М. Трунов.

Л. 19.

7 ноября 1932 г. Томск, Трудкоммуна.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

Приношу Вам искреннюю благодарность за то внимание, которое Вы оказали моей просьбе, прислав мне удостоверение. Я особенно тронут редакцией Вашего письма: квалифи- кация моей общественной работы и авторитетная оценка ее, сделанная Вами, в высокой степени вознаграждают мои при- ложенные к тому старания. Я передал директору Томского физио-тер[апевтического] инст[итута], проф[ессору] Мазелю Ваше, в высшей степени лестное для меня, удостоверение и буду терпеливо ожидать дальнейших результатов моих хло- пот. Лев Григорьевич также сердечно отнесся к моей просьбе о высылке справки относительно моей библиотечно-музейной работы; эту справку я также передал Мазелю одновременно с Вашим удостоверением.

Сегодня, в XV годовщину Октябрьской революции, все ожидают широкой амнистии и может быть таковая коснется и меня; хотя я мало надеюсь на это, а все-таки хочется обмануть себя этими «бессмысленными мечтаниями»...

Конечно, в Липецк мне дорога заказана на ряд лет, что при моем возрасте (3-го числа мне минуло 65 л[ет]) почти равно- сильно тому, что мне больше уже не увидеть этого «зеленого городка», так радушно принявшего меня в прошлую высылку, в 1906 году, и так много давшему мне во всех отношениях за 25 лет жизни в нем. А хотелось бы еще поработать для музе- ев его (краеведческого, т.е. бывш[его] Петровского, и Плеха- новского), а также установить боле тесную связь Липецкого дома просвещения имени Г[еоргия] В[алентиновича] с вновь организуемыми учреждениями в Гудаловке. Ведь Дом просве- щения должен взять на себя заботу организовать регулярные экскурсии посетителей (и граждан местных) Липецка в Гуда- ловку. Рабочий класс липецких заводов и новостроек должен быть ознакомлен ближе с борцом за его права, с колыбелью «отца русского марксизма», а не считать его виновным «в ре- цидивах буржуазной идеологии», как в том уверяют в Липецке инако с ним мыслящие, подобравшие этот лозунг, выкинутый, конечно, из центра...

Закончу свое письмо вестью о Мар[ии] Ник[олаевне] (к слову сказать: сегодня – 40-ая годовщина нашей свадьбы): ей сделана операция (опорожнен гнойник около правой почки) и она с 27.X лежит в больнице Трудкоммуны, где я делаю ей ежедневно перевязки, что продолжится вероятно не менее месяца, т. к. линия разреза велика и ход в полость нарыва глубокий (7 с/т). Т[емпература] после операции пала (доходила до 39,7), но все-таки временами бывает немного повышена (37,3 – 37,5); впрочем это можно объяснить фурункулами, развившимися на спине и ягодичной области (их более 20 шт[ук] и оч[ень] больших). Гнойник образовался из кровоизлияния в околопочечную клетчатку от ушиба правой поясничной области и таза: М[ария] Н[иколаевна] стояла на табуретке, доставая с полки (у нас в каморке, как в купе вагона, все на полках, т. к. размер ее 2 [на] 2,5 м.) какой-то хозяйств[енный] предмет; табурет подвернулся и она упала навзничь, получив сильный ушиб с обширным кровоподтеком под кожу поясницы и верх[ней] части бедра.

12.XI. Только сегодня выбрал время закончить прерванное больными письмо. Продолжаю¹⁴⁸. К сожалению кроме подкожного кровоизлияния, по-видимому, произошло и более глубокое – в около-почечной клетчатке, дня через 3-4 появилось лихорадочное состояние, затем боль в прав[ой] половине живота и в прав[ой] ноге. Больная не придавала особого значения лихорадке, как и я: думали, что простудилась около плиты, устроенной [с]наружи, в огороде (в эти дни перепадали дожди и было ветрено). Затем болезнь как будто стихла и 28 августа мы прошли пешком в Томск и обратно, сделав около 20 километров. М[ария] Н[иколаевна] очень утомилась дорогой и на другой день слегла вплотную. Т[емпература] вновь поднялась; боли резко усилились в пояснице справа и под ребрами. При обследовании обнаружена опухоль в 2 кулака в обл[асти] прав[ой] почки, очень болезненная. Я отвез больную в Томск; рентген указал на поднятие прав[ого] свода диафрагмы, и вра-

¹⁴⁸ Столь подробно описывая болезнь своей жены, Михаил Павлович обращается к Розалии Марковне как коллеге-врачу. Р. М. Плеханова окончила Женскую врачебную школу при Николаевском военном госпитале, работала помощником земского врача в Самарской губернии, вместе с группой студентов-добровольцев была командирована на театр военных действий Русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. в качестве помощника врача. Во время эмиграции окончила медицинский факультет Женевского университета, получила степень бакалавра медицины, в 1889 г. защитила диссертацию на тему «Лечение рака матки» и была удостоена звания доктора медицины. До конца эмиграции в 1917г. занималась частной медицинской практикой в Женеве.

чи стали думать о болезни печени. В терапевт[ической] клинике исследование желчи (диоденальным введением зонда) указало на присутствие в ней больш[ого] колич[ества] лейкоцитов, что дало повод думать о болезни желч[ного] пузыря. Но после 3[-х] нед[ельного] наблюдения ясно определилось выпячивание сзади в обл[асти] почки, и больной, переведенной в хирург[ическую] клин[ику], сделан разрез, давший около 3[-х] стак[анов] гноя. Теперь больная, понемногу оправляется; т[емпература] все таки держится вечерами выше 37, но самочувствие хорошее, боли в животе исчезли. Печень лечу минер[альными] водами (Баталинской и Эссентуки № 17). М[ария] Н[иколаевна] просит передать Вам ее сердечную благодарность за память о ней и шлет Вам свой привет. Я опять благодарю за Ваше письмо и удостоверение. Желаю Вам успеха по работе в Ленингр[адском] доме просвещения имени Г[еоргия] В[алентиновича].

С глубоким уважением к Вам М. Трунов.

Л. 20-23.

10 августа 1934 г. г. Калязин, Московск[ая] обл[асть], Социальная, 27.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

Не знаю возвратились ли Вы в Ленинград, но все таки решаюсь написать Вам и пусть письмо это дождется адресата¹⁴⁹.

Я с февраля с[его] г[ода] получил досрочное освобождение и возвратился в Россию, поселившись недалеко от Москвы, в маленьком городке Калязине.

Работаю в поликлинике с 1.V, но, хотя условиями работы доволен (материально и душевно), все таки мечтаю о другом.

Мар[ия] Ник[олаевна] так привыкла к родным, что ее тянет к Ленинграду и Москве, где живут ее братья. Правда, я поселился между этими пунктами, что дает ей возможность видиться с родными (одна сестра живет в г. Калинин, в 30 в[ерстах] от Калязина), но жизнь в таком глухом и малокультурном городке, каков Калязин, для нее очень тяжела: здесь нет водопровода, и жители носят себе воду ведрами из родников на берегу р[еки] Волги; нет электричества (за исключением учреждений и небольшого числа домов, занятых ответработниками), нет керосина даже и мы принуждены с 9 часов оставаться в темноте и ложиться спать в 10 часов.

¹⁴⁹ С ноября 1933 г. по сентябрь 1934 г. Р. М. Плеханова работала в Париже, после возвращения в конце 1934 г. находилась в Москве в Кремлевской больнице.

Квартира наша хуже кухни в порядочном доме, и совершенно нельзя достать более удобную.

Я с ужасом думаю, о том, что М[арии] Н[иколаевне] зимой придется похоронить себя в Калязинских снегах и темноте, или же жить вдали от меня, у родных в Лисьем Носу, под Ленинградом, в культурной обстановке. Я предполагал было отыскать место врача близ Лисьего Носа, но безуспешно; буду, конечно, еще искать, но не знаю чем кончатся поиски. Кроме того хотелось бы жить в Лис[ьем] Носу, в доме родных, вполне благоустроенном (электричество, водопровод, ванна), среди близких людей, а потому служба с местом жительства более или менее далеко от этих мест, тоже не привлекает. Хотелось бы, живя в Л[исьем] Н[осу], иметь работу в Ленинграде и притом менее ответственную, чем работа врача, расшатавшая за 43 года мои нервы. Такой для меня представляется работа в какой-нибудь большой научной библиотеке в Ленинграде, в каталожном или др[угом] отделе таковой.

Я позволю себе обратиться к Вам за содействием в этом и, в первую очередь решаюсь просить работу в Доме просвещения имени Г[еоргия] В[алентиновича]. Я надеюсь, что мог бы оказаться не бесполезным сотрудником библиотеки и музея, созданных Вами в Ленинграде в память покойного Г[еоргия] В[алентиновича].

Может быть, как сотрудник Ленинградского дома Плеханова я мог бы оказаться полезным для связи этого учреждения с его филиалом в Липецке: Вы могли бы в потребных случаях командировать меня в Липецк или в Гудаловку, с полной уверенностью в том, что я приложу все силы на выполнение порученного задания.

Я никак не могу забыть Липецка, так радушно принявшего в 1906 г. меня, ссыльного и предоставившего мне возможность созданием ряда культурных учреждений в городе и уезде осуществить самые пылкие мои мечты о культурной работе...

Уже с 1907 г. я начал собирать материалы для «уголка имени Г. В. Плеханова» в рисовавшемся тогда только в мечтах Липецком музее. Условия общественной жизни затормозили осуществление этой мечты и только после революции 1917 г. можно было развернуть эту работу в Народном музее, где приступлено было мною создание 2[-х] уголков, в память 2[-х] липецких деятелей – Г. В. Плеханова и С. Н. Терпигорева («Сергея Атавы») ¹⁵⁰.

План был таков. В уголке С. Н. Терпигорева представить историю крепостной России с демонстрацией картин и цифр, рисующих быт и экономику дворянского сословия, давшего материал перу «С. Атавы» для его «Оскудения», «Потревоженных теней»

¹⁵⁰ Терпигорев Сергей Николаевич (псевд. Атава) (1841 – 1895) – русский писатель, родился в селе Никольское Усманского уезда Тамбовской губернии. Печатался

и др.; а в «уголке Г. В. Плеханова» жизнь другой части России: крестьян и рабочих, борьбу за освобождение личности и труда, борьбу, как их самих, так и лучших представителей того же дворянства, ясно осознавших кошмар существующего положения.

Мне к сожалению не удалось осуществить этот план в Липецком нар[одном] музее; впрочем 2-ая часть плана полнее, чем я мечтал, уже осуществлена и продолжает разворачиваться все шире и шире, и не в «уголке», а в Липецком доме просвещения Плеханова.

Думается, что было бы не лишним уделить место в этом «Доме» демонстрации быта и экономики крепостного дворянства и крупной буржуазии: создать в Доме Плеханова «уголок имени С.Н. Терпигорева». Они оба жили так близко друг от друга, в одном и том же уголке Липецкого края, но им не пришлось встретиться: кроме, небольшой правда, разницы в годах (Терпигорев родился, кажется, в 1841 г.), слишком различны были пути этих людей и различна окружавшая их среда...

Дом просвещения Г[еоргия] В[алентиновича] в Липецке не будет забыт мною, где бы я ни жил и забота о том, чтобы он полнее выполнил свои задачи всегда руководила мою работу при обслуживании Дома Плеханова в Ленинграде /так в тексте – публ./. Да и «колыбель» Г[еоргия] В[алентиновича] – Гудаловка, нашла бы во мне заботливую нянюшку, поскольку Ленинградский Дом Плеханова стоит близко к работе культурных учреждений созданных там в память Г[еоргия] В[алентиновича].

Переданный мною в Липецкий Плехановский музей материал по истории революционного движения, особенно местного, липецкого значения (периодическая печать, плакаты, объявления, распоряжения и пр.) едва ли скоро будет кем либо обработан без разъяснений с моей стороны, лично собиравшего всякий листик-страничку липецкой общественной жизни и мысли...

Простите меня! Я замечтался и унесся за облака из мира действительности колязинской. К сожалению, приходится спуститься вниз и закончить, чем начал: просьбой не отказать в предоставлении работы в Ленинградском Доме Плеханова, если окажется там свободное место для Вашего корреспондента.

Мар[ия] Ник[олаевна] просит передать Вам ее сердечный привет, а я позволяю себе надеяться на какой либо ответ по затронутому вопросу.

Искренно преданный Вам М. Трунов.

в журналах «Отечественные записки», «Русское слово», газете «Голос» и др. Наибольшую известность из его произведений получили повесть «Оскудение: Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» (1880) и цикл очерков «Потревоженные тени» (1883 – 1894).

¹⁵¹ Вера Николаевна Плеханова, о ней речь шла в письме от 14 августа 1927 г., дочь Николая Ивановича Плеханова, двоюродного брата Георгия Валентиновича. В Доме Плеханова никогда не работала.

Р. С. Да, еще вопрос. В 1928 г. мне пришлось познакомиться с Верой Николаевной Плехановой¹⁵¹, родственницей Г[еоргия] В[алентиновича]. Она служила тогда в Ленинграде; не работает она у Вас?

Л. 24-26.

17 декабря 1934 г. Лисий Нос.

Глубокоуважаемая Розалия Марковна!

Письмом Вашим к Кодацкому¹⁵² мне не пришлось воспользоваться, т. к. совет Гартмана принес мне благоприятный ответ из Москвы и я уже прописан в Л[исьем] Н[осу].

Кроме того с 11.XII я имею (временно впрочем) работу в амбулатории на соседней станции, в 11 мин[утах] езды по ж[елезной] д[ороге] от Лис[ьего] Носа.

Кроме ежедневных приемов в амбулатории и посещения квартирных больных мне приходится нести дежурство по амбулатории в выходные дни, поэтому я совершенно не имею свободных дней для посещения Ленинграда и его культурных уголков, к чему я так стремился. Не знаю, сколько времени продолжится моя настоящая работа, т. к. я замещаю больного врача и неизвестно, когда кончится его лечение по больничному листу. После его вступления я оставляю за собой дежурства (5 раз в месяц) и тогда смогу навещать Ленинград и в первую очередь ознакомлюсь с собраниями «Дома Г. В. Плеханова».

Приношу Вам искреннюю благодарность за Ваше внимание ко мне.

Мар[ия] Ник[олаевна] просит передать Вам ее привет, мой привет Вашей сотруднице т. Семеновой¹⁵³.

Преданный Вам М. Трунов.

Л. 27.

Смирнова И. В.,
главный библиотекарь
сектора «Дом Плеханова»
Российской национальной
библиотеки г. Санкт-Петербурга

¹⁵² Кодацкий (Кадацкий) Иван Федорович (1893-1937) – советский партийный и государственный деятель. С 1930 г. был председателем Ленинградского совета.

¹⁵³ Семенова Евгения Эрастовна (1885-после 1956) – в Публичной библиотеке работала с 1928 по 1956 гг. в Доме Плеханова с 1928 по 1950 гг. Некоторое время исполняла функции личного секретаря Розалии Марковны Плехановой, затем по ее рекомендации была зачислена в штат Дома Плеханова.

Газета «Единство» в фондах липецкого областного краеведческого музея

В фондах областного музея хранятся семь номеров газеты «Единство» (за 5, 6, 13, 14, 15, 16 апреля и 13 сентября 1917 года) Значатся эти номера как «старые поступления». Существуют две версии поступления газеты в фонды: комплектование газет, листовок 1917 года М. П. Труновым и дар Р. М. Плехановой к открытию дома Плеханова в 1928 году, либо в последующие годы. Логичнее предположить, что М. П. Трунов, комплектуя издания 1917 года, не мог обойти газету «Единство», которая представляет интерес не только как издание 1917 года, но и как газета, выходившая под редакцией нашего земляка Г. В. Плеханова, для создания музея которого Михаил Павлович приложил немало усилий.

Эта газета, руководимая Плехановым, начала выходить 31 мая 1914 года, затем, прекратив свое существование, была возобновлена сразу после февральской революции, после октябрьской революции была закрыта. 19 декабря 1917 года вышло «Наше единство» № 1; 11 и 13 января 1918 года в №№ 14, 16 «Нашего единства» была опубликована последняя статья Г. В. Плеханова «Буки Аз-Ба». В январе 1918 года газета была закрыта. Л. Г. Дейч, соратник Г. В. Плеханова по группе «Освобождение труда», в своей записной книжке 18 января 1918 года отметил: «Решено прекратить «Единство». Что буду делать, решительно не ведаю. Настроение отчаянное, безнадежное».

Г. В. Плеханов после 37-летней эмиграции по возвращении в Россию в начале апреля 1917 года, сильно простудился и слег. Его трибуной в последний год жизни стала газета «Единство», которую он редактировал, и где публиковал все, что хотел сказать о России.

И, естественно, в экземплярах, которыми мы располагаем, нас в первую очередь интересуют статьи Г. В. Плеханова.

В № 5 за 5 апреля – первая публикация Георгия Валентиновича после возвращения из эмиграции: «Война народов и научный социализм». Это своего рода ответ Плеханова на заметку «Правды» по поводу его выступлений о войне. Он подчеркивает, вспоминая свою брошюру «О войне», что война «есть дело народов, а не правительств». В двух номерах: за 15 и 16 апреля в статьях под общим заголовком «Война и мир» Плеханов возвращается к этой теме.

Он критикует социалистическую партию Германии, которая поддерживает политику империализма, ожидая, что «социалистические партии других стран безропотно одобряют их завоевательные планы», вспоминает К. Маркса, который «в первом же манифесте основанного им первого Интернационала, приглашал пролетариат построить свою международную политику на началах нравственности и права».

В № 6 от 6 апреля – отзыв Георгия Валентиновича на публикацию в газете «День» (5 марта) о готовящихся погромах в Тирасполе. Он подчеркивает: «Нужно, чтобы все те, которые собираются играть на старой струне взаимной национальной розни, на опыте убедились в том, что отныне их происки будут встречать строжайший отпор. Нужно, чтобы евреи убедились, что в освобожденной России они будут жить под надежной охраной закона».

10 сентября в Александринском театре состоялся митинг социалистической печати, где были представлены газеты: «Единство», «Воля народа», «Рабочая мысль». Председатель митинга Л. Г. Дейч огласил письмо Г. В. Плеханова, который по состоянию здоровья не смог присутствовать: «...я совершенно солидарен с теми ораторами, которые будут говорить на нынешнем митинге о необходимости защитит от внешнего врага нашу многострадальную, истерзанную им родину, и о том, что помимо коалиции революционной демократии с торгово-промышленным классом, у нас нет никакой возможности решить стоящие перед нами грозные вопросы внутренней жизни и внешних отношений».

Многое из наследия Г. В. Плеханова оказывается созвучно нашему времени. И как пример – его обращение «К русским учителям». Георгий Валентинович из-за болезни не смог выступить на Всероссийском съезде учителей, куда был приглашен, поэтому обратился к ним письменно: «...просвещение составляет одно из самых необходимых условий развития производительных сил всякой страны. Это обстоятельство еще

более увеличивает значение учительской деятельности. Нашему народу нужно просвещение для того, чтобы он мог разумно пользоваться завоеванной политической свободой.

...Россия не может не видеть в вас, просветителях русской земли, один из важнейших факторов своего будущего экономического и политического благосостояния». (№ 14).

В № 13 от 14 апреля – небольшая информация о том, что Г. В. Плеханова посетил министр путей сообщения Н. В. Некрасов «...и просил его принять на себя обязанности председателя совещания при министерстве по вопросу об улучшении материального положения железнодорожных служащих и рабочих».

Г. В. Плеханов дал согласие, подчеркнув, «...что вопросам труда, в особенности в такой отрасли, как железные дороги, он придает первостепенную важность».

С первых же дней возвращения Плеханова в Россию, в газете регулярно публиковались приветствия в его адрес: «Радостно приветствуем в вашем лице возвращение в Россию вождя русской социал-демократической партии в твердой уверенности, что вы, Георгий Валентинович, оставаясь верным идеалам социал-демократа, сумеете провести их в жизнь, объединив с Временным Правительством все силы России в настоящий опасный момент, и не дадите погибнуть завоеванной свободе, при которой только и возможно проведение в жизнь социал-демократических принципов». (Псковская женская общественно-политическая организация).

Союз служащих могилевского губернского земства: «от души желаем, чтобы русская демократия создала лучшую из республик. Верим, что при вашем близком участии это будет. Сердцем и душой мы с вами, лучший из граждан».

«Общее собрание нижегородской объединенной социал-демократической организации единогласно постановило приветствовать ваше возвращение на родину. Мы верим, что живое общение ваше, как идеолога научного социализма и вождя российской социал-демократической партии, с русским пролетариатом даст возможность в высшей мере использовать революцию в интересах широких слоев населения».

«Тамбовская группа российской социал-демократической рабочей партии горячо приветствует маститого вождя пролетариата и надеется видеть и слышать земляка в родном городе».

В каждом из имеющихся у нас номеров «Единства» уделяется внимание Ленину. Причем, в самых разных формах: фельетон Леонида Добронравова по поводу первого выступле-

ния Ленина после возвращения в Россию (№ 6), информация о демонстрации учащихся средних учебных заведений против Ленина (№ 12), в обзоре печати – ссылка на газету «День», где комментируются тезисы Ленина, подборка материалов под общим заголовком «К деятельности Ленина» (№ 15, 16 апреля). И здесь, в частности, представлена информация об арестах у дворца Кшесинской. Инженер-электрик К. Любов на митинге у дворца «доказывал присутствующим, что Ленин ехал по немецкой земле, в запломбированном вагоне и на немецкие деньги, на вопрос, ...какие документы и данные у него имеются для подтверждения сих заявлений, означенный Любов заявил, что «да, есть». Он под конвоем, был отправлен в Государственную Думу, откуда затем был отпущен.

В связи с этим привлекают внимание две небольшие заметки: в № 13 – Заявление матросов-революционеров, представителей почетного караула от 2-го Балтийского флотского экипажа, который встречал Ленина, возвращавшегося из-за границы в Россию: «...принимая участие в торжественной встрече господина Ленина, мы считали это актом воздания домашнего уважения выдающемуся общественному деятелю, оказавшему услуги русскому революционному движению. Ныне, узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию с высочайшего соизволения его величества императора германского и короля прусского, мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его товарищественном въезде в Петроград. Если бы в момент нашего пребывания при его встрече на вокзале мы знали, каким путем он к нам попал, то вместо восторженных криков «ура», раздались бы наши негодующие возгласы: «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал».

В № 15 – Заявление солдат Прожекторной роты: «Мы, солдаты прожекторной роты 38-го инженерного полка, принимавшие участие во встрече господина Ленина, не будучи осведомлены о том, что его приезд был осуществим при содействии германского правительства, заявляем свое глубокое сожаление, что при свете наших прожекторов в Петроград прибыл человек, присутствие которого в настоящий момент, по нашему мнению, нежелательно ввиду его дезорганизаторской работы, вредящей закреплению свободы».

Во многих номерах «Единства» – резкая критика газеты «Правда»: в № 12 – «Басни вместо хлеба»; в № 14 – «Их ложь»; в № 15 – «Руки прочь!» – редакция газеты «Единство» обвиняет

«Правду» в клевете: «Мы должны заявить, что утверждения «Правды», будто мы подстрекаем к насилию – грязная клевета, которая объясняется только тем, что Ленин, отрекшись от социал-демократии, все перепутал и позабыл.

Мы напоминаем ему..., что именно социал-демократы, «в частности, группа «Освобождение труда», созданная Плехановым, решительно отказалась от терроризма.

...Наша «травля» не угрожает его физической безопасности. Наоборот, мы защищаем для него полную свободу слова в надежде, что его политическое безумие, наконец, станет очевидным для всех фактом».

Значительное место в газете отводится сообщениям о военных действиях на всех фронтах, о делегациях из действующей армии, которые регулярно посещали предприятия, работающие на оборону. Об этих предприятиях можно найти материал в каждом номере газеты.

В № 6 от 6 апреля – информация в разделе «Хроника»: военный министр А. И. Гучков в целях лучшего обеспечения заводов, работающих на оборону, распорядился отозвать из войск квалифицированных рабочих. 19 марта по распоряжению агитационной комиссии при Исполнительном комитете СР и СД группа агитаторов выехала в один из пехотных запасных полков.

Эта поездка была вызвана просьбой офицеров помочь уладить трения, возникшие между солдатами и офицерским составом, и предотвратить дальнейший распад воинской части. Подробный отчет об этой поездке представлен в статье «Народная армия».

В связи с тем, что в полку насчитывалось 18 тысяч солдат, митинг проводили по батальонам. В речах выступающих разоблачалось царское правительство. «Сейчас, как никогда, нужны организованность, сплоченность и единство. Нужно стремиться к созыву Учредительного Собрания для провозглашения демократической республики, т. е. народовластия, когда весь народ... на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права будет разрешать земельный, рабочий, национальный и другие вопросы государственного и общественного значения.

...Подъем был необычайный. Знамена красные с лозунгами: «Да здравствует демократическая республика!», «Земля и воля». Духовой оркестр играл «Марсельезу».

Сообщения с фронтов самые различные: информация из Минска о фронтовом съезде, о совещании делегатов с фронта, где был выработан проект устава комиссариата в армии. В каждом номере газеты – сообщения о военных действиях на разных фронтах, зачастую очень лаконичные, как, например, это: «Перестрелка и поиски разведчиков. – Кавказский фронт. 5 апреля 1917 г.».

Наряду с фронтовыми материалами в «Единстве» – сообщения о работе предприятий, выполняющих военные заказы. В № 15 от 14 апреля дана небольшая информация из Екатеринослава: «По распоряжению исполнительного комитета снят памятник Екатерине II. Фигуру с памятника предполагалось поместить в музей, но население и солдаты воспротивились этому и потребовали отправки ее на Брянский завод для переплавки в снаряды. Требование это исполнено».

Многие публикации газеты привлекают внимание – это и обращение «К товарищам рабочим» Васильева, и список сотрудников московского охранного отделения, и сообщения о Николае II и его капитале и много-много других. Главное – ощущение духа времени: в России тревожно, это 1917 год.

В фондах Липецкого областного краеведческого музея – семь номеров газеты «Единство» за 1917 год. И большая признательность тем, кто их сохранил.

**Погребенко Н. М.,
старший научный сотрудник
отдела фондов
Липецкого областного
краеведческого музея**

Записные книжки Льва Григорьевича Дейча

Лев Григорьевич Дейч (1855 – 1941) был близким другом и соратником Г. В. Плеханова.

Участник народнического движения в России, один из организаторов марксистской группы «Освобождение труда», общественный деятель и публицист, он являлся автором многочисленных мемуаров по истории революционного движения, редактором издававшихся в 1920-х годах сборников «Группа «Освобождение труда».

После смерти Г. В. Плеханова, Дейч возглавил Комитет по увековечению его памяти, учрежденный в 1918 году, выступил инициатором создания Дома Плеханова в Ленинграде.

В Липецком областном краеведческом музее хранятся документы из личного архива Л. Г. Дейча, переданные в начале 1990-х годов Андреем Романовичем Познером, доктором философских наук, профессором Московского Государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, внучатым племянником жены Льва Григорьевича – Э. М. Зиновьевой-Дейч. Среди документов – трудовая книжка Л. Г. Дейча, паспорт, выданный ему в Москве 19 декабря 1940 г., а также несколько записных книжек, две из которых, датированные 1931 и 1938 годами публикуются впервые.

При публикации сохранены авторская орфография, порядок записей и нумерация листов, в квадратные скобки заключены расшифрованные авторские сокращения. Отдельные слова расшифровать не удалось.

Обе книжки заключены в коричневый кожаный переплет с тиснением. На пожелтевших листках – мелкий убористый почерк... На первой странице одной из них – пометка, сделанная рукой автора: «№ 2й 1931 г. Выписки и воспоминания».

Лист № 1

«С. Е. Лион – «От пропаг[анды] к террору» (Из одесских воспомин[аний] семидесяти[и]ков) «Каторга и ссылка» (12).

Разочаровавшись в «летучей» пропаганде среди кр[естьян], автор в 1877 г., будучи студ[ентом] 2 к[урса] Одесского юрид[ического] фак[ультета], как-то познакомился с несколькими типогр[афскими] и завод[скими] рабочими. «Пропаганда среди них, – рассказывает он далее, – пошла оч[ень] успешно; они с жадностью слушали револ[юционн]ую критику существ[овавшего] строя, не только эконо[мического], но и полит[ического]го... Образовалась группа из 20-ти.» Начав с Лассаля, полож[ения] рабочих на заводе, о Вел[икой] фр[анцузской] рев[олюции] и послед[ней] автор «в самой популярной форме знакомил слушателей с сущностью учения К. М[аркса] о капитале и прибав[очной] стоим[ости] и т.д. «В то вр[емя] учение К. М[аркса] только что стало восходить на рус[ском] горизонте... и был[а] ещё мало распространена кн[ига]; «Капитал».

«Рабочие слушали с величайшим интересом, с жадностью и наслаждением, несмотря на то, что наши беседы... происходили по окончании их утомит[ельного] рабочего дня», (стр. 16 – 17).

В 1878 г. этот кружок послал приветственный адрес париж[ским] рабочим по случаю 7й годовщины Коммуны... Из этого же рабоч[его] кружка вышли знамен[итые] бр[атья] Ивичевы (?). Автор занимался также пропагандой «учения Маркса» и среди штундистов, читая им, наряду с (неразборчиво) «сказание о четырех бра[тьях], «Капитал» и речи Лассаля.

Л. Б. Гольденберг; эмигр[ант], рассказывает, что переселившиеся из Швейцарии в Лондон Лавров, Смирнов и др[угие] издатели «Впереда», образовали Коммуну, которую посещали многие иностранные эмигранты: «Лиссагаре, француз, написавший «Ист[орию] Париж[ской] Коммуны», и Фр[идрих] Энгельс были частыми посетителями «Коммуны». Часто можно было встретить там и К. Маркса, основателя научного социализма. Он был небольшого роста, с длин[ной] густой бородой, что придавало ему львиный вид. Около этого времени (1874-5 г.) Энг[ельс], Лиссаг[аре] и др[угие] основали интернац[иональное] общ[ество] эмигрантов.

(Сс[ылка] и кат[орга] 1924 г, № 5 (12), стр. 113.)

А. Н. Бибергаль – в своих воспоминаниях о Казан[ской] демонстрации, м[ежду] пр[очим] сообщает: «За «Капиталом» Маркса мы просиживали целые ночи, но совместное чтение подвигалось плохо. Каждый абзац вызывал споры (?) без конца, и даже первого тома мы не прочли (?). [Интересно, какой еще том в серед[ине] 70 х г.г. могли бы они прочесть, – ясно, что Б[ибергаль] имел ввиду 1-ую, наиболее трудную главу, на к[о]т[о]рой большинство и заканчивало свое знакомство с «Кап[итало]м». Главными спорщиками были Фесенко и Титач [Тищенко]: они со страстью полемизировали по пов[оду] каждого, положения Маркса («К[аторга] и с[сылка]» 1926 г. № 7-8 (28 – 29).

Диалектика ещё упоминалась иногда, преимущественно карьерцами, но не могу припомнить, чтобы толковали о борьбе классов или о гегемонии пролетариата.

Лист № 2

В «Капитализме и рус[ском] либер[ализме]», Г. Горбачева (гиз. 22 г.) мы находим такое глубокомысленное объяснение крупных исторических (неразборчиво) и событий: «Широкая завоевательн[ая] политика, просвещен[ный] пышный двор Ек[атерины] II, все это процветает на основе развития внеш[ней] и внутрен[ней] торговли и мирного плодovit[ого], в основном сожительства ее с крепостным хозяйством. Павел I задушен дворян[скими] руками за измену интересам российской торговли с Англией (?). Декабристов породил подъем хлебных цен и обрекло на гибель их падение (?) и т.п. (стр. 8).

...Полемика Ив[ана] Гроз[ного] с кн[язем] Курб[ским] – это спор меж[ду] главой торгового капит[ала], стремящ[егося] к централизации и крепкой власти, и представителем отживающего феодализма, желающим не столько сохранить самостоятельность в своем феоде, сколько получить побольше прав на прибыли и влияние в торгов[ом] деле... Централизатор[ская] и колонизац[ионная] роль православ[ной] церкви, первой носительницы торгов[ого] капитала, объясняет характер многих из «житий святых».

...Оды и речи в честь Петра – это – конечно, оды в честь настоящего самодержца всея Руси – торгов[ого] капитала (9-я стр.).

С. Ковалик – в своих оч[ень] интересных воспомин[аниях] – «рев[олюционное] движ[ение] 70-х гг и проц[есс] 193х»

пишет: «Интересно было видеть, с какой скромностью и благоговением слушал Желябов речи Волковского и др[угих] старших по времени вступления. (см. продолжение 7/2). (см. лист 7 – публ.)

С. А. Викторова-Вальтер много интересного сообщила о рабочих Тихониче и Тимофеиче, как чрезвычайно развитых и любознательных, особенно интересовавшихся теорией ценности Маркса (см. «Кат[орга] и с[сылка]» № 1 (38); 28 г.; кн[ига] 1, стр. 10).

О Тихомирове, его воспом[инаниях] и дневнике в той же кн[иге] (№ 1 (38) «Кат[орга] и сс[ылка]»; очень дельные указания. Меж[ду] проч[им], Н – ский упомин[ает] о моем споре с народовольцами и по-видим[ому], становится на мою сторону.

Мне каж[ется], он несколько преувеличивает «красиво построенную в архитект[урном] отнош[ении]» статью В.Фигнер: на меня не помню, чтобы она произвела впечатление «много дающей для понимания облика Тих[омиро]ва и психических причин его измены» (стр. 149).

У Теодоровича упрощенное объяснение происхождения нашего рев[олюционного] движения 70-80-х г.г., а именно, что это, мол, идейное выражение мелкобуржуазных стремлений крестьян, ремесленников и кустарей. У него же – огромное, будто бы влияние количества отправленного за границу нашего хлеба.

Лист № 3.

О значении занятий «Н[ародной] В[оли] с рабочими» Этому вопросу небезизв[естный] В. Левицкий (Цедербаум) посвятил статью – «Н[ародная] В[оля]» и рабочий класс» («Кат[орга] и с[сылка]» 1930 г., 1, стр. 48-67), см[отри] мои заметки на полях: это сплошное недоразумение и заблуждение, основанное на безграничном доверии к болтовне разных мемуаристов, некритическом отношении к этой болтовне. Выходит, будто, «Н[ародная] В[оля]» была предтечей марксизма, будто она ускорила успех завоевания полит[ических] свобод в Рос[сии], когда в действительности было как раз обратное этому. Надо хорошенько его пробрать, но, увы, негде это поместить, все одурманены этими лжеисториками. 31 год. V I.8.

Р. С. В той же кн[иге] бесподобный Теодорович изощряет свое остроумие над Татаровым, не столь превозносящим «Н[ародную] В[олю]» как он. И там же Рябченко – «О жизни политич[еских] эмигр[антов] в Америке».

Некий Н. Волков, под которым не трудно узнать И. И. Майкова, пространно рассказал в «Былом», № 8, издававшемся за границей, под редакцией Бурцева (выпуск II, 1903-04) о Саратовском кружке Поливанова, Майкова, Пономарева, как о чем-то очень серьезном, важном, стремившемся чуть не море зажечь. В действительности, несмотря на раздувание автора, оказывается из его же слов, что их, саратовцев, было всего 5-6 человек и единственным крупным их предприятием явилась попытка освободить Новицкого, окончившаяся крайне печально.

Я. Г. Резуль. сообщая о Н. И. Зибере (в «К[аторге] и с[сылке]» 1931 г., № 8-9 (81 – 82), м[ежду] пр[очего], замечает: «Новое слово» по вопросу о влиянии Зиберы на Плеханова несомненно оказал П. Демчук в своей статье «Н.Зібер» та «Анти-Дюринг» Енгельса». Автор пишет, что Плеханов «цитовав, стежив за його (Зібера) работою, рахувався з ним-та тільки не називал його имени (подчеркнуто П. Демчуком). И в другом месте «Плеханов вначалі дужечасно нібо забував про Зібера».

Таким образом, один из существенных вопросов в истории русского марксизма – вопрос о влиянии Зиберы на Плеханова – чрезвычайно упрощается: он сводится к заимствованию, без указания источника, совершенного Плехановым по отношению к Зиберу (!) стр. 241.

Лист № 4.

Что может быть наглее, возмутительнее этого ничем не подкрепленного обвинения в плагиате Г[еоргия] В[алентиновича] (!?). И эта бессмыслица, которой сам же Резуль в своей статье приводит массу опровержений, помещается в «К[аторге] и с[сылке]» без единого замечания со стороны редакции!

«Почему люди, имеющие возможность пользоваться привилегией, восстают иногда против ее существования?.. Не опровергает ли это [явление] той материалистической теории, согласно которой стремление всякого данного общественного класса [или сословия] определяется, в последнем счете, его интересами? – писал Плеханов в статье о Герцене.

«Маркс и Энгельс говорят в своем знаменитом «Манифесте», что в тот исторический момент, когда борьба классов в своем данном виде, приближается к развязке, – процесс разложения – охватывает весь господствующий класс, вследствии чего от него отделяются некоторые его элементы, переходя на стороны угнетенного класса, борющегося за свое освобождение. [В подтверждение] этого Маркс и Энгельс ссылаются на переход дворян на сторону буржуазии].

Дебогорий – Мокриевич – в «Свободной России» (№ 2, апрель). [18]89 г.) сообщает: «70-е годы оказались по преимуществу годами практики «с глубокою верою в то, что наш народ восстанет не сегодня – завтра против своих эксплуататоров, стала ходить молодежь в конце [18]73 и начале [18]74 г. по деревням для пропаганды социализма. Хождение в народ продолжалось до [18]77 г. включительно. В эти 4 года и разлетелись иллюзии, так долго лелеянные. В [18]76 г. мне самому пришлось уже слышать песню, сложенную одним народником, с следующим припевом: «Чтоб в революцию (его) вовлечь, – сначала надобно посечь».

Этими словами воспевали народ, тот самый народ, на которого года 3 тому назад чуть не молились (стр. 7).

В. И. Засулич – ответила в следующем номере письмом в редакцию следующее.

«Приведенные господином Мокриевичем строчки взяты из одного очень нескладного стихотворения, но раз они приведены, мне, в интересах истины, кажется необходимым сообщить читателям все стихотворение. Вот оно:

«В народе мы сидим,
Дела великие творим:
Пьем, спим, едим
И о крестьянах говорим,
Что не мешает их посечь,
Чтоб в революцию вовлечь».

«Воспеваются» здесь, очевидно, не народ, а лишь народники. Это – злая сатира на самих себя, на то «мы», которое «сидело в народе» и к которому принадлежал сам «народник», сочинивший (эти) стихи.

Лист № 5

Он не складывал песни, но несомненно, что кто-то пропел его слова, т.к. г. Мокриевич слышал пение).

Г[осподин] Мокр[иеви]ч помнит, конечно, что в программу кружка, членом которого был вышеупомянутый народник, социалистич[еская] пропаг[анда] вовсе не входила. Кружок намеревался вызвать восстание, опираясь на уже существующие в крестьянстве надежды на увеличение земельных наделов. Знакомство с крестьянами подтверждало существование таких надежд. Но в чем несколько месяцев сиденья в народе заставило усомниться большинство кружка, так это в собственной способности сделать задуманную попытку. В (этом) стихотворении выразилось именно это сомнение в себе, насмешка над бесполезностью сиденья в деревне. Оно б[ыло] сочинено экспромтом, при мне, одним 19-летним юношей¹¹⁹, у которого вообще была склонность к подборанию рифм. На этот раз он подобрал их под впечатлением разговоров, в которых мы – несколько живших тогда в народе членов кружка – высказывали друг другу свои опасения, что наше предприятие так и останется на одном бесполезном проживании, за которое упрекала нас наша революцион[ная] совесть. Две последние строчки, приведенные г. Мокриевичем, были прибавлены лишь для пущего самоуязвления, а вовсе не потому, чтобы автор действительно слышал разговоры о желательности розог для вовлечения крестьян в революцию. Но во всяком случае стихотворение направлено против людей, способных высказывать подобные пожелания. \\ \\ Я не отрицаю, что в [18]76 г. и даже раньше среди южных бунтарей – народников господствовало разочарование в социалистической пропаганде. Это очевидно из самой программы их кружка. Я отрицаю лишь циничный, безобразный смысл, который получают в цитате г[осподина] Мокриевича две строки из стихотворения, сорвавшегося с языка у одного народника»

В. Засулич.

¹¹⁹ На сколько могу припомнить, то был В. П. Лепешинский, – «Василек», очень симпатичный юноша, скептич[ески] настроенный. – *Лев Дейч*

«Мы помещаем вышеприведен[ное] письмо, т[ак] к[ак] оно вполне подтверждает сущность замечаний г. Деб[огорий] – Мокр[иевич]а о разочаровании рус[ских] соц[иалисто]в 70-х г[одов] относит[ельно] революционности нашего народа. Что же касается до «циничного и безобразного смысла», который, будто бы получают в статье г. Д[ебогорий] – М[окриевича] цитируемые им стишки, то мы потому уже никак не предполагали возможности такого толкования этой цитаты, что не могли предположить, чтобы кто – либо мог принять эти стишки в буквальном смысле».

Ред[акция]

Однако, сам Д[ебогорий] – М[окриевич] сделал, ведь, из них тот меланхолический вывод, что, вот, мол, как «воспевался народ, на который года 3 т[ому] наз[ад] чуть ли не молились»!

Вообще, этот ярый бунтарь в 70-х г[одах], призывавший к самым крайним приемам (на словах, впрочем), спустя всего 5-6 лет, стал подпевать отчаянному нашему противнику Драгоманову, обливавшего всех русских революционеров помоями, взводившего на нас всевозможные обвинения (см. наше откр[ытое] письмо к г. Драгоманову, в «Календаре Нар[одной] в[оли]», за 1882/3 г.

Лист № 6

В этой же статье, озаглавленной «Отщепенство и народничество» Д[ебогорий] – М[окриевич] в конце писал :

«Роль его (револ[юционного] движ[ения]) уже сыграна и в наст[оящее] вр[емя] нам необходимо искать новых путей для нашей последующей деятельности. Социальн[ая] револ[юция], как результат народного восстания, бывшая исходною точкою прош[лого] рев[олюционного] движ[ения], теперь не может иметь места в наших программах. Не с кем ее у нас делать, а пот[ому] незачем и выдвигать ее на первый план. Мы можем говорить только об известных экономических реформах, намеченных самою жизнью, а о полном социальном перевороте в ближ[айшем] будущем предоставим рассуждать тем, кому не на что больше тратить своего времени.

«Прежнее революционное движение было сильно своею верою в народ, этой веры теперь нет и пот[ому] мы слабы, и до тех пор останемся слабыми, пока не выйдем окончательно из нашего отщепенства, и не найдем почвы для своей деятельности. Почвою этого, при настоящем положении России,

может служить для нас только наше образованное общество (подчеркнуто мною)».

Вот где наш приют, к которому причалил бывший бунтарь, друг Бакунина».

«Ко времени рус[ско] – тур[ецкой] войны скептицизмом были заражены, бол[ее] или мен[ее], все южные народники – гов[орит] Д[ебогорий] – М[окриевич] в своих воспомин[аниях].

Но «на севере косность мысли была гораздо упорнее: там землевольцы продолжали в своем органе «З[емли] и В[оли]» твердить и в 1879 г. о Пугачеве и пр[очих] народнических иллюзиях более ранних эпох» (Богучарский: (неразборчиво) ст. 257 – 58)

Во время разбора дела «Южно – рус[ского] рабоч[его] союза» Заславского (16 привлеч[авшихся] рабоч[их]), при закрыт[ых] дверях; в прав[ительственном] вест[нике] ни слова не упоминалось) происходило разбират[ельство] от 23 по 29 мая, т. е. как раз во время нашего пребыв[ания] в Петерб[урге] и насколько помню, мало нас занимало это крупное обстоятельст[во] (началось вслед[ствие] неостор[ожности] раб[очего] Рыбицкого и доноса Толстоносова).

Тогда же началась рус[ско] – тур[ецкая] война, тоже имевшая нек[от]т[о]рое значение в деле развития констит[уцион-ных] взглядов, причем юг и здесь сыграл роль застрельщика.

А. П. Корнилова, по прочтении «Пролетариата» и «Ассоциаций» Михайлова, «О полож[ении] раб[очего] кл[асса] в Рос[сии]» Флерковского, говорит, что «произведение последнего произвело на нас особенно сильное впечатление, возбуждая острую жалость к страданиям народа, его непосильному труду и крайнему невежеству» (см. брошюру «Перовская и кружок Чайковцев», стр. 16). Чувство жалости, сострадания...служили в ту эпоху первыми стимулами

Лист № 7

побуждавшими тогдашнюю передовую молодежь вступить «в стан погибающих».

«Победа анархизма, заяв[ил] Ковалик, – над друг[ими] течениями объясняется не выдающимися личными составами анарх[истски]х кружков, а строгою логичностью (?) учения и господств[ом] настроен[ной] молодежи». («Рев[олюционнoе] движ[ение] 70-х гг. и процесс 193х», стр. 66).

«Сидя и в тюрьме, он [Стеф[анови]ч] писал историю рев[олюционнoго] движ[ения] в Рос[сии], к[о]т[о]рая дол[жна] теперь храниться в департ[аменте] полиц[ии] или др[угом] надеж[ном] месте. Это было в начале 80-х годов, когда в общ[естве] ожидали конституц[и]ю. Стефанович, по всей вероятности, взялся за упомянутый труд в надежде доказать ссылками на факты из истории революционного движения, что только конституция может спасти правительство от революции. Во всяком случае, имя его ручается за то, что он не мог дать жандармам никаких компрометирующих партию материалов, но, тем не менее, некоторые из товарищей относились неодобрительно(!) к делу составления истории движения для агентов правительства. В это же приблизительно время, Стефанович, бывший чернопеределец, окончательно очистил свое мирозерцание от примеси народничества и усвоил программу социал-демократизма, или, по крайней мере, близкую к нему» (то же, стр. 67).

«Самым деятельным и убежденным анархистом в кружке (Чайковцев) был кн[язь] Кропоткин, оставшийся и доселе таковым. Записки его содержат зачатки анархии... Как выдающийся мыслитель (?), Кр[опотки]н не только воспринял готовое учение, но и подверг его дальнейшей детальной разработке. Особенно он любил останавливаться на моменте анархич[еского] переворота и смелым размахом кисти (sic!) рисовал картину глубокого революцион[ного] состояния человечества, предшествующего торжеству анархии. Другим убежденным анархистом среди чайковцев был Чарушин (?).⁺

+ (см. начало на 2й стр. о Желябове) в кружок членов его. Огонек, потухавший в Желябове в то время, когда он находился в составе кружка, тотчас же вспыхнул за пределами. Хотя Ж[елябов] и был исключен из унив[ерсите]та, но он продолжал принимать участие в студ[енчески]х делах и на происходив[ши]х по пов[оду] их собр[ания]х редко обрывал признан[ны]х авторит[ето]в, если не разделял их взглядов. – Скромным и тихим человеком Ж[елябов] оставался и на

большом проц[ессе], предоставляя руководить товарищами другим лицам, с которыми он никогда не вступал в состязания. Так же скромно он около двух лет просидел в деревне и только, почуяв в себе силу, он вскоре после окончания процесса занял подобающее ему место в партии. (стр. 83).

У Ковалика же следующее о Данилове и Ал. Сацянке: «Возвратившись (из заграницы) в Харьков, Дан[илов] во 2-й пол[овине] 70-х годов собрал небольшой кр[ужок] револ[юционного] характера, в к[от]т[о]-ром наиболее видным членом был юный А.Сацянка, сын харьковского профессора, кончивший жизнь в

Лист № 8

90-х годах самоуб[ийством] в Воронежской тюрьме (стр. 90 – 91)

Об аресте Ф. Юрковского – см. Бермана ст[атья] в «Кат[орге] и сс[ылке]», 1931 г. № 8-9.

Там же об Иванайне, Чуйко, Короленко, Аненской, Павленко.

По выражению Екатерины II, в Швеции (1788 г.) «упражнялись в тихом роптании». То же повторилось при Павле в России: «все смотрят, (далее неразборчиво), слушают и таят злобу, опасаясь казней, страшась Сибири» (В. А. Бамбосов). Ек[атерина] II, т.1, стр. 430)

При Павле россияне были «неистоцимы в похвалах.., высказавши все, что можно было придумать, «они повергались на колени перед бронзами (во Дворце) и поклонялись им в немом восторге (Н. К. Шильдер. Импер[атор] Павел Пер[вый], стр. 459).

Дж. Стюарт Милль о христианстве.

«Христиан[ская] нравственность имеет весь характер реакции, это – большею частью протест против язычества. Её идеал скорее отрицательный, чем положительный, страдательный, чем деятельный. Она больше проповедует воздержание от зла, чем делание добра. Ужас от чувственности доведен до аскетизма. Награды на небе и наказания в аду придают самым лучшим поступкам чисто эгоистич[еский] характер, и в этом отношении христиан[ское] воззрение гораздо ниже античного.

Лучшая часть в наших смутных понятиях об обществен[ных] обязанностях взята из греческих и римских источников. Все доблестное, благородное, самое понятие чести передано нам светским воспитанием нашим, а не духовным, проповедующим слепое повиновение, как высшую добродетель».

Ж. Эльсберг – А. И. Герцен и «Былое и думы» – Изд[ание] Федерац[ии] 1930 г.

Автор умело рисует разные переживания Герцена в «Б[ылое] и дум[ы]» изложенные: но, мне кажется, он придает чересчур серьезное значение (неразборчиво) тяжелым моментам, хотя и повторяет слова дочери Лизы, что он (Г[ерцен]) «умеет обо всем весело рассказывать» (стр. 209). По моему, не так уж тяжела была жизнь Г[ерцена] за границей, при владении огромными материальными средствами! Конечно, ему тоскливо бывало на чужбине, но несомненно куда легче, чем многим рус[ским] перед[овым] люд[ям], обреченным на прозябание не только в глухих провинциальных захолустьях Сибири и евр[опейских] окраинах, но даже в столичных гор[одах]. Его (Г[ерцена]) сетования на свою участь, сидя в комфорт[абельной] квартире, напоминают жалобы светской дамы на отсутствие у нее нового модного украшения. Все, как известно, относительно. (7-1 V-35 г.)

Лист № 9

Верно ли определение Толстым Герцена: «Он блестящ и глубок, что встречается очень редко». Ж. Эльсберг, очевидно, соглашается с этим определением: «в этом высказывании подмечены те два качества Г[ерце]на, которые делают его в своем роде единственной фигурой в русской литературе 2-й половины XIX в» (стр. 213).

Тургенев, в виду нападок на Базарова, как на карикатуру на молодежь, по словам Ив. Иванова, «открыто заявил: за исключением воззрений на искусство – я разделяю почти все его убеждения» (см. И. С. Тургенев. Жизнь, личность, творчество. Петербург, [1]910 г. Изд. Жур[нала] «Мир Божий» стр. 224) – Это заявление едва ли соответствовало действительности. Трудно допустить, чтоб «джентльмен», разделявший взгляды английских парламентских деятелей, вдруг оказался – бы солидарным с «нигилистом» Базаровым. Не проще ли объяснить эту фразу той присущей ему чертой или манерой, ввиду напа-

док, тотчас, как говорится, ударяться на попятный, и заявлять, что он не только не относится отрицательно к такому-то лицу, но почти целиком разделяет его воззрения, когда его упрекали, что то или другое его произведение наскоро написано, он заявлял, что, наоборот, никакое другое не потребовало от него столько времени, как данное, забывая при этом, что в таком-то письме к одному из своих друзей он сообщал как раз противоположное, т.е., что никакое другое не вылилось у него сразу так, как инкриминируемое (см. о «Нови»).

По этой же причине, т.е. ввиду нападок, что Базаров выдуман, Тургенев вдруг стал заявлять, что лично встретил такого уездного врача: едва – ли правдоподобно, ч[то] встретив такого «нигилиста», известный писатель, проникся его, во всех случаях оригинальными взглядами, «почти целиком»?

«Базаров, – говорил Ив. Ив[ан]ов – все время чувствует себя выше других, и даже не скрывает этого [в противоположность Вл. Ил., замечу. Л[ев] Д[ейч]). Естественно, – протест и самозащита бросают его в крайности, часто в высшей степени опрометчивые и нелепые. Чем навязчивей сопротивление, тем решительнее отпор, и в жару полемики Баз[аро]в, действительно, может «валить и себя по носам», как он сам выражается. Жизненная борьба из крепких натур часто вырабатывает деспотов, – именно таков Баз[аро]в». (стр. 226). И далее, на той же стр[анице] автор прибавляет: «Он с презрением смотрит на все, способное на уступки или на оговорки. Прямолинейность и практическая сила на его взгляд достойнейшие добродетели».

«Гёте, услышав одну из историй [об альтруизме среди животных] задолго до книги Дарвина- воскликнул: «Кто слышит это и не верует в Бога, тому не помогут ни Моисей, ни пророки. Вот что я зову вездесущим Божим. Он всюду распространяет и насаждает частицы своей бесконечной любви, и ещё в животном проявляется в виде почки то, что в благородном человеке распускается как цветок». (Цит. у И.Ив[анов]а стр. 229 – 230).

Тургенев – сам признавал вред от долгого своего пребывания за границей: он «глубже и искреннее, чем все его судьи, сознавал вред житья за границей для своего творчества, – писал Ив. Ив[ано]в- Он не перестает повторять: «Мое постоянное пребывание за границей вредит моей литературной деятельности, да так вредит,

Лист № 10

что, пожалуй, и совсем её уничтожит» (241). И далее: «Он прикрепился [к чужой, французской семье Виардо], и уже не было сил отстать, хотя в этих прикрепах не было ни одной нити, исцеляющей тоски одиночества. Здесь глубокая, неизбежная драма; перед нею должны умолкнуть [почему?] всякий суд и осуждение...» (стр. 242).

Уже в конце жизни Т[ургене]в в кругу знакомых рассказывал, как у него создавалось то или другое литературное произведение... «У меня выходит литер[атурное] произведение так, как растет трава. Я встречаю, например, в жизни какую-нибудь Феклу, Петра, Ивана и, представьте, что вдруг в этой Фекле, Петре, Иване поражает меня нечто особенное – то, чего я не видел и не слышал от других. Я в него вглядываюсь, на меня он или она производит особенное впечатление; вдумываюсь, затем Фекла, Петр, Иван удаляются, пропадают неизвестно куда, но впечатление ими произведенное, остается, зреет. Я сопоставляю эти лица с другими лицами, ввожу их в сферу различных действий, и вот создается у меня целый особый мирок...

Затем, нежданно, негаданно является потребность изобразить этот мирок, и я удовлетворяю этой потребности с удовольствием, с наслаждением», (стр. 243-4).

[Осмеливаюсь выразить сомнение, всегда – ли это описание применял Т[ургене]в, напр[имер], большинство лиц, изображенных в «Нови», он лично не встречал, а лишь по наслышке изобразил. Да не только он, – также Достоевский никого из своих «бесов» не видал, Толстой – действующих лиц «Воскресенья» и т. д.]

«Я никогда не покушался «создать образ», если не имел исходной точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы. Не обладая большою долею свободной изобретательности, я всегда нуждался в данной почве, на которой я мог бы твердо ступать ногами» (стр. 244).

«...роман при таких условиях выходил художественной историей действительности, а не иллюстрацией для какой-нибудь преднамеренной идеи» (там же).

Но Ив. Ив[ано]в сам себе нередко противоречит: на этой же стр[анице] он сообщает, что у Т[ургене]ва «процесс творчества

свободен от внешних соображений и мы знаем, с каким постоянством Т[ургенев] твердит молодым писателям об этой свободе, считая её первым и основным условием истинно-художественной деятельности», - но на след[ующей] стр[анице], очевидно, забыв это, пишет по пов[оду] нового романа «Дым»: «Роман, несомненно, весь пропитан страстным полемическим чувством. Он в этом отнош[ении] единственное(?) произвед[ение] Т[ургене]ва: спокойное художественное воспроизведение действительности часто прерывается жесткими сатирическими выходками. Бич сатиры разит двумя концами: одним по аристократич[еской] пошлости, другим – по тупоумию и самонадеянности молодежи, нарядившейся в прогрессивные одеж[ды]. Такая молодежь ... до глубины души возмущала Т[ургене]ва» (245).

Т[ургене]в охотно заводит речь о молодом поколении, о деятелях только-что выступающих на сцену. Его сочувствие всецело на стороне этих новичков. Он готов с восторгом приветствовать новый талант. Он многое прощает молодежи, п[отому] ч[то] вполне понимает её: самоуверенность, преувеличения, известного рода фразы и поза, даже некоторый цинизм, резкие мнения и угловатые формы – все это Т[ургенев] считает неизбежной принадлежностью молодежи и относится с отеческой терпимостью. Он «шапку ломает» перед молодыми людьми, если только чувствует в них действительное присутствие силы,

Лист № 11

таланта, ума. Он такого рода будущим деятелям уступает «честь и место», первый радуется «приливу новых сил», сопровождает успехи юноши горячим восклицанием: «Вперед, молодое поколение!»... Ещё устами одного из ранних героев – Лаврецкого – Т[ургене]в обратился к грядущим поколениям с таким напутствием: «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы. Жизнь у вас впереди, вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть – и сколько из нас не уцелело!... А вам надобно дело делать, работать, – и благословение нашего брата старика будет с вами» (261)

Т[ургене]в рисовал образ нового деятеля, сознающего свои силы и склонности, скромного, мужественного, готового даже на незаметное дело, лишь бы оно было ценно в общественном

смысле. Великий писатель в конце своей жизни и многотрудной творческой деятельности высказывал глубокое убеждение, что стремления к общему идеалу бесплодны, – следует искать специального, указываемого человеку его «прирожденной способностью, талантом, говоря прямо, охотой, расположением к известному делу». А такого рода талант есть у каждого, только не всякий умеет пользоваться им»...

«Не легко пылкой, романтически настроенной молодости помириться с скромным назначением в жизни. А между тем, это единственный полезный и идеальный путь».(стр. 262).

Одна дама жаловалась в письме к Т[ургеневу] на отсутствие лиц, подобных Базарову, на это Т[ургенев] ответил: «Времена переменялись: теперь Базаровы не нужны, т. е. столь же, как последний, «оригинальные, откровенные, смелые», Л[ев] Д[ейч]). Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума – ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение, нужно уметь жертвовать собою без всякого блеска и треска [а для этого разве не нужно выдающихся моральных качеств?]; нужно уметь смириться, и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной [?] работы – я беру слово: жизненной – в смысле простоты, бесхитростности, *terre a terra*. Что может быть, например, жизненнее учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом – тут даже о призвании говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова – вот все что нужно (265). [Но почему же, если это так мало требовало для своего проявления, почему же г.г. Тургеневы не способны были сами следовать этому похвальному «самопожертвованию»? Они довольствовались лишь рекомендацией этого молодежи, а для себя предпочитали переезды из Баден-Баденов в другие курорты! Эх, проповедники!]

(см. отзыв Аполлона Григорьева о Рудине Тургенева, (стр. 12/2)

Лист № 12

П. В. Анненков – «Замеч[ательное] десятилетие (1838 – 48)» «...Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения – тип крайне замечательного и по внешности. С густой, черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом

наискось, – он имел однако вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучащий как металл, шел удивительно к радикальным приговорам, над которыми, впрочем, еще царствовала одна, до боли резкая нота, покрывавшая все, что он говорил. Нота выражала твердое убеждение в своем призвании управлять умами, законодательствовать над ними и вести их за собой. Предо мною стояла олицетворенная фигура демократического диктатора, как она могла рисоваться воображению в часы фантазии. Контраст с недавно покинутыми типами на Руси был наирешительный («Литератур[ные] воспоминан[ия]» СПб, 1909 г. (стр. 306).

Аполлон Григорьев – «К повести «Рудин» у меня ... есть особенная слабость... В (ней) совершается перед глазами читателей явление совершенно особенное. Художник, начавши критическим отношением к создаваемому им лицу, видимо путается в этом критическом отношении, сам не знает, что ему делать с своим анатомическим ножом, и, наконец, увлеченный порывом искреннего старого сочувствия, – снова возводит в апофеозу то, к чему он пытался отнестись критически в рассказ[ываемом]. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловким подходом к апофеозе, – так быстро и прямо совершается перед глазами читателя поворот, так после прочтения эпилога становится ясно, что все, кроме эпилога, до той минуты, когда Рудин, стоящий вечером у окна и заключающий свою беседу, свою проповедь легендою о скандинавском царе, напоминает манеры, приемы и целый образ одного из любимейших людей нашего поколения, – что, – кроме этого ... все остальное сделано, а не рождено, искусственно, хоть и не совсем искусно, вымучено у души насильственно. Тут, одним словом, обнаруживается в отношениях художника к создаваемому им типу, да вместе с тем и для многих из нас, кто только подобросовестнее – замечательная путаница... Что такое Рудин в повести? Фразер? Но откуда же у фразера сила, действующая на глубокую натуру Натальи и (неразборчиво)? (т.1, стр. 322) (Продолжение на следующей] стр[анице]).

Лист № 13

Л. Толстой писал Фету (24/X [18]58 г.): «Душенька дяденька Фетинька! Ей богу душенька, и я вас ужасно, ужасно люблю. Вот-те и все. Повести писать глупо, стыдно. Стихи писать... пожалуй, пишете, но любить хорошего человека очень приятно. Может быть против моей воли и сознания не я, а сидящая во мне еще не назревшая повесть заставляет любить вас. Что-то иногда так кажется» и т.д. (Фет «Мои воспоминания», т. 1, стр. 279-80)

(Продолж[ение]) – (о «Рудине» – публ.)

«В «Рудине» – почти – что в апофеозу возводится все то, над чем судорожно смеется «Гамлет Щигровского уезда» и «Кружки» и «Солнце духа», и влияние философских идей, – все те веяния, одним словом, из под власти которых мечтал уйти художник в простую действительность, – признается законность этих веяний, их право гражданства в душе. Как «Гам[лет] Щиг[ровского] уез[да]», так и «Рудин» равно объясняются поэтической натурой Тур[генева]. Слишком артист, т.е. человек, любящий типы и верующий в типы, для того, чтобы окаменеть в суровом и напряженно-грустном лиризме автора «Монологов» – слишком поэт, т.е. отзывчивая и страстная натура, для того, чтобы не чувствовать вечно, чутко тех звуков, которых «значение темно иль ничтожно, но им без волнения внимать невозможно».

Лист № 20

Покровский. М. Н., наконец, развенчан: «Необходимо теперь ликвидировать антимарксистские, антиленинские теории, покончить с ликвидаторскими взглядами на историч[ескую] науку, имеющимися в работах покойного М. Н. Покровского, которые умаляют роль, значение исторической науки и фактич[ески] хоронят ее. – ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР подчеркивает, ч[то] эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в 1-ую очередь с распространением среди нек[от]рых наших историков ошибочных взглядов, свойственных так называемой «историч[еской] школе Покр[овско]го».

«...задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской

историч[еской] науки и подъема историч[еского] образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». («Б», [19]36, № 3 стр. 3).

...«М. Н. П[окровски]й ... вел обстрел их (бурж[уазны]х истор[ико]в) позиций с точки зрен[ия] экономич[еского] материализма, как изв[естно], ничего общего не имеющего с марксист[ским]учением о диалектике... П[окровски]й запутался, став на совершенно неверный путь отриц[ания] объект[ивной] истории... П[окровски]й, стоя на позиции экон[омического] матер[иализма], наоборот, пришел к отрицанию истор[ической] науки как объективной, меж[ду] т[ем], к[ак] только на базе глуб[окого] марксист[ского] изучения фактов можно понять подлин[ные] закономерности развития человечества. Блестящими образцами этого могут служить такие работы, как «Капитал» Маркса, «Разв[итие] капит[ализма] в Рос[сии]» или «Империализм как новейш[ий] этап капит[ализма]» Ленина, «Вопросы ленинизма» Сталина (там же).

«Нам, представителям нового, социалистического общ[ества], необходимо знать подлин[ную] миров[ую] историю с древнейш[их] врем[ен] до наст[оящего] вр[емени], ибо она помож[ет] показать путь наш[его] разв[ития] и неизбеж[ность] нашей победы (стр. 4).

«Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин... со всей серьезностью и глубиной изучали массовые движения всех врем[ен] и народов, чтобы из них вывести законы, чтобы в них найти методы, какими одна власть заменялась другой, одна обществ[енная] формация – другой. (стр. 5)

«Один из важнейших принципов материалистической диалектики и состоит, в том, ч[то] все надо брать в конкретной взаимной связи, а не изолировано, не обособленно. Т[оварищ] Сталин учит нашу партию, всех трудящихся, как нужно обнаруживать противоречия жизни, как их надо по-революционному, разрешать и преодолевать, обеспечивая наше движение вперед к полному коммунизму (см. «Ленин и Гегель», ст. Ф. Константинова, «Правда» № 274 ;4/X, [19]37 г.

По словам М Стасулевича: «К науке можно применить слова Фокиона о морали: «Когда толпа одобряет и рукоплещет нужно тотчас же обратиться к себе с вопросом: «В чем

же я ошибся». (Nov. Organ, кн.1 гл.72-74 и 77) ... (Ист[ория] ср[едних] век[ов], т.1, стр. 8)

Знаменитое правило Спинозы «не плакать, не смеяться, а понимать», хотя признается многими на словах, но почти никогда не осуществляется:

«Везде и всегда, – гов[орила] Л. Акс[ельрод], Плеханов говор[я] о Спинозовском «теологическом привеске», соглашается с Фейерб[ахом]. Это заставило последнего переделать не Deus sive natura – у Спинозы, в aut Deus aut Natura» [Не «бог или природа», но «или бог, или природа»]

Лист № 21

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный:
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет! Весь я не умру! Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой –
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836, авг[уст] 21 (неразборчиво)

Следующее стихотворение неизвестного декабриста:

Иной восстанет грозный мститель,
Иной родится грозный род,
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

(было напеч[атано] в «Полярн[ой] Зв[езде]», № 4, 58 г.)

След[ующее] стихотв[орение] Некр[асо]ва «Ночь. Успели мы всем насладиться»:

«Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, науки,
Предаваться мечтам и страстям...»

* * *

Мелкие заметки, справки (*алфави́тный указатель – публ.*)

Под буквой «А»

Л. И. Аксельрод – «Этюды и воспом[инания]», Лен[инград], 1925 г. стр. 161 – очень интер[есно], сб. 3 ст.о Г[еоргии] В[алентиновиче], Вере Ив[ановне] Засулич, ред. – К[аторга] и с[сылка], 1925 г. 8 (гл.), стр.249-280

П.Алексеев, рабочий, о нем у Пекарского. Былое, 1922 № 19

Под буквой «Б»

1) «Былое и небылицы» Плех[анова], в «Прол[етарской] Рев[олюции]». 1923 г., № 3

Под буквой «В»

Выдача эмигрантов, переговоры об этом, после 1 марта. «Каторга и ссылка» 27 г., № 2 стр. 81.

Под буквой «Д»

Роль Драгоманова – у Равича – Черкасского см. «Южно-рус[ские] раб[очие] союзы». Сб[орник] стат[ей] под ред[акцией] и вступительная Равича-Черкасского. ГИУ 1925 г. – рецензии К[аторга] и с[сылка]. 1925 г. 8 (21) стр. 271-3 ч.

Под буквой «К»

1. Ковальская, Е. Н., – «Побег», «К[аторга] и с[сылка]» 1932, № 10.

2. Коленкина, М. А., «К[аторга] и с[сылка]», 1927 г. № 2, ст. Яким.? (о ней же в воспоминаниях Деб[огорий]-Мокр[иевича], также у Брешк[овской]. Стр. 177-80.

Под буквой «Л»

О Ленине – в «К[аторге] и с[сылке]» 1934, № 1.

О Лопатине – «К[аторга] и с[сылка]», 26, № 5 (26) стр.260.

Ст. Алексеева в «Прол[етарской] рев[олюции]», 1924 г., № 3.

Под буквой «М»

М. Морозов о знакомстве с К.Марксом – см. «К[аторга] и с[сылка]» -1933-№ 3(100) стр. 142-48.

Под буквой «Н»

Н-ский (Николаевский) – К истор[ии] парт[ии] рус[ских] соц[иал]-дем[ократов] 1884-86 г., «К[аторга] и с[сылка]» 1929 г., № 5 – 54

«Груп[па] Осв[обождение] тр[уда] – «К[аторга] и с[сылка]» 27 г., стр. 201-4

Под буквой «П»

1) Плеханов- «Пер[вые] шаги с[оциал]-д[емократического] движ[ения] в Рос[сии]» т. XXIV, стр. 174

2) Неупоминание о его долгом пребыв[ании] в Лондоне зимой 1902-3 г.г. в Лондоне в статье Алексеева в «Прол[етарская] революция» 1924 г. № 3

Под буквой «Р»

О рабочих – Революционная роль петерб[ургских] рабочих, «К[аторга] и с[сылка]» 23 г., № 6 стр. (Попова).

«Первая рабоч[ая] социал[истическая] орган[изация] в Од[ессе]. ГИЗД. Укр[аина], Одесса, - 21 г.

Ор[усской] революции – обзор загр[аничной] лит[ературы] Николаевского, «К[аторга] и с[сылка]», 27 г. № 1, стр. 215

Рабочие по проц[ессу] 50. «Каторга и ссылка» 27 г. № 4/33, ст[атья] Фигнер.

Роль рабочих – «воровских прелестников» – в ст[атье] Пл[ехано]ва в № 4 «З[емля] и в[оля]» (стр. 25).

Под буквой «Т»

Тихомирова – о бр[ошюре] его: «Плеханов и его друзья» – рецензия в «К[аторге] и с[сылке]» 1925 г., № 8 (21) стр. 274.

Тургенев, И. С. – отзыв о нём Щедрина, Т-18. Там же отзывы о Стасюлевиче и др[угих]. стр. 35.

Под буквой «Ф»

О А. А. Франжоли – «К биограф[афии] А. А. Фран[жоли] – в «К[аторге] и с[сылке]» 1931 г., № 7, также в «Был[ое]» 1907 г. № 3

Под буквой «Х»

Халтурин в гр[уппе] Осв[обождение] тр[уда], №4, стр. 162.

* * *

Вторая записная книжка с пометкой «1938 год. Ориентировочная книжка» была подарена «добрейшему и симпатичному Льву Григорьевичу на добрую и долгую память. От А. Ермолова». Тонкая, практически папиросная бумага... Справа – самодельный алфавитный указатель... Большая часть страниц осталась незаполненной. На первом развороте – пояснения, сделанные, вероятно, рукой Дейча: «мелкие заметки, выписки на память, справки, указания».

Под буквой «Б»

Белинский – подошёл к Сенсимонизму от Жорж Занд: «Я на женщину смотрю их глазами», восклицает он в письме к В..... (28-VI, 1841 г.).

«Социальность, социальность или смерть! Вот девиз мой»... «И настанет время, я горячо верю и не будет богатых, не будет бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья, будут люди» («Письма»).

Под буквой «Ж»

«Среди «западных учителей» особенно велико было влияние Жоржа Занда. Ея первые романы – «Индиана», «Валентина» явились такой пламенной защитой женской эмансипации, что в сенсимонистах сразу признали ее (Ж.-З.) близкой себе по духу, и не только пытались привлечь в свою партию, но и предлагали ей принять на себя роль той

«свободной женщины» или «матери», появление к[о]т[о]рой тщетно ожидали» (В. Каренин. «Ж. Занд». Ея жизнь и производ[ения]. СПб., 1899.)

«Очарование жизни и заключается в том, что она полна неожиданностей». (Пьер Бенуа).

Под буквой «Л»

«Как Ленин работал над Марксом», Н. К. Крупская, «Большевик», 1933 г. №1-2. «Ленин в Самаре», сборн[ик]. М. 1933.

Лесаж(?) – сказал «Льстец ничем не рискует перед великими мира сего, т[ак] к[ак] они легко поддаются даже на самую грубую лесть». (Ист[ория] Жиль Блаза де Сантильянь, стр. 214).

Любовью мы достигаем лучшего и большего, чем страхом. (Гверацци – «Осада Флоренции», 80 стр.).

Под буквой «П»

На память.

Приговорённый на каторгу негр Энджелло Херндон за мнимый призыв в 1932 г. к восстанию в одном из южных городов С.ШТ.А., «столько пережив[ший] на своей короткой жизни, усвоил ту элементарную мудрость, что следует ждать худшего, и всё же надеяться на лучшее». Он же признал, что «смерть ещё не самая большая трагедия для человека. Самая большая трагедия это – жить покоряясь и молчать перед лицом несправедливости и унижения». Энджелло Херндон: «Я буду жить». Мол[одая] гв[ардия] 1938 г.

«Только ничтожные люди считают себя великими, когда (неразборчиво) и обезумевшая толпа возносит их на вершину, где им вовсе не место», (Генрих Манн, «Юность Генр[иха] IV, т. II, стр. 671). «В каждой революции делаются глупости». – (Энгельс).

Под буквой «Р»

«Рабочее движение в Рос[сии] в описании самих рабочих» – Алексеев, Герасимов и др[угие]. М., 1933г.

Щелавин К. И. «Раб[очий] Кл[асс] и его парт[ия]» (неразборчиво), 1925 г.

Под буквой «С»

Сирота Пел. Дав. и Фейнберг Мих. Абр. М. Златоустовский пер.2, кв. 25.

Софья П. Москва, Центр, переулок Стопани, д. 12, кв.22.
Селаври, Викт. Ив. и Ал.Ив.

Под буквой «Ц»

Цицерон говорил, что «человек не должен никогда падать духом до забвения своего человеческого достоинства». (Лесаж, «Жиль Блаз», 57).

Публикацию подготовили:
Селезнева Н. Е.,
заместитель директора музея
по экспозиционно-выставочной работе,
Красникова О. И.,
старший научный сотрудник
отдела фондов
Липецкого областного
краеведческого музея

Памятник Г. В. Плеханову в городе Липецке

В декабре 2006 года исполняется 150 лет со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова, общественного деятеля, выдающегося философа, мыслителя, одного из признанных руководителей международного социалистического и рабочего движения и II Интернационала.

В 1972 году с идеей сооружения памятника в г. Липецке выступило липецкое Областное отделение ВООПиК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры).

Предложения об установлении монумента Г. В. Плеханову поступали и в 1977 году, когда готовилась к открытию экспозиция Дома-музея. Памятник предполагалось поставить (хотя бы в виде бюста) в том месте, где стояла усадьба семьи Плехановых до ее реконструкции.

В 1977 году был сделан заказ на изготовление бюста Плеханова известному московскому скульптору П. Шапиро. Заказ был выполнен, но бюст Плеханова так и не был установлен.

Вновь вопрос о создании памятника основоположнику социал-демократического движения в России возник в связи с отмечавшимися в 1983 году юбилеями создания группы «Освобождения труда» и образования РСДРП. Тогда власти города Липецка решили установить полнофигурный скульптурный портрет Плеханову в центре города, и в ноябре 1987 года на берегу Комсомольского пруда, где сейчас разбит скверик, был заложен гранитный камень с надписью: «Здесь будет установлен памятник Г. В. Плеханову – первому пропагандисту марксизма в России. XI – 1987 г.»

За разработку проекта взялись два ленинградца – скульптор В. Э. Горевой и архитектор В. Л. Бурьгин. В том же году они представили проект памятника, который рассматривался городской комиссией и был одобрен. Предполагалось, что деньги на отливку скульптуры и сооружение памятника будут выделены Министерством культуры РСФСР и властями города Липецка. Однако и эти планы осуществить не удалось – помешала начавшаяся в старне «перестройка».

В канун 140-летия со дня рождения Г. В. Плеханова об установлении памятника заговорили вновь. Был объявлен конкурс на лучший проект. Его выиграл липецкий скульптор Е. А. Вольфсон, который уже давно вынашивал идею создания монументального образа такой крупной исторической личности, каковой является Плеханов.

После утверждения авторского проекта Министерством культуры Российской Федерации, скульптор приступил к исполнению своего замысла, а когда его работа была завершена – за дело взялись литейщики Новолипецкого металлургического комбината. Параметры памятника: высота вместе с пьедесталом составляет 2,5 метра; высота фигуры 2,2 м, стена, на фоне которой установлена фигура Г. В. Плеханова, выполнена из местного известняка.

30 октября 1998 г. памятник Г. В. Плеханову был открыт. На торжественной церемонии открытия Е. А. Вольфсон сказал:

«Я хотел, чтобы липчане увидели усталого, больного старика, измученного борьбой, долгой жизнью вдали от Родины, увидевшего, что в России вдруг стала править горстка не терпящих инакомыслия большевиков, подмявших под себя народ».

Тридцать семь долгих лет длилась эмиграция Георгия Валентиновича. Все эти годы он мечтал вернуться на Родину. Только в 1917 году, после февральской революции в России он и его жена Розалия Марковна выехали из Италии. Добирались домой долго, больше месяца. Как он радовался, что возвращается на Родину, мечтал, что обязательно повезет жену в Липецк, рассказывал об этом чудесном городке. Но приехать сюда не смог.

Вернулся в бронзе...

Памятник выдающемуся земляку установлен на том месте, где до реставрации находилась усадьба Плехановых. По соседству расположен архитектурный комплекс Дома-музея. Вокруг скульптурной композиции разбит небольшой, но уютный сквер, который в последние годы стал одним из любимых мест отдыха липчан.

Клокова З. А.,
старший научный сотрудник
Дома-музея Г. В. Плеханова (г. Липецк)

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Семья Георгия Валентиновича Плеханова	3
Глава 2. Из истории Дома-музея Г. В. Плеханова	66
Глава 3. Письма М.П. Трунова к Р. М. Плехановой. 1927 – 1934 гг.	71
Глава 4. Газета «Единство» в фондах Липецкого областного краеведческого музея	97
Глава 5. Записные книжки Льва Григорьевича Дейча	103
Глава 6. Памятник Г. В. Плеханову в городе Липецке	128

**Георгий Валентинович
Плеханов**

К 150-летию философа, мыслителя и общественного деятеля

Дизайнер Григорьева Е., верстка Зевахина В.

Тираж 500 экз.

Заказ № 494

Отпечатано в типографии «РеСпект», г. Липецк, ул. Калинин, 1.

ББК 87.3(2)6–602(2Р-4.1а)
П36

